

путешествия

ТОРГОВЛЯ

МЕЖДУ МИРАМИ

Александр Яковлев

мусульмане
xvi века
между
мирами

мусульманин
xvi века
между
мирами

18+

Интеллектуальная история / Микроистория

Натали Земон Дэвис

**Путешествия трикстера.
Мусульманин XVI
века между мирами**

«НЛО»

2006

Земон Дэвис Н.

Путешествия трикстера. Мусульманин XVI века между мирами / Н. Земон Дэвис — «НЛО», 2006 — (Интеллектуальная история / Микроистория)

ISBN 978-5-44-482186-1

Главный герой исследования Натали Земон Дэвис – путешественник, дипломат и ученый Иоанн Лев Африканский, автор первого европейского географического трактата об Африке. Он родился в конце XV века в мусульманской Гранаде, вырос и получил образование в Марокко, а во время одного из своих странствий был захвачен в плен христианскими пиратами. Они подарили пленника папе Льву X, который крестил его в соборе Святого Петра. В своей книге автор, живой классик «золотого века» микроистории, подробно рассматривает уникальный жизненный опыт авантюриста и путешественника, жившего на границе разных миров и культур. Как показывает исследовательница, случай Иоанна Льва Африканского, с одной стороны, является пограничным и исключительным, а с другой – отражает глобальные процессы, характерные для Средиземноморья XVI столетия. Натали Земон Дэвис – историк, специалист по раннему Новому времени, профессор Университета Торонто.

ISBN 978-5-44-482186-1

© Земон Дэвис Н., 2006

© НЛО, 2006

Содержание

Введение	5
Глава 1	14
Глава 2	45
Глава 3	73
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Натали Земон Дэвис

Путешествия трикстера.

Мусульманин XVI века между мирами

Введение

Пересечения

В 1514 году король Португалии Мануэль I подарил папе Льву X белого слона из Индии. Слон, которого ликующие римляне торжественно провели по улицам города в пышной парадной процессии и нарекли «Анноне», или Ганнон, должен был символизировать намерение португальского короля привести в лоно христианства все владения от Северной Африки до Индии. Ганнон прожил в своем загоне три года, украшал собою публичные церемонии и празднества и был любимцем папы римского и простого люда. О нем писали поэты, мифографы и сатирики, его изображали на рисунках, картинах и гравюрах, в оформлении фонтанов, на барельефах и майоликовых блюдах. Рафаэль создал фреску в память о нем¹.

В 1518 году один испанский корсар, совершив ряд успешных нападений на корабли мусульман в Средиземном море, подарил тому же папе взятого в плен североафриканского путешественника и дипломата из Феса по имени ал-Хасан ал-Ваззан. Предполагалось, что он послужит полезным источником информации, а также своего рода символом в крестовом походе против турок-османов и против исламской веры, которого желал папа: ведь с тех пор как турки завоевали Константинополь в 1453 году, они все настойчивее угрожали христианскому миру. Появление в Риме арабского дипломата и заключение его под стражу запечатались в дневниках и дипломатической переписке. Его крещение в соборе Святого Петра, состоявшееся через пятнадцать месяцев, обернулось пышной церемонией. Один библиотекарь записывал, какие книги араб брал читать. Однако в сравнении с судьбой Ганнона девятилетнее пребывание ал-Хасана ал-Ваззана в Италии оказалось не зафиксированным теми, кто его видел, его присутствие не увековечили те, кому он служил и кого он знал, никто не рисовал и не перерисовывал его изображений, о его возвращении в Северную Африку упомянули лишь позже, и то косвенно. В памяти европейцев, интересующихся арабской словесностью и литературой о путешествиях, остался лишь краткий отрезок его жизни, рассказы о котором передавались устно и были записаны годы спустя.

В Северной Африке – такое же непонятное молчание. В те годы, когда ал-Хасан ал-Ваззан служил доверенным лицом султана Феса в городах Атлантического побережья Марокко, португальские военные и администраторы не упоминали о нем в своих многоречивых письмах королю Мануэлю. А когда он исполнял дипломатические обязанности в Каире, о нем ни словом не обмолвился тот внимательный наблюдатель, который вел журнал регистрации дипломатических миссий, прибывавших ко двору мамлюкских владык Египта и Леванта.

А между тем ал-Хасан ал-Ваззан оставил в Италии несколько рукописей, и одна из них, опубликованная в 1550 году, стала бестселлером. На протяжении веков его книга вызывала любопытство читателей и ученых по всему свету. С первым же изданием возникли загадки, связанные с автором и даже с его именем. Издатель книги, Джованни Баттиста Рамузио, озаглавил ее «La Descrittione dell’Africa» («Описание Африки»), назвал сочинителя именем, данным тому при крещении, – «Giovan Lioni Africano» – и включил его краткую биографию в свое

¹ Bedini S. A. The Pope’s Elephant. London, 1997; особенно см. гл. 2, 4, 6–7.

посвящение. Под этим именем автор и значился в нескольких изданиях книги, выходявшей в Венеции в качестве первого тома издаваемой Рамузио серии «Плавания и путешествия». И под ним же он был известен в европейских переводах, появившихся вскоре: «Jean Leon, African [sic]» в переводе на французский (1556); «Ioannes Leo Africanus» на латыни (1556); «John Leo, a More» на английском (1600). В 1805 году последовал немецкий перевод труда «Johann Leo der Africaner» – Иоганна Лео Африканца, – а его книга продолжала формировать представления европейцев об Африке, прежде всего потому, что она исходила от человека, который сам жил и путешествовал в тех краях².

Тем временем один исследователь из библиотеки Эскориала в Испании, христиан-маронит из Сирии, наткнулся на арабскую рукопись ал-Ваззана, посвященную другой теме. На ней значилось как мусульманское, так и христианское имя автора, и оба их библиотечарь внес в свой каталог, опубликованный в 1760–1770 годах. Столетие спустя, когда «Описание Африки» удостоилось включения в состав «Recueil de voyages» («Собрания путешествий») выдающегося французского востоковеда Шарля Шефера, во введении появилось арабское имя автора; а в публикации классической серии литературы о путешествиях Общества Хаклюйта в Англии титульный лист гласил: «Ал-Хассан ибн-Мохаммед Ал-Везаз Ал-Фаси, мавр, крещенный как Джованни Леоне, но более известный как Лев Африканский»³.

Тем не менее автор сочинения оставался призрачной фигурой. Однако затем, в первые десятилетия XX века, ряд ученых по-новому подошли и к книге, и к этому человеку. Молодой Луи Массиньон, работавший в области развивавшихся французских «колониальных наук», посвященных изучению географии, истории и этнографии Африки, защитил в Сорбонне диссертацию о Марокко начала XVI века по описанию Льва Африканского. Основываясь на внимательном критическом чтении текста (этот прием анализа достигнет расцвета в его последующих крупных исследованиях по суфийскому мистицизму и поэзии), Массиньон извлек все возможные сведения не только о географии Марокко, но и о жизни и путешествиях ал-Ваззана, а особенно о его источниках и методах наблюдения и классификации. Структура книги ал-Ваззана являлась, по мнению Массиньона, «весьма европеизированной», но «сущность ее была очень арабской». Исследование Массиньона вышло в свет в 1906 году, в тот момент, когда Франция предпринимала активные шаги для установления своего протектората над Марокко⁴.

Специалист по исторической географии Андже́ла Кодацци хорошо знала книгу Массиньона и серьезно относилась к выраженной им надежде на то, что оригинальная рукопись ал-Ваззана когда-нибудь найдется. Имея непосредственный доступ к собраниям итальянских библиотек, в 1933 году она объявила, что обнаружила итальянскую рукопись «Описания Африки», текст которой, как оказалось, отличается от печатного издания Рамузио. Тем временем Джор-

² Johann Leo's des Africaners Beschreibung von Africa / Hrsg. G. W. Lorsbach. Herborn, 1805. См. обсуждение в: *Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner. Seine Beschreibung des Raumes zwischen Nil und Niger nach dem Urtext*. Wiesbaden, 1999. S. 165–171.

³ *Casiri M. Bibliotheca Arabico-Hispana Escorialensis*. Madrid, 1760–1770. 2 vols. Vol. 1. P. 172–174; *Description de l'Afrique tierce partie du monde écrite par Jean Léon African / Sous la dir. de Ch. Schefer*. Paris, 1896–1898. 3 vols. III. Шефер (1820–1898) основал Школу восточных языков (École des langues orientales), опубликовал ряд текстов о Персии и о путешествиях в мусульманские страны и собрал огромную коллекцию рукописей, приобретенную впоследствии Национальной библиотекой; *The History and Description of Africa... written by Al-Hassan Ibn-Mohammed Al-Wezaz Al-Fasi, a Moor, baptized as Giovanni Leone, but better known as Leo Africanus* / Ed. by R. Brown. London, 1896. 3 vols. Во введении к немецкому переводу Лорсбаха также приведено арабское имя (*Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner*. S. 31, n. 118).

⁴ *Massignon L. Le Maroc dans les premières années du XVIe siècle. Tableau géographique d'après Léon l'Africain*. Algiers, 1906. P. 43–45. В предисловии Массиньон выразил благодарность своему руководителю диссертации, специалисту по географии колоний Огюстену Бернару и фольклористу Рене Бассэ, знатоку берберских и североафриканских народных сказок (*Ibid.* P. IX–X). На симпозиуме «Лев Африканский», состоявшемся в Высшей школе социальных наук в Париже 22–24 мая 2003 года, Дэниел Нордман представил отличный доклад о книге Массиньона «Le Maroc dans les premières années du XVIe siècle. Tableau géographique d'après Louis Massignon», который вышел в публикации материалов симпозиума: *Léon l'Africain / Sous la dir. de Fr. Pouillon, O. Zhiri*. Paris, 2009. P. 289–304. Об изучении «колониальных наук» во Франции см.: *Tai L.-Ch. L'ethnologie française entre colonialisme et decolonization (1920–1960)*. Thèse de doctorat en histoire. Paris, 2001.

джио Леви делла Вида, замечательный исследователь семитских языков и литературы, тоже совершал открытия. Отстраненный от университетского преподавания в 1931 году как антифашист, он был приглашен составить каталог арабских рукописей библиотеки Ватикана. В 1939 году он уехал в Соединенные Штаты – акт самосохранения для еврея, – однако прежде он успел внести последние штрихи в свою книгу о формировании восточных собраний Ватикана. В изобилии ее ценнейших сведений читателю открывается немало информации и о том, как читал, писал и каким образом подписывался ал-Хасан ал-Ваззан. Вернувшись в Италию после войны, Леви делла Вида помогал Кодаци разбираться с прочтением еще двух найденных ею рукописей «Джованни Леоне Африкано» на другие темы⁵.

Последней важной публикацией «Жана-Леона л'Африкана» в рамках колониального направления был новый французский перевод и комментарий, подготовленный Алексисом Эполяром. За годы, проведенные в Марокко в качестве врача и офицера французского протектората, Эполяр проникся восхищением «исключительной ценностью» – как исторической, так и географической – «Описания Африки». Его книга опирается на работы Массиньона и Кодаци, но не следует их духу. Эполяр читал итальянскую рукопись в Риме в 1939 году – и приветствовал замысел Кодаци однажды опубликовать ее (увы, неосуществленный), – тем не менее его вариант «Описания» представляет собой смесь переводов из текста Рамузио, отдельных отрывков из рукописи и модернизированных фрагментов французского перевода XVI века. Он пренебрег вероятностью того, что за расхождениями между текстами могут стоять весьма существенные различия во взглядах и в способности воспринимать иную культуру.

Как и Массиньон, Эполяр сопоставляет сведения, приведенные в «Описании Африки», с материалами, почерпнутыми за пределами его страниц, – от расстояний между различными пунктами до хода исторических событий – и при необходимости исправляет ал-Ваззана. В его издании прояснены географические названия, идентифицированы арабские авторы, которых он цитировал. Для достижения этой цели Эполяр собрал группу французских специалистов в области субсахарских исследований, двое из которых работали в Дакаре во Французском институте Черной Африки, а также консультировался со знатоками североафриканского фольклора и историографии. Составленные ими пояснения полезны, но они не затрагивают вопроса, поднятого Массиньоном, – о месте этого текста или его автора в том мире, о котором он писал, и в отношении к миру, для которого он писал. Противоречия снова оказались сглажены: Эполяру нравилось думать, что «Жан Леон» так и оставался христианином в Италии и никогда ее не покидал.

Эполяр не дожидаясь осуществления своего проекта. Группа сотрудников завершила его, и «Описание» было издано в Париже Институтом высших научных исследований Марокко в 1956 году, тогда же, когда Марокко стало независимым государством⁶.

Группа Эполяра видела в числе своих читателей прежде всего историков-африканистов, и специалисты по Африке южнее Сахары и в самом деле не замедлили откликнуться на пуб-

⁵ Codazzi A. Leone Africano // Enciclopedia italiana. Rome, 1933. Vol. 20. P. 899; *Idem*. Dell'unico manoscritto conosciuto della Cosmografia dell'Africa di Giovanni Leone l'Africano // Comptes rendus du Congrès international de géographie (Lisbonne, 1949). Lisbon, 1952. Vol. 4. P. 225–226; *Idem*. Il Trattato dell'Arte Metrica di Giovanni Leone Africano // Studi orientalistici in onore di Giorgio Levi Della Vida. Rome, 1956. 2 vols. Vol. 1. P. 180–198; *Levi Della Vida G.* Ricerche sulla formazione del più antico fondo dei manoscritti orientali della Biblioteca Vaticana. Città del Vaticano, 1939. P. VIII (посвящение датировано в Риме августом 1939 года). P. 99–110.

⁶ *Jean-Léon l'Africain*. Description de l'Afrique / Trad. de A. Épaulard, ann. par A. Épaulard, T. Monod, H. Lhote, R. Mauny // Publications de l'Institut des Hautes Études Marocaines. № 61. Paris, 1956. P. V–XVI. Обращение Алексиса Эполяра к рукописи V. E. 953 в Центральной национальной библиотеке в Риме (Biblioteca Nazionale Centrale) 6–20 июня 1939 года зафиксировано в списке использования, вложенном в рукопись. А. Эполяр (1878–1949) учился медицине в университете Лиона, защитил работу «Vampirisme, nécrophilie, nécrosadisme, nécrophagie» (Lyon, 1901). Т. Моно, профессор Музея естественной истории в Париже, был одним из двоих основателей Французского института Черной Африки в 1938 году. К моменту выхода в свет «Описания Африки» Моно стал спонсором нового журнала, основанного африканскими интеллектуалами – *Présence africaine* – и издававшегося в Дакаре и Париже (*Tai L.-Ch.* L'ethnologie française. P. 195, 253–255).

ликацию, высказывая свое мнение о надежности ал-Ваззана как очевидца. В последние десятилетия XX века ученые из Европы, Африки и Америки сопоставляли его страницы о Черной Африке с другими свидетельствами и позднейшими описаниями: некоторые утверждали, что он сообщает убедительные и ценные подробности о малоизвестных обществах и королевствах, другие – что он рассказывает небылицы, собранные в Томбукту, дальше которого он никогда не ездил. Кто-то удостоверил сведения ал-Ваззана о некоем правителе, еще кто-то доказал, что его сообщение о завоевании ложно, кто-то подтвердил, что он верно описал правило торговли, а другой обнаружил, что отмеченный им пожар больше никто не упоминает. Все эти попытки – в достойном стремлении к «скрупулезному обращению» с первоисточником – разбивают «Описание» на фрагменты вместо того, чтобы рассматривать его как цельное произведение или анализировать писательские приемы его автора⁷.

Пока африканисты спорили, на сцену вышло новое, постколониальное, поколение читателей ал-Хасана ал-Ваззана. Самой видной из них была Умельбанин Жири, чьи собственные пути привели ее из родного Марокко во Францию и Соединенные Штаты. Вышедшая в 1991 году, ее книга «Африка в зеркале Европы: судьба Жана Леона Африканца в эпоху Возрождения» показала, как печатные издания книги Жана Леона влияли на представления европейцев о народах, ландшафтах и прошлом Африки. Подробно исследуя, что именно европейские авторы заимствовали, переделывали, а иногда и игнорировали в «Описании Африки», она привлекала широкий круг источников и материалов – литературные произведения, сочинения по истории и географии. Она по-новому показала, какое место занимал неевропейский мир в сознании эпохи Возрождения. В противоположность прежним исследованиям восприятия «турков» европейцами, где вся картина формировалась европейской стороной, «Зеркало» У. Жири рисует взаимный процесс, в котором североафриканец Жан Леон играет активную роль. Затем она проследила, как шел этот процесс на протяжении веков, а ныне обратилась к изучению проблем самой рукописи⁸.

Второе крупное исследование, связанное с фигурой Льва Африканского, происходит из другой части мира и развивает этот сюжет в иных направлениях. Дитрих Раухенбергер, прослуживший несколько лет в качестве немецкого кадрового офицера и дипломата в Марокко и Тунисе, глубоко погрузился в исследование загадочного ал-Хасана ал-Ваззана. Шаг за шагом поиски привели его в Рим, к рукописи об Африке, которая легла в основу его солидного труда «Johannes Leo der Afrikaner» (1999). Раухенбергер рассказал о жизни, творчестве и итальян-

⁷ Например: *Kalck P.* Pour une localisation du royaume de Gaoga // *Journal of African History*. 1972. № 13. P. 520–540; *O'Fahey R. S., Spaulding J. L.* Comment: The Geographic Location of Gaoga, а также: *Kalck P.* Response // *Journal of African History*. 1973. № 14. P. 505–508; *Fisher H. J.* Leo Africanus and the Songhay Conquest of Hausaland // *International Journal of African Historical Studies*. 1978. № 11. P. 86–112; *Hamani D. M.* Au carrefour du Soudan et de la Berberie: le sultanat touareg de l'Ayar. Niamey, 1989. P. 177–178, 181, 184; *Hunwick J. O.* Timbuktu and the Songhay Empire: Al-Sa'di's Ta'rikh al-Sudan down to 1613 and other Contemporary Documents Leiden, 1999. P. 113, 285, n. 74; *Masonen P.* The Negroland Revisited: Discovery and Invention of the Sudanese Middle Ages. Helsinki, 2000, гл. 4 (П. Масонен сомневается, что ал-Ваззан видел хоть какую-то часть Африки южнее Сахары, за исключением своего первого приезда в Томбукту, см.: *Ibid.* P. 188–189). По заключению Дж. Ханвика, ал-Ваззан посетил по меньшей мере часть из описанных им областей к югу от Сахары. Он использует текст ал-Ваззана взвешенно и убедительно, опираясь на свое исключительное владение материалом источников по истории Черной Африки. Подход П. Калька необычен тем, что он объясняет сомнительные места или пропуски в «Описании Африки» иными причинами, чем забывчивость автора или передача слухов, – учитывая, в каком положении находился «Léon l'Africain», когда писал эту книгу, он задается вопросом: о чем тот, возможно, хотел сказать и о чем умолчал (*Kalck P.* Pour une localisation. P. 546–547).

⁸ *Zhiri O.* L'Afrique au miroir de l'Europe: fortunes de Jean Léon l'Africain à la Renaissance. Genève, 1991; *Les sillages de Jean Léon l'Africain: XVIe au XXe siècle.* Casablanca, 1995; «Il compositore» ou l'autobiographie éclatée de Jean Léon l'Africain // *Le voyage des théories / Sous la dir. de A. Benmakhlouf.* Casablanca, 2000. P. 63–80. Под влиянием «Африки в зеркале Европы» У. Жири молодое поколение литературоведов обратилось к тексту ал-Ваззана, чтобы заново взглянуть, как проблемы расы, неевропейской сексуальности, колонизации воздействовали на творческое воображение европейцев. См., в особенности: *Hall K. F.* Things of Darkness: Economies of Race and Gender in Early Modern England. Ithaca; London, 1995. P. 28–40; *Andrea B.* The Ghost of Leo Africanus from the English to the Irish Renaissance // *Postcolonial Moves: Medieval Through Modern / Ed. by P. C. Ingham, M. R. Warren.* New York, 2003. P. 195–215. См. также информативный веб-сайт Кристель де Руврэ (Cristel de Rouvray): www.leoafrikanus.com.

ском окружении Йоханнеса Лео и прояснил малоизвестную историю откликов на его работы среди немецких ученых. Сильная сторона исследования Раухенбергера заключается в замечательной трактовке противоречивых страниц ал-Ваззана о странах Африки к югу от Сахары. Он использовал рукопись и ее расхождения с печатными изданиями, чтобы оценить, насколько ал-Ваззан достоин доверия как наблюдатель и путешественник, причем поместил свой анализ в контекст яркой и богатой сведениями картины субсахарского региона и его народов. В заключение он с одобрением процитировал одного из специалистов по Африке из группы Эполяра: «Нам повезло, что работа Лео Африкануса была адресована одной из европейских аудиторий и создавалась в Европе. Если бы он писал для арабской аудитории, то, несомненно, опустил бы многие ценные детали, считая их общеизвестными»⁹.

Ученые-арабисты и арабские ученые, работающие в Марокко, все чаще обращаются к ал-Хасану ал-Ваззану и его книге об Африке. В 1995 году Серафин Фанжул, специалист по арабской литературе, заново перевел изданное Рамузио «Описание» на испанский язык. Этим он хотел сократить разрыв между арабистами и европейцами, а вместе с тем заявить о принадлежности «Хуана Леона», родившегося в Гранаде, и его книги к многосоставному «культурному наследию» Испании¹⁰.

У Фанжула были известные сомнения в искренности обращения Хуана Леона в христианство – этот поступок с самого начала вызывал настороженность у марокканских ученых. В своем новаторском исследовании 1935 года Мухаммад ал-Махди ал-Хаджви описал ал-Хасана ал-Ваззана как пленника, которого принудили к обращению и который всегда сохранял преданность своему народу и вере и сам оказывал влияние на папу римского. Сорок пять лет спустя, в 1980 году, в Рабате вышел первый перевод книги ал-Ваззана об Африке на арабский язык. Ее переводчик, Мухаммад Хаджи, незадолго до этого защитил в Сорбонне диссертацию об интеллектуальной жизни Марокко в XVI–XVII веках и стал профессором истории в университете Рабата. Во введении к своему переводу французского текста, изданного Эполяром, М. Хаджи заявил о правах Марокко на ал-Ваззана, утверждая, что тот симулировал обращение в христианство и что некоторые особенности «Описания», такие как использование автором местоимения «мы», свидетельствуют о его неизменной преданности исламу¹¹.

Все эти проблемы были заново подняты в 2003 году на парижской конференции, посвященной «Леону Африканцу», где собрались ученые из Магриба, Европы и Северной Америки, интересующиеся этой загадочной фигурой. К тому времени вопрос о восстановлении его принадлежности Марокко несколько утратил остроту. Путь к этому в определенной степени расчистил не научный труд, а снискавший широкую популярность у читателей яркий роман «Леон Африканский» (1986), написанный Амином Маалуфом. Рожденный в Ливане, в семье смешанной религиозной принадлежности и большого географического разброса, Маалуф рабо-

⁹ *Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner. S. 237.* Раухенбергер ссылается здесь на высказывание Реймона Мони (*Mauny R. Tableau géographique de l'Ouest Africain au Moyen Age d'après les sources écrites, la tradition et l'archéologie. Dakar, 1961. P. 47.*). Немецкий исследователь также использует собственную расшифровку рукописей ал-Ваззана, касающихся Африки южнее Сахары.

¹⁰ *Juan León Africano. Descripción general del África / Trad. S. Fanjul. Barcelona; Madrid, 1995. P. 11–47.* Подобно Массиньону в первые годы XX века, С. Фанжул характеризует этот труд как «арабский по своей тематике, хотя и итальянский по форме и непосредственному побуждению» (*Ibid. P. 43*). Более ранний перевод издания Рамузио на испанский язык вышел в 1940 году в издании Института испано-арабских исследований генерала Франко (*Instituto General Franco de Estudios e Investigación Hispano-Árabe*).

¹¹ *Al-Mahdi al-Hajwi M. Hayat al-Wazzan al-Fasi wa-atharuh. Rabat, 1935; Al-Hasan al-Wazzan. Wasf Ifriqiya / Tarjamat M. Hajji. Rabat, 1980; Hajji M. L'activité intellectuelle au Maroc à l'époque Sa'dide. Rabat, 1976–1977. 2 vols.* Интересные сообщения, посвященные исследованию ал-Хаджви и переводу Хаджи, были сделаны на симпозиуме «Léon l'Africain» (EHES, Paris, 22–24 мая 2003 года). О первом сделал доклад Ален Руссийон (Alain Roussillon. «Une lecture réformatrice de Leo Africanus: Patrimonialisation d'un renégat»), о втором – Дрисс Мансури (Driss Mansouri). Сообщение Руссийона вышло в: *Roussillon A. Une lecture réformatrice de Leo Africanus: Patrimonialisation d'un renégat // Léon l'Africain / Sous la dir. de F. Pouillon. Paris, 2009. P. 333–348.*

тал журналистом в арабской прессе, а затем, когда гражданские войны разорвали на части его родину, переехал во Францию. Там он завершил свое образование в области экономики и социологии, выступал как редактор и автор статей журнала *Jeune Afrique*, посвященного проблемам движений за независимость Африки и вновь образованных государств, а в 1983 году выпустил сборник материалов на французском и арабском языках о крестовых походах главами арабов.

Три года спустя Маалуф заявил о себе как исторический романист, пишущий на французском языке об арабском и исламском прошлом, и в лице Лео Африкануса, или ал-Хасана, создал образ, прекрасно выразивший его собственный способ подняться над языковой, религиозной, национальной идентичностями, которые сковывают и ограничивают человека. «Я родом не из страны, не из города, не из племени, – говорит его герой в начале романа. – Я сын дороги, моя страна – караван... мне принадлежат все языки, все молитвы». А о самом себе Маалуф пишет: «Я претендую на все грани культуры как той страны, где я родился, так и моей второй родины»; и еще: «Я происхожу из племени, которое испокон веков кочует в пустыне величистой с целый мир. Наши страны – это оазисы, которые мы покидаем, когда высыхает вода... Мы связаны друг с другом через поколения, через моря, через вавилонское смешение языков лишь невнятным звучанием имени». Важны пути, а не корни: в Льве Африканском Маалуф увидел фигуру из своего средиземноморского прошлого, в которой слились воедино его «многобразные культуры»¹².

Историки могут счесть, что Маалуф нарисовал портрет ал-Ваззана несколько оторванным от реальности, произвольно наделив его вкусами, взглядами и чувствами, однако этот портрет стимулировал появление новых вопросов. На симпозиуме 2003 года коллеги из стран Магриба по-разному оценивали место ал-Ваззана в культуре, но все считали, что эта проблема требует решения. Философ Али Бенмахлуф поместил присущее ал-Ваззану искусство описания в чисто европейский контекст; исторический антрополог Хуари Туати увидел в его описании африканских животных связь с более ранними арабскими образцами; Ахмед Бушарб заметил в трактовке ал-Ваззаном сражений между португальцами и марокканцами следование определенным формам арабской историографии, однако счел, что, судя по беспристрастности изложения, автор отбросил всякое сочувствие к миру, откуда сам вышел; в то же время Абдельмаджид Каддури интерпретировал «Описание» ал-Ваззана в категориях как арабских, так и европейских жанров¹³.

¹² *Maalouf A. Léon l'Africain*. Paris, 1986. P. 7, 9; Idem. *Les croisades vues par les Arabes*. Paris, 1983; Amin Maalouf // Ancelovici M., Dupuis-Déri F. *L'archipel identitaire. Recueil d'entretiens sur l'identité culturelle*. Montréal, 1997. P. 169–172; *Maalouf A. Origines*. Paris, 2004. P. 9–10; Беседа автора настоящей книги с Амином Маалуфом (Париж, 17 октября 1997 года).

¹³ *Benmakhlouf A. Cosmologie et cosmographie au XVIe siècle: le statut épistémique de la description; Touati H. La giraffe de Léon l'Africain; Boucharb A. La conquête ibérique du littoral marocain d'après la Description de l'Afrique: vision d'une entreprise guerrière en terre d'Islam; Kaddouri A. Al-Wazzan de part et d'autre de la Méditerranée: Lire Léon dans une perspective de regards croisés* – все эти доклады были представлены на симпозиуме «Léon l'Africain» (EHESS, Paris, 22–24 мая 2003 года). Очерк Ахмеда Бушарба опубликован в: *Léon l'Africain / Sous la dir. de F. Pouillon*. Paris, 2009. P. 67–81. Еще двое марокканских ученых написали об ал-Ваззане в книге, которая попала мне в руки, когда моя собственная работа уже ушла в печать: Хамид Трики и Амина Аушар, авторы вступительных очерков к прекрасно иллюстрированному изданию разделов книги ал-Ваззана, посвященных Фесу, в переводе Эполяра (*Fez dans la Cosmographie d'Al-Hassan ben Mohammed al-Wazzan az-Zayyat, dit Léon l'Africain*. Mohammedia, 2004). В представленном историографическом обзоре автор не рассматривает традицию изучения жизни и творчества ал-Хасана ал-Ваззана на русском языке. В связи с этим необходимо в первую очередь отослать читателя к книге: Лев Африканский. Африка – третья часть света. Л., 1983. Эта книга вышла в серии «Литературные памятники», текст русского перевода книги Льва Африканского был подготовлен Виктором Владимировичем Матвеевым (1928–1995) на основе итальянского перевода Джованни Батиста Рамузио, который был сверен с французским переводом Алексиса Эполяра. Кроме того, данное издание содержит значительную статью В. В. Матвеева «Лев Африканский. Его время, его жизнь, его труд» (*Прим. науч. ред.*).

Интерес коллег из Магриба к определению места в культуре и к движению между культурами ближе всего к предмету моих собственных занятий. Впервые я встретила с «Описанием Африки» ал-Хасана ал-Ваззана больше сорока лет назад, когда только что закончила докторскую диссертацию о протестантизме и книгопечатниках Лиона в XVI веке. Одним из этих лионских протестантов был купец и издатель Жан Тампораль, который в середине 1550-х годов перевел «Описание Африки» на французский язык и выпустил в свет в печатном виде. Я восхищалась широтой интересов Тампоралья и гравированными иллюстрациями работы его родственника¹⁴, на которых представлена воображаемая Африка. Но тогда мое внимание было приковано к другому: к противостоянию рабочего и работодателя, мирянина и священнослужителя в напряженной жизни французского города – к предметам, которыми мало занимались историки в 1950-х годах. Первое знакомство Европы с Африкой, запечатленной в «Описании» ал-Ваззана, казалось далеким и не столь актуальным. Обращения в иную веру, которые я пыталась исследовать, – переходы из католичества в протестантизм, казались особенно интересными, наверное, потому, что происходили в сердцах и умах *mon peuple*, простых людей. Длительное взаимодействие между исламом и христианством, которое я могла бы выявить в жизни и творчестве «Жана Леона Африканца», должно быть, воспринималось мною тогда как слишком заурядная религиозная ситуация, не требовавшая анализа.

В середине 1990-х годов отношения между европейцами и неевропейцами стали центральным вопросом, причем диаметрально противоположные, крайние точки зрения вызывали протесты и возражения. Такие ученые, как Хоми Баба, формировали представления о культурных связях между колониальным населением и колонизаторами в Индии в категориях «гибридности», а не четких «различий» и «инаковости». Категории господства и сопротивления по-прежнему оставались необходимыми для понимания прошлого, но американский историк Ричард Уайт сумел тогда отвлечься от них и обозначить некую промежуточную зону, в которой разворачивались дипломатические, торговые и иные формы взаимообмена между коренными американцами и англичанами, селившимися на их исконных землях. Пол Гилрой разрабатывал свою концепцию «Черной Атлантики», «выводя обсуждение политической культуры чернокожих за рамки бинарной оппозиции между представлениями коренного населения и мигрантов... размещая мир черной Атлантики в переплетенной системе связей, между локальным и глобальным». Я тоже переосмысливала эту Атлантику, когда описывала европейских «дам на обочине» в контакте с ирокезскими и алгонкинскими женщинами в Квебеке или с жительницами Карибских островов и африканками в Суринаме¹⁵.

Этот момент показался удачным, чтобы вернуться к Жану Леону Африканцу, которого я начала в мыслях называть именем ал-Хасан ал-Ваззан, потому что он носил его большую часть своей жизни. Теперь у меня появились семейные связи в его краях, в Марокко и Тунисе. На его примере я могла исследовать, как человек перемещается между различными политическими системами, как прибегает к всевозможным культурным и социальным приемам, то сплетая их вместе, то разделяя, чтобы выживать, познавать, писать, устанавливать отношения,

¹⁴ Historiale Description de l'Afrique, tierce partie du monde... Escrite de nôtre tems [sic] par Iean Leon, African / Trad. par Jean Temporal. Lyon, 1556/1557. На титульном листе указан в качестве даты публикации 1556 год, но в привилегии Генриха II Жану Тампоралю сказано, что печатание завершилось 4 января 1556 года по старому времяисчислению, то есть 4 января 1557 года по новому.

¹⁵ Bhabha H. The Location of Culture. New York; London, 1994, гл. 1, 6, 10; White R. The Middle Ground: Indians, Empires and Republics in the Great Lakes Region, 1650–1815. Cambridge, 1991; Gilroy P. The Black Atlantic. Modernity and Double Consciousness. Cambridge, 1993. P. 29; Zemon Davis N. Women on the Margins: Three Seventeenth-Century Lives. Cambridge, 1995 (рус. пер.: Земон Дэвис Н. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века / Пер. Т. Доброницкой. М., 1999; 2021).

осмысливать общество и себя самого. Я попыталась понять, давалось ли это легко или с усилиями, приносило радость или разочарование. Как и у некоторых других героев моих работ, случай ал-Хасана ал-Ваззана – из ряда вон выходящий, ведь североафриканские мусульмане в большинстве своем не попадали в плен к христианским корсарам, а если и попадали, то их не передавали папе римскому, – однако нерядовой случай часто выявляет закономерности, присущие и не столь необычайным обстоятельствам и их описаниям¹⁶.

Когда я преподавала в Лионе, один неевропеец, иммигрировавший во Францию, довел до моего сознания более серьезную опасность. Он потребовал, чтобы я говорила не столько о культурном обмене и стратегиях адаптации приезжих (частично неявных), сколько о жесткой политике правительств по отношению к иностранцам и об экономической и сексуальной эксплуатации иммигрантов. Я серьезно отнеслась к его предостережению – отношения господства и отношения обмена всегда каким-то образом взаимодействуют – и, рассказывая об ал-Хасане ал-Ваззане, отмечаю, когда он находился во власти хозяина, или похитителя, или какого-нибудь правителя.

Годы жизни ал-Ваззана, то есть последние десятилетия XV века – первые десятилетия XVI века, были наполнены политическими и религиозными переменами и конфликтами. В восточной части мусульманского мира активизировались турки-османы, воевавшие не только с соседями-шиитами в Персии, но и с собратьями-суннитами, правителями Сирии и Египта. В Магрибе (как называли западную часть исламского мира), и особенно в Марокко, суфийские религиозные движения и вожди союзных племен грозили расшатать авторитет, на который опиралась политическая власть. В христианской Европе находилась на подъеме династия Габсбургов, которая, благодаря ловко заключенному браку, прибавила к власти над Священной Римской империей еще и контроль над Испанией. Французские монархи бросали Габсбургам вызовы на каждом шагу, если не в их растущей заморской империи, то в борьбе за власть в Европе, и особенно в Италии. В то самое время, когда полный энергии католицизм придавал новую силу правлению испанских монархов, в Германии разрасталось и противилось власти пап над церковью лютеранское движение. А пока конфликты разворачивались внутри ислама и христианства, продолжалось и их взаимное противостояние: испанцы и португальцы одерживали победы на самом Пиренейском полуострове и в Западном Средиземноморье, османы – на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Тем не менее парадокс, часто встречающийся в истории, заключается в том, что в эти десятилетия через те же границы шел самый оживленный обмен – люди торговали, путешествовали, обменивались идеями, книгами и рукописями – и во множестве складывались и распадались союзы, превращавшие врагов во временных соратников. Таковы были миры, как мы увидим более детально, в которых играл свою роль герой этой книги.

Я стремилась как можно обстоятельнее отразить место ал-Хасана ал-Ваззана в обществе Северной Африки XVI века, населенной берберами, андалузцами, арабами, евреями и темнокожими, в то время как европейцы все усиливали натиск на ее границы; описать дипломатические, научные, религиозные, литературные и сексуальные представления, которые он мог бы привезти с собой в Италию; показать его реакцию на христианское европейское общество – что он узнавал, что его интересовало и что тревожило, что он делал, как менялся и особенно как писал, находясь там. Я создавала портрет человека с двойным видением, который нес в себе два культурных мира, иногда воображал две читательские аудитории и использовал приемы, заимствованные из арабского и исламского репертуара, по-своему внося в них европейские элементы.

¹⁶ Некоторые примеры такого подхода см. в работах: *Spitzer L. Lives in Between: Assimilation and Marginality in Austria, Brazil, West Africa 1780–1945. Cambridge, 1989; García-Arenal M., Wieggers G. A Man of Three Worlds: Samuel Pallache, a Moroccan Jew in Catholic and Protestant Europe. Baltimore, 2003.*

Когда я занималась ал-Хасаном ал-Ваззаном, мне не давали покоя безмолвие современных ему документов и кое-какие противоречия и загадки в его собственных текстах. Скажем, читая письма покровителя, для которого ал-Ваззан готовил рукопись, я затаив дыхание искала упоминания его имени и в разочаровании закрывала папку, не найдя его. Встречая противоречивые или неправдоподобные утверждения, например, о времени его путешествий или о событиях жизни, я изо всех сил пыталась их прояснить, но терпела неудачу так же часто, как и преуспевала. Обнаруживая, что сам он ничего не пишет о таких предметах, которые, по моему, должны быть близки его сердцу, я неодобрительно прищелкивала языком. Наконец, я поняла, что молчание, отдельные несоответствия и загадки характерны для ал-Ваззана и что я должна принять их как ключи к пониманию его личности и его положения. Какой человек прибегает к умолчаниям, описывая общества, в которых сам вращался, и времена, в которые сам жил? Какой автор оставляет текст с загадками, противоречиями и выдумками?

Мой замысел состоит в том, чтобы опереться на данные о людях, местах и текстах, с которыми, согласно надежным свидетельствам, он точно или предположительно был знаком, а на дополнительных источниках обо всем этом воссоздать то, что он мог бы видеть, слышать, читать или делать. Повсюду мне приходилось использовать условные обороты – «мог бы», «наверное, мог», «вероятно, мог бы» – и умозрительные «предположительно», «может быть». Таким способом я приглашаю читателя проследить правдоподобную историю жизни по современным ей материалам. Труды ал-Ваззана составляют стержень моего рассказа, причем не только их фактическое содержание, но и стратегии и менталитет их автора, насколько можно их вычислить, основываясь на его рукописях и их языке. Изменения в появившихся позднее печатных текстах книги об Африке намекают на то, каким человеком предпочитали видеть его европейцы.

Проделав такой путь вместе с ал-Хасаном ал-Ваззаном, я постаралась разгадать, чем закончилась его история, когда он переправился через Средиземное море обратно в Северную Африку. Каков был итог его жизни и его наследия? Может быть, воды Средиземного моря не только отделяли север от юга, правоговерного от неверного, но и соединяли их посредством схожих стратегий притворства, игры, перевоплощения и спокойного поиска новых знаний?

Глава 1

Жизнь на территории ислама

В 925/1519 году узник-мусульманин, сидевший в римской тюрьме, написал по-арабски на рукописи, которую он позаимствовал из библиотеки Ватикана, свое имя, состоящее из трех частей: ал-Хасан ибн Мухаммад ибн Ахмад ал-Ваззан. Так мы узнаём, что его отца звали Мухаммад, а деда – Ахмад ал-Ваззан. «Ал-Фаси», – продолжил он, обозначив, как принято у арабов, свое происхождение: «из Феса», хотя в другом месте он вставил «ал-Гарнати», чтобы подчеркнуть, что родился в Гранаде, а вырос в Фесе¹⁷.

Вот если бы ал-Хасан ал-Ваззан был столь же откровенен в отношении даты своего рождения! В своей объемистой рукописи про Африку он привел об этом лишь косвенные сведения, отметив, что впервые посетил марокканский город Сафи на атлантическом побережье «двенадцатилетним юнцом», а затем побывал там снова «примерно четырнадцать лет спустя» (или, возможно, переписчик написал «примерно четыре года спустя»). Джованни Баттиста Рамузио, подготовивший первое печатное издание труда ал-Ваззана, либо восстановил эту важную цифру по контексту, либо взял в другом списке рукописи и прочел как «четырнадцать». Во время своего второго путешествия ал-Ваззан доставил официальное послание от двух султанов к берберскому вождю из Сафи, состоявшему на службе португальского короля¹⁸. Ал-Ваззан описал, как этот вождь воевал и собирал дань – это, по сведениям португальских властей, следивших за каждым шагом бербера, происходило между 918 и 921 годами хиджры/1512–1514 годами, но, скорее всего, в начале лета 918/1512 года¹⁹. Это позволяет приблизительно датиро-

¹⁷ Biblioteca Vaticana. MS Vat. Ar. 115, 295v; *Levi Della Vida G. Ricerche sulla formazione*. P. 102, 155; *Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner*. S. 69, 463; Biblioteca Estense Universitaria (Modena). MS Orientale 16-alfa.J.6.3. The Epistles of Saint Paul in Arabic. Transcribed by al-Hasan al-Wazzan. F. 68. О составных частях арабских имен собственных см.: *Sublet J. Le voile du nom. Essai sur le nom propre arabe*. Paris, 1991 (введение).

¹⁸ Biblioteca Nazionale Centrale (Rome). *Al-Hasan al-Wazzan. Libro de la Cosmographia (sic!) et Geographia de Affrica*. MS V. E. 953. F. 66v–67r, 85v–86r (далее – CGA). Переписчик часто ставил косые скобки по обе стороны цифр (/4/) но в этом случае первая линия гораздо толще второй, совсем тонкой. La descrizione dell’Africa di Giovan Lioni Africano // Ramusio G. B. *Navigazioni e Viaggi* / A cura di M. Milanese. Torino, 1978. Vol. 1. P. 19–460 (далее – Ramusio). См.: Ibid. P. 92, 110–111; *Jean-Léon l’Africain. Description de l’Afrique* / Trad. par A. Épaulard. Paris, 1980–1981 (репринт. изд. 1956 года, далее – Épaulard). P. 99, 120–121 (Эполяр повторяет вслед за Рамузио). О том, что Рамузио, весьма вероятно, располагал еще одной рукописью книги об Африке, см. ниже в главе 3. В настоящих примечаниях после каждой ссылки на страницы рукописи сочинения ал-Ваззана об Африке (CGA) я буду указывать соответствующие страницы в издании Рамузио 1978 года, *Navigazioni e Viaggi* (Ramusio), а также в публикации французского перевода Эполяра (Épaulard). Из многочисленных разночтений между рукописью и опубликованными версиями я стану отмечать в примечаниях только те, что прямо относятся к основным идеям моей книги. В таких случаях я также буду приводить номера страниц вышедшего в Венеции в 1563 году издания: *Al-Hasan al-Wazzan. La Description dell’Africa* // Primo volume et Terza editione delle Navigazioni et Viaggi / A cura di G. B. Ramusio. Venezia, 1563. F. 1r–95v (далее – DAR), на котором основано издание 1978 года. Поскольку в издании 1978 года модернизировано написание некоторых итальянских слов, все цитаты из книги ал-Ваззана об Африке по публикации Рамузио я буду брать непосредственно из ее венецианского издания 1563 года.

¹⁹ Самое полное собрание источников о португальской экспансии в области Сафи см. в: *Les sources inédites de l’histoire du Maroc*. Archives et bibliothèques de Portugal / Sous la dir. de P. de Cenival, R. Ricard. 1ère série. 5 vols. Paris, 1934–1953. Vol. 1 (July 1486 – April 1516). Того бербера, которому ал-Ваззан доставил послание, звали Йахйя-у-Тафуфт. О нем см.: Ibid. P. 151–161, 177–178, 191, 197, 271–280, 316–329, 335–353, 381, 545–558, 596–637, 642–663. Он был назначен капитаном при португальском губернаторе Сафи, Нуно Фернандесе де Атаиде. Губернатор приехал в Сафи из Лиссабона летом 916/1510 года. Йахйя, находившийся в Лиссабоне с лета 1507 года, возможно, приехал вместе с ним в 1510 году, однако имя его не упомянуто в подробном отчете о португальской осаде Сафи в декабре 1510 года, а первое несомненное упоминание о нем как участнике боевых действий в Марокко относится к октябрю 1511 года. Роль Йахйя как сборщика налогов, законодателя в общинах округа Сафи, а также военачальника отражена в документах за период с 918/1512 по 921/1514 год. По словам ал-Ваззана, его важная встреча с Йахйя-у-Тафуфтом произошла, когда последний находился близ Марракеша с пятью сотнями португальской кавалерии и двумя тысячами арабских всадников. По данным независимых источников, этот этап военных действий относится к началу лета 918/1512 года. См.: *Les sources inédites de l’histoire du Maroc*. Archives et bibliothèques de Portugal. Vol. 1. P. 335–336; *Damião de Góis. Crónica do Felicissimo Rei D. Manuel* / Anot. e pref. por J. M. Teixeira de Carvalho, D. Lopes. 4 vols. Coimbra, 1926. Vol. 3. P. 125–128, гл. 35; *Racine M. T. Service and Honor in Sixteenth-Century Portuguese North*

вать рождение нашего героя в Гранаде, в семье Мухаммеда ибн Ахмада ал-Ваззана, периодом 891–893/1486–1488 годов, что хорошо согласуется с другими его рассказами о себе²⁰.

У ал-Хасана ибн Мухаммеда было всего несколько лет для того, чтобы впитать в себя картины и звуки Гранады. Область Гранада входила в состав древнеримской провинции Бетика, но сам город – по-арабски Гарната – приобрел значение только после того, как мусульмане – арабы и берберы – пересекли Гибралтар, чтобы завоевать христианскую Испанию в начале VII века. В XI веке Гранада была центром маленького берберского княжества; в XIII веке, когда христиане начали Реконкисту, а верховная политическая власть исламского ал-Андалуса рухнула, Гранада стала столицей султанов из династии Насридов – последнего яркого всплеска мусульманской культуры на Иберийском полуострове. За два десятилетия до рождения ал-Ваззана один египетский путешественник нашел «Гранату с ее Альгамброй одним из величайших и прекраснейших городов ислама», с великолепными зданиями и садами, с созвездием знаменитых поэтов, ученых, законовеев, художников, однако сокрушался о том, что поблизости рыщут неверные, уже завладевшие большей частью ал-Андалуса²¹.

Когда родился ал-Хасан ибн Мухаммад, Гранада была городом с пятидесятитысячным населением, преимущественно мусульманским, а также еврейским и христианским. На ее извилистых улицах все теснее толпились беженцы-мусульмане из Малаги и других городов Гранады, которые на протяжении 1480-х годов отвоевывали у них кастильские христиане. Его семья, по-видимому, была благополучной – не столь знатной, как окружение Боабдила, султана Гранады из династии Насридов, но все же обладала определенным имуществом и общественным положением. Жили они, наверно, в каком-то из оживленных кварталов по берегам реки Дарро, битком набитых лавками ремесленников и торговцев, усеянных мечетями, среди которых выделялась прекрасная Большая мечеть, и мавзолеями святых. Оттуда они могли видеть на скалистом холме внушительные строения Альгамбры с ее дворцами, укреплениями, мечетью, богатыми лавками и садами, где жили в роскоши султан, его семья и высокопоставленные чиновники.

Ал-Ваззан – то есть человек, который занимается взвешиванием, весовщик – это, по-видимому, часть прозвища как отца ал-Хасана, так и его деда. Они, по всей вероятности, являлись помощниками мухтасиба, важного должностного лица, надзиравшего в городах Гранады за всем – от нравственности до порядка на базарах. А раз так, то они должны были стоять рядом с мухтасибом на базаре ал-Кайсерия, удостоверяя правильность мер и весов при взвешивании хлеба и других продуктов²².

Africa: Yahya-u-Ta'fuft and Portuguese Noble Culture // Sixteenth-Century Journal. Vol. 32. 2001. P. 71–80; CGA. F. 86r.

²⁰ Раухенбергер предполагает, что цифра «4» в рукописи CGA значит именно потому, что так хотел ал-Ваззан, а не из-за оплошности переписчика (*Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner. S. 33–36*). Таким образом, он относит дату рождения ал-Ваззана к концу 900/1494 года. Однако это заставляет Раухенбергера высказывать утверждения, которые плохо согласуются с другими данными, в том числе указать неправдоподобно раннюю дату – 917/1511 год – встречи ал-Ваззана с Йахйя-у-Тафуфтом. Тогда, согласно хронологии Раухенбергера, ал-Ваззан собирал бы эпитафии с королевских надгробий и представил бы их ко двору в Фесе в возрасте десяти лет, двенадцатилетним вел бы важную беседу с главным заговорщиком в Сафи в разгар кровавых политических столкновений, а шестнадцати лет от роду выступал бы как зрелый дипломат с важной миссией, в то время как ал-Ваззан рассказывает, что он в этом возрасте еще только учился ориентироваться в дипломатии под руководством дяди.

²¹ *Arié R. L'Espagne musulmane au temps des Nasrides (1232–1492). Paris, 1973. P. 52–62, 302; Al-Idrisi. La première géographie de l'Occident / Sous la dir. de H. Bresc, A. Nef. Paris, 1999. P. 289; 'Abd al-Basit ibn Halil. El Reino de Granada en 1465–1466 // Viajes de extranjeros por España y Portugal / Trad. J. García Mercadal. 3 vols. Madrid, 1952. Vol. 1. P. 255–256.*

²² *Ladero Quesada M. Á. Granada después de la conquista: repobladores y mudéjares. Granada, 1988. P. 235–243; Gaignard C. Maures et chrétiens à Grenade. 1492–1570. Paris, 1997. P. 59–65; Arié R. L'Espagne musulmane. P. 293–295.* Я не нашла ни одного упоминания человека по фамилии ал-Ваззан в резюме нотариальных документов Гранады XV века из собрания библиотеки университета Гранады (BHR/caja C, печатные резюме в работе: *Seco de Lucena Paredes L. Escrituras árabes de la universidad de Granada // Al-Andalus. 1970. № 35. P. 315–353*); Майя Шатцмиллер, углубленно работавшая с этими материалами, также не припоминает, что видела такое имя. Но, конечно, в этом собрании содержится лишь небольшая часть всех юридических документов, оформленных в Гранаде в рассматриваемые годы.

Родным языком ал-Хасана был арабский, а отец, может быть, начал с детства знакомить его с испанским. Разговорный арабский улиц Гранады и окрестных селений пестрел словами и звуками из испанского, отражая взаимопроникновение обоих языков. Люди благородного происхождения, ученые, высокопоставленные лица, кроме того, говорили и читали на классическом арабском языке и нередко достаточно владели испанским, чтобы общаться с христианами-торговцами, пленниками, политическими представителями, причем писали на этом романском языке арабскими буквами²³. Тем временем до ал-Хасана, возможно, долетали обрывки разговоров его родителей и близких: про наступающие армии кастильцев, про сопротивление Гранады, про жестокую борьбу, которая кипела тогда между султаном Боабдилем и его родственниками, про обращение в христианство некоторых видных мусульман и про то, что все больше жителей Гранады уезжает в Северную Африку.

Может быть, Мухаммад ибн Ахмад собрался и уехал со своей семьей еще до сдачи Гранады, а может быть, оставался там с начала ужасной зимы 897/1491 года, когда улицы города заполнили голодные беженцы, и весь январь 1492 года, когда победители-кастильцы заменили крестом полумесяц на Альгамбре и провели церемонию христианского освящения мечети ат-Таибин. Но когда бы они ни уехали, Мухаммад ибн Ахмад собирался растить своих детей в такой стране, где власть прочно держали в руках мусульмане. Свобода отправления религиозных обрядов, обещанная мусульманам Гранады христианскими монархами, уже через несколько лет оказалась под угрозой. Словом, семейное имущество было продано, и семья ал-Ваззан присоединилась к потоку эмигрантов из Гранады, многие из которых направлялись в Фес²⁴.

Ал-Хасан ал-Ваззан увез в памяти несколько картин из той жизни – майоликовые плитки, которые всплывали перед его глазами, когда позже он видел похожие предметы в школе при мечети в Марракеше, характерное белое покрывало до колен, в которое его мать куталась, гуляя с ним по улицам, и которое она, вероятно, продолжала носить в Фесе, и еще кое-какие воспоминания. Рассказ о своем обрезании и о празднике с танцами по этому случаю он, должно быть, слышал от родителей, потому что в Гранаде и в Магрибе привыкли совершать этот обряд на седьмой день после рождения мальчика²⁵. Остальное – о прошлом мусульманского ал-Андалуса, о его славных мужчинах и женщинах, о его поэтах и ученых знатоках ислама, о его мечетях и памятниках – он узнал из рассказов, книг и воспоминаний, уже находясь в другой стране.

Некоторые из андалусских эмигрантов горько жаловались на свое новое положение: им не удавалось найти способ зарабатывать на жизнь в Марокко и хотелось вернуться в Гранаду. Их жалобы были столь громогласны, что ученый законовед из Феса, Ахмад ал-Ваншариси,

²³ Arié R. Aspects de l'Espagne musulmane. Histoire et culture. Paris, 1997. P. 11–13; Gaignard C. Maures et chrétiens. P. 93, 193–194; Corriente F. A Grammatical Sketch of the Spanish Arabic Dialect Bundle. Madrid, 1977. P. 6–8; Árabe andalusí y lenguas romances. Madrid, 1992. P. 33–35; Meyerson M. The Muslims of Valencia in the Age of Fernando and Isabel: Between Coexistence and Crusade. Berkeley; Los Angeles, 1991. P. 227–230; Kontzi R. La transcription de texts aljamiados // Las prácticas musulmanas de los moriscos andaluces (1492–1609). Actas del III Simposio Internacional de Estudios Moriscos / Bajo la dir. A. Temimi. Zaghuan, 1989. P. 99.

²⁴ Arié R. L'Espagne musulmane. P. 164–178; Fernando de Zafra to Ferdinand and Isabella, October 1493 // Colección de Documentos Inéditos para la Historia de España / Ed. M. Salvá, P. Sainz de Baranda. Madrid, 1842–1895. 112 vols. Vol. 11. P. 552–555; Galán Sánchez Á. Los mudéjares del reino de Granada. Granada, 1991. P. 39–62; Gaignard C. Maures et chrétiens. P. 23–37, 67, 121–129, 210–223, 251–252; López de Coca Castañer J. E. Granada y el Magreb: La emigración andalusí (1485–1516) // Relaciones de la península Ibérica con el Magreb siglos XIII–XVI. Actas del Coloquio (Madrid, 17–18 diciembre 1987) / Ed. M. García-Arenal, M. J. Viguera. Madrid, 1988. P. 409–451.

²⁵ CGA. F. 71r–v, 169v; Ramusio. P. 97, 187–188; Épaulard. P. 105, 202; Hieronymus Münzer. Viaje por España y Portugal (1494–1495) / Trad. J. López Toro. Madrid, 1991. P. 129–131; Weiditz Ch. Authentic Everyday Dress of the Renaissance: All 154 Plates from the «Trachtenbuch» / Ed. by Th. Hampe. New York, 1994, ил. 79–88; Gaignard C. Maures et chrétiens. P. 201–206; Harzallah F. Survie grenadine à travers le costume féminin et les recettes culinaires, en Tunisie, au XVIIe siècle // L'écho de la prise de Grenade dans la culture européenne aux XVIe et XVIIe siècles. Actes du Colloque de Tunis 18–21 novembre 1992 / Sous la dir. de F. Haddad-Chamakh, A. Baccar-Bournaz. Tunis, 1994. P. 85–86; Wensinck A. J. Khitan // The Encyclopaedia of Islam (New edition). Leiden, 1954–2001. Vol. 5. P. 20–22.

упрекал их в маловерии. Зато другие эмигранты процветали. Гранадаские улемы – мусульманские богословы – издавна имели тесные связи с коллегами в Фесе, так что заслуженные выходцы из Гранады занимали посты священнослужителей не только в мечети Андалусцев, но и в большой городской мечети ал-Каравийин²⁶.

Семья ал-Хасана ибн Мухаммада принадлежала к преуспевающим. Его дядя, вероятно, из более ранней эмиграции, состоял на дипломатической службе у султана Мухаммада аш-Шейха, основателя новой фесской династии Ваттасидов, пришедшей на смену двухсотлетней династии Маринидов. Этот высокопоставленный родственник, по-видимому, облегчил семье ал-Ваззана переход к новой жизни. Возможно, Мухаммад ал-Ваззан стал в Фесе помощником контролера мер и весов или занялся торговлей шерстяными и шелковыми тканями из Европы – в этой отрасли здесь преобладали беженцы из Гранады. Отцу ал-Хасана удалось купить виноградники на севере, в Рифских горах, а также арендовать замок и землю в горах над Фесом, но в основном семья жила в городе²⁷.

Фес, в стенах которого насчитывалось около ста тысяч жителей, был в два раза больше Гранады, на его улицах встречались арабы, берберы, андалусцы, евреи, турки и рабы из Европы и африканских земель южнее Сахары. Город раскинулся по обоим берегам реки Фес и привлекал к себе торговцев из обширного прилегающего округа, привозивших ткани, металл, продовольствие. Призыв к молитве раздавался из сотен мечетей по всему Фесу, самой знаменитой из которых была многовековая мечеть ал-Каравийин на западном берегу реки. Сюда на лекции и в библиотеки стекались студенты и ученые из городов и селений всего Магриба. К западу от старого города лежал Новый Фес, созданный как правительственный центр двумя столетиями ранее, с его дворцами, конюшнями, базарами. Семья ал-Ваззан, вероятно, обосновалась на одной из улиц, уходящих вверх от восточного берега реки, в Андалусском квартале, где столетиями обосновывались переселенцы и беженцы из-за Гибралтара. Здесь и рос юный ал-Хасан, жадно впитывая виды холмов, строений, садов и звуки кипящей жизни Феса²⁸.

Он начал учиться в одной из многочисленных квартальных школ, где мальчики заучивали Коран наизусть от начала до конца и учились грамоте. Позднее ал-Хасан ибн Мухаммад вспоминал, что отцы в Фесе задавали пиршества, когда их сыновья усваивали наизусть всю священную книгу: юноши и их соученики ехали на великолепных лошадях, с пением гимнов во славу Аллаха и его пророка²⁹.

Далее он перешел к более продвинутым занятиям в медресе – школе при мечети. Судя по всему, ал-Ваззан посещал лекции и дискуссии в мечети ал-Каравийин и в расположенном поблизости изящном здании медресе Бу Инанийя. Стержень программы составляли грамматика, риторика, вероучение и фикх (суннитское право и юриспруденция), причем последний в изложении маликитской богословско-правовой школы, преобладавшей в Магрибе³⁰.

В студенческие годы ал-Ваззана своими блестящими лекциями славились двое крупных ученых – эрудит Ибн Гази и законовед Ахмад ал-Ваншариси. Последний в это время составлял многотомный свод судебных решений всех юристов ал-Андалуса и Магриба, а первый писал

²⁶ Galán Sánchez Á. Los mudéjares del reino. P. 63; Lagardère V. Histoire et société en Occident musulman au Moyen Âge: analyse du «Mi'yar» d'al-Wansharisi. Madrid, 1995. P. 48, n. 182; Abun-Nasr J. M. A History of the Maghrib in the Islamic Period. Cambridge, 1987. P. 142; García-Arenal M. Sainteté et pouvoir dynastique au Maroc: la résistance de Fès aux Sa'diens // Annales. ESC. 45e année. 1990. № 4. P. 1029–1030.

²⁷ CGA. F. 99v, 155r, 163v, 203r, 240r–v; Ramusio. P. 123, 176, 183, 214, 251; Épaulard. P. 136, 198, 207, 241–242, 287–288.

²⁸ Brignon J., Amine A., Boutaleb B. et al. Histoire du Maroc. Casablanca, 1994. P. 185–189; Le Maroc andalou: à la découverte d'un art de vivre. Casablanca; Aix-en-Provence, 2000. P. 86–130; CGA. F. 137v–140r, 159r–v, 192v–195r; Ramusio. P. 160–164, 179–180, 206–208; Épaulard. 182–185, 202–203, 232–235.

²⁹ CGA. F. 173r–v; Ramusio. P. 191; Épaulard. P. 215–216.

³⁰ CGA. F. 140r–142r; Ramusio. P. 162–164; Épaulard. P. 184–186; Bencheikroun M. B. A. La vie intellectuelle marocaine sous les Mérinides et les Wattasides. Rabat, 1974. P. 56–75; Hajji M. L'activité intellectuelle. P. 95–132; Rodríguez Mediano F. Familias de Fez (ss. XV–XVII). Madrid, 1995. P. 32–53.

и читал лекции на различные темы, от Корана, хадисов (то есть преданий о речениях и деяниях пророка Мухаммада) и фикха до истории, биографии и стихотворных размеров. От своих учителей ал-Ваззан должен был получить представление об основных проблемах, занимавших исламских ученых Магриба того времени, о вопросах, которые оказались важными для него в дальнейшей судьбе с ее непростыми изгибами и поворотами. Как следует относиться к сектам в исламе, к евреям, к вероотступникам? Что думать о нововведениях – *бидаа*, которые нельзя обосновать Кораном и мусульманским правом? Знаменитый марокканский суфий Заррук (ум. 899/1493) осуждал бидаа как, с одной стороны, избыточный аскетизм и экстатические проявления, а с другой – упорную приверженность к молитвенным коврикам и разукрашенным четкам. Все это не имело отношения ни к шариату, ни к Сунне, то есть к примеру пророка. Но существуют ли допустимые нововведения? А как же быть с вольностями в отношении закона, такими как винопитие, принятое в Рифских горах, неподобающее общение мужчин и женщин во время танцев и тому подобное? Ведь некоторые из подобных злоупотреблений происходили в распространяющихся суфийских орденах и обителях.

И, что особенно важно, как следует понимать обязанность джихада, священной войны, в то время, когда португальцы захватывают мусульманские города вдоль Средиземноморского и Атлантического побережья? Ал-Ваззан наверняка слушал посвященную этому лекцию Ибн Гази, а потом, в 919/1513 году, видел его, уже семидесятилетнего старца, в числе приближенных султана Феса, когда мусульмане тщетно пытались отбить у христиан город Азелла к югу от Танжера на берегу Атлантики³¹.

Годы учения принесли ал-Хасану ибн Мухаммаду и другой опыт. В то время студент уже не мог, как прежде, рассчитывать на полную финансовую поддержку от своего медресе в течение семи лет обучения. Благочестивые жертвователи учредили в свое время благотворительные имущественные фонды (*ахбас*, *авкаф*) для поощрения образования, однако эти имущественные дарения были разорены войнами между династиями Маринидов и Ваттасидов за верховенство в Марокко в конце XV века, а теперь их по кусочкам догрызал жадный до денег ваттасидский султан. Ал-Ваззан дополнял свою стипендию, подрабатывая в течение двух лет нотариусом в фесской больнице для занемогших путешественников и умалишенных. На такой ответственный пост его должен был назначить судья (*кади*), ведь нотариус оценивал надежность предстоящих перед ним свидетелей. Годы спустя ал-Ваззан помнил сумасшедших пациентов в цепях, которых били, если те буйствовали, приставали к посетителям и жаловались на свою судьбу³².

Впрочем, у ал-Ваззана все еще оставалось время для студенческой дружбы, например с братом святого отшельника из Марракеша, с которым они вместе слушали лекции о мусульманском вероучении³³. А еще было время для поэзии – формы самовыражения, равно любимой и учеными, сведущими в юриспруденции, и святыми людьми, и влюбленными юношами, и купцами, воинами, кочевниками пустыни. Ал-Ваззан изучал поэтические формы в медресе, ведь серьезные идеи религиозных учений вполне могли излагаться стихами, и к тому же образом ему служил дядя, искусный поэт. В Фесе часто проводились публичные чтения стихов, а вершиной года было поэтическое состязание в день рождения Пророка, *мавлид ан-наби*. Все

³¹ Benchekroun M. B. A. La vie intellectuelle. P. 385–401, 486–488; Hajji M. L'activité intellectuelle. P. 233–334, 399–400; Rodríguez Mediano F. Familias de Fez. P. 43–50; Powers D. S. Law, Society and Culture in the Maghrib, 1300–1500. Cambridge, 2002. P. 407; Lévi-Provençal E. Les historiens des Chorfa: essai sur la littérature historique et biographique au Maroc du XVIe au XXe siècle. Paris, 1922. P. 226–229; Khushaim A. F. Zarruq the Sufi. Tripoli, 1976. P. 189–202; García-Arenal M. Sainteté et pouvoir. P. 1034; Kably M. Société, pouvoir et religion au Maroc à la fin du Moyen-Âge (XIVe–XVe siècle). Paris, 1986. P. 317–318; CGA. F. 219r–v; Ramusio. P. 231; Épaulard. P. 262.

³² CGA. F. 142v–144r; Ramusio. P. 165–166; Épaulard. P. 187–188; Hajji M. L'activité intellectuelle. P. 141, 151–152.

³³ CGA. F. 75v, 78v (еще одно упоминание о друзьях по дням учения в Фесе, законооведах, которые впоследствии жили в Высоком Атласе, в области Марракеш); Ramusio. P. 101, 104; Épaulard. P. 109, 112.

местные поэты собирались во дворе главного кади и с его кафедры читали стихи собственного сочинения, восхваляющие посланника Всевышнего. Признанный лучшим становился князем поэтов на год вперед. Ал-Ваззан не сообщает, удалось ли ему победить хотя бы раз³⁴.

Ал-Хасан ибн Мухаммад начал путешествовать с юных лет. Кроме периодических поездок на север, на семейные виноградники в Рифских горах, и летнего пребывания в арендованном семейной замке на холмах над Фесом, отец с малых лет брал его с собой в ежегодно проводившиеся после окончания рамадана шествия из Феса к гробнице святого в Центральном Атласе – в горах этого хребта, тянувшегося к югу от города, стояло немало мавзолеев. В двенадцать лет, в числе сопровождавших его отца или дядюшку, ал-Хасан посетил город Сафи на берегу Атлантики, оживленный порт, где вели торговлю как местные купцы – и мусульмане, и евреи, – так и коммерсанты из Португалии, Испании и Италии. Кроме зерна и злаков, ожидавших отправки на Иберийский полуостров, он наверняка видел изделия из кожи, окрашенной в мастерских Сафи, тюки тканей в разноцветную полоску, сотканных тамошними женщинами и так ценимых африканками, живущими по ту сторону Сахары. Здесь он впервые столкнулся с соперничеством между группами мусульман на глазах у интриганов-португальцев и их агентов³⁵.

Ал-Ваззан уверял также, что «в начале своей юности» ездил и гораздо дальше – в Персию, Вавилонию, Армению и в земли татар, что в центре Азии. Может быть, он и совершил с дядей такое далекое путешествие во все эти края, но если так, то в дошедших до нас его сочинениях это мало отразилось. Быть может, ему хотелось преувеличить свои юношеские приключения, чтобы сравниться по размаху странствий, к примеру, со знаменитым географом и историком ал-Масуди, писавшим столетия назад³⁶.

Более обстоятельно он описывает, как рыскал по кладбищам Фесского королевства в поисках стихотворных эпитафий на гробницах султанов и их сановников, а потом, в 910/1504 году, когда ему было лет шестнадцать, преподнес их собрание Мулай ан-Насиру, брату нового ваттасидского султана Мухаммада Португальца (Мухаммада ал-Буртукали). Отец обоих братьев, старый султан Мухаммад аш-Шейх, только что умер, и ал-Ваззан подумал, что эпитафии помогут им утешиться в горе³⁷. Таким подарком он, несомненно, обратил на себя внимание правящего рода.

³⁴ CGA. F. 172r–v; Ramusio. P. 190; Épaulard. P. 214–215; *Hajji M.* L'activité intellectuelle. P. 107. Ал-Ваззан описал куда более пышную прежнюю церемонию празднования *мавлид ан-наби* при маринидских султанах, в том числе богатые подарки поэту-победителю от самого султана. При Ваттасидах, «уже лет тридцать или около того», султаны отменили торжественное празднование (CGA. F. 172v; у Рамузио сказано «сто тридцать лет», но в рукописи CGA стоит «тридцать», что кажется более правдоподобным с точки зрения хронологии политических событий). См.: *Le Tourneau R.* Fez in the Age of the Marinides / Trad. par B. A. Clement. Norman, 1961. P. 142–143; *Kably M.* Société, pouvoir. P. 285–288.

³⁵ CGA. F. 85v, 125r–126r; Ramusio. P. 110, 148–149; Épaulard. P. 120, 168. Подробности о ежегодном паломничестве в Тагию (ныне Мулай Буазза) см. в гл. 6, с. 169–170. О Сафи в эти годы см.: *Les sources inédites de l'histoire du Maroc.* Archives et bibliothèques de Portugal. Vol. 1. P. 152–153; *Cornell V. J.* Socioeconomic Dimensions of Reconquista and Jihad in Morocco: Portuguese Dukkala and the Sa'did Sus, 1450–1557 // *International Journal of Middle East Studies.* 1990. Vol. 22. P. 383–392. В этом исследовании содержится также ценный материал, извлеченный из книги Ахмеда Бушарба: *Boucharb A.* Dukkala wa'l-isti'mar al-Burtughali ila sanat ikhla' Asafi wa Azammur. Casablanca, 1984.

³⁶ CGA. F. 433r; Ramusio. P. 429; Épaulard. P. 537–538. Рамузио в своем печатном издании прибавил мимоходом замечание о рынке лечебных снадобий и специй в «городе Тавризе в Персии» (Ramusio. P. 177; см. также: Épaulard. P. 200), но в рукописи CGA его нет. Ал-Ваззан просто говорит, что нигде не видел ничего подобного рынку пряностей и лекарственных средств в Фесе (CGA. F. 157r). Если он на самом деле совершил большинство путешествий по стопам ал-Масуди, то часть его рассказа была бы вымышленной, а наблюдения о них почерпнуты у предшественников (*Touati H.* Islam et voyage au Moyen Âge. Paris, 2000. P. 151–152).

³⁷ CGA. F. 191r–v; Ramusio. P. 204–205; Épaulard. P. 230–231.

Примерно тогда же политические связи и дипломатическая подготовка ал-Ваззана заметно продвинулись благодаря тому, что он сопровождал дядю в посольстве, направленном новым султаном Феса Мухаммадом ал-Буртукали к великому правителю Томбукту и Гао. Султан, вероятно, хотел оценить торговую, политическую и религиозную ситуацию в могущественной империи Сонгаи, лежавшей к югу от Сахары. Когда они ехали на юг через хребет Высокий Атлас, один местный вождь, наслышанный о красноречии посла, пригласил его к себе. Но дядюшка ал-Ваззана спешил, а потому послал своего племянника с двумя сопровождающими отвезти вождю подарки и только что написанную поэму в его честь. Ал-Ваззан с учтивостью все исполнил, прочитал стихи собственного сочинения и ловко справился с беседой, говоря по-арабски с хозяином, изъяснявшимся на атласско-берберском наречии. И как же им восхищались, ведь ему «было тогда всего лишь шестнадцать лет»! Нагруженный ответными дарами, он догнал дядю, чтобы пуститься в трудное, но захватывающее путешествие через пустыню на верблюдах. Однажды он видел шествие страусов, которые двигались вереницей и показались издали всадниками, идущими в атаку. Потом ему пришлось внять предупреждениям дядюшки и остерегаться ядовитых змей пустыни. Он научился благодарить судьбу за колодцы, обитые внутри верблюжьей кожей и отстоявшие друг от друга на пять-семь дней пути. Вдоль дороги он видел кости купцов, умерших от жажды, когда сирокко обрушил на их караван песчаную бурю, засыпав драгоценные источники воды³⁸.

Через несколько лет после этого путешествия ал-Хасан ал-Ваззан начал совершать самостоятельные деловые вояжи. Иногда, вероятно, он ездил с коммерческими целями: год за годом он пересекал пустыни Сахары и проходил вдоль берега Северной Африки с мусульманскими и еврейскими купеческими караванами, и куда бы ни приехал, он пристально наблюдал за рынками, ярмарками, товарами, ценами. Однажды он провел на соляных копях в Сахаре три дня – «столько времени понадобилось, чтобы погрузить соль» для продажи в Томбукту. Возможно, он и сам был одним из торговцев, везших соль на продажу³⁹. Однажды в поездке, видимо, торгового назначения, ал-Ваззан едва избежал гибели. Купеческий караван с грузом фиников пересекал Атласские горы на обратном пути из пустыни в Фес накануне наступления зимы, собиралась метель. И тут несколько всадников-арабов пригласили – или заставили – его и одного еврейского купца поехать с ними. Подозревая, что они хотят его убить и ограбить, ал-Ваззан отпросился по нужде и сумел закопать свои монеты. И начались его бедствия – сначала его раздели на морозе, отыскивая деньги (он сказал, что оставил их у родственника в караване), потом, пока продолжался буран, он просидел два дня со своими подозрительными провожатыми в какой-то пастушеской пещере, занесенной снегом, а выбравшись, узнал, что почти весь караван погиб в снегу, но деньги его уцелели там, где он их спрятал⁴⁰.

Путешествовал он, в том числе и в качестве эмиссара, слуги, солдата, информатора и посла фесского султана. Мухаммад ал-Буртукали получил свое прозвище – Португалец, – потому что провел детские годы в плену в Португалии. Потом он, как и его отец, воевал в горах, чтобы распространить свою власть в Северном Марокко, за пределами округа Феса. Вожди воинственных племен – арабы и берберы, издавна властвовавшие по всей Северной Африке, по-прежнему верховенствовали над многими городами, горными селениями и общинами кочевников, благодаря заключенным союзам или превосходству в силе. Как явствует из написанного самим ал-Ваззаном, султанские наместники и агенты в этих областях не могли твердо рассчитывать ни на сколько-нибудь существенные сборы податей и налогов, ни на

³⁸ CGA. F. 33r–v, 99v–101v, 459r; Ramusio. P. 55–56, 123–125, 454; Épaulard, 53, 136–138, 571–572.

³⁹ Поездки с купеческими караванами: CGA. F. 21r, 31r, 359v–360r; Ramusio. P. 38–39, 53, 357; Épaulard. P. 38, 51, 431. Эпизод с погрузкой соли в Тагазе (ныне Тегазза) в Сахаре: CGA. F. 374r–v; Ramusio. P. 371; Épaulard. P. 455–456.

⁴⁰ CGA. F. 31r–32v; Ramusio. P. 53–55; Épaulard. P. 51–52. Ал-Ваззан никогда не использовал слово «купец» в отношении себя самого, но Рамузио вставил его в начале этого эпизода (DAR. F. 8v): «partiti insieme molti mercatanti da Fez», «много фесских купцов выехало вместе».

поставку всадников для королевской армии. Иногда, при помощи пороха или брачных союзов, удавалось склонить чашу весов в пользу Ваттасидов. В 904/1498–1499 годах, столкнувшись с серьезным восстанием в городе Дебду на востоке Среднего Атласа, Мухаммад аш-Шейх в конце концов одержал победу, направив восемь сотен аркебузирова против арбалетчиков, выставленных бунтовщиками. После их капитуляции султан выдал двух своих дочерей замуж за сыновей раскаявшегося вождя берберов племени заната. Когда в 921/1515 году ал-Ваззан посетил Дебду, его старый предводитель все еще был верен Фесу⁴¹.

Тем временем португальцы уже не первое десятилетие совершали набеги вдоль Средиземноморского и Атлантического побережья. Обычно они начинали с договора, по которому город становился вассалом под защитой португальского короля. Затем появлялись укрепленные португальские торговые анклавы и приходили католические священники. Если горожане проявляли недружелюбие или между ними начинались раздоры, португальцы присылали войска, как случилось в Сафи в 913/1507–1508 годах и в Аземмуре в 919/1513 году. С этого момента португальцы брали управление и торговлю в городе под контроль своих собственных губернаторов, собирали дань, без помех захватывали берберов и арабов, чтобы сделать их рабами у себя дома, в Португалии, и, как с гордостью писал король Мануэль I новоизбранному папе Льву X, полностью привести королевства Фес и Марракеш в лоно христианства⁴².

Ваттасиды сопротивлялись португальцам от случая к случаю, и часто безуспешно. Берберские и арабские племена восставали против диктата Феса, что бы там ни затевалось. Кроме того, всякое завоевание португальцы предпринимали при поддержке тех или иных представителей местных мусульман и евреев, которые видели хотя бы временную экономическую или политическую выгоду в сотрудничестве с христианами. Сам Мухаммад аш-Шейх утвердил власть Ваттасидов над Фесом на основании мирного договора с португальцами, хотя его сын Мухаммад ал-Буртукали, по словам ал-Ваззана, не желал теперь «ничего, кроме мести» португальцам⁴³.

Разительный пример такой сложной политики представлял собой бербер Йахья-у-Тафуфт, фигура, хорошо знакомая ал-Хасану ал-Ваззану. В 912/конце 1506 года он в сговоре с одним честолюбивым другом убил мусульманского градоначальника Сафи. Затем он не стал делить власть в городе со своим сообщником, начал поддерживать португальцев, одновременно интригуя с их соперниками, а когда возникла угроза его жизни, сбежал в Лиссабон. Через несколько лет он вернулся в качестве помощника португальского губернатора. На этот пост его назначили потому, что жители Сафи просили, чтобы «посредником между мусульманами и христианами служил мусульманин» (или, как выразился ал-Хасан ал-Ваззан, потому что «губернатор не знал обычаев народа»). Между тем Йахья-у-Тафуфт, с одной стороны, радовал короля Мануэля I военными победами над Мулаем ан-Насиром, братом ваттасидского сул-

⁴¹ *Levi Della Vida G. Ricerche sulla formazione*. P. 101: «orator Regis fezze»; CGA. F. 236v–238v, 250r–253r, 254v–255r, 266v–267r; Ramusio. P. 247–249, 250–261, 263, 274; Épaulard. P. 283–285, 300–304, 316; Extraits inédits relatifs au Maghreb (géographie et histoire) / Sous la dir. de E. Fagnan. Algiers, 1924. P. 335; *Abun-Nasr J. M. A History of the Maghrib*. P. 206–208; *Brignon J., Amine A., Boutaleb B. et al. Histoire du Maroc*. P. 171–179; *Cook W. F. Jr. The Hundred Years War for Morocco: Gunpowder and the Military Revolution in the Early Modern Muslim World*. Boulder, 1994. P. 30–39, 109–115. Ан-Насир, брат султана Мухаммада ал-Буртукали взял в жены двух дочерей шейха влиятельного берберского племени шавийя (Les sources inédites de l'histoire du Maroc. Archives et bibliothèques de Portugal. Vol. 1. P. 438–439, 555). Общий обзор см.: *Tribes and State Formation in the Middle East* / Ed. by Ph. S. Khoury, J. Kostiner. Berkeley; Los Angeles, 1990, pt. 1.

⁴² Les sources inédites de l'histoire du Maroc. Archives et bibliothèques de Portugal. Vol. 1. P. 17–35, 151–161, 394–402, 434–445; *Abun-Nasr J. M. A History of the Maghrib*. P. 207–209; *Brignon J., Amine A., Boutaleb B. et al. Histoire du Maroc*. P. 174–177; *Cornell V. J. Socioeconomic Dimensions*. P. 387–389, 393–394; *Cook W. F. Jr. The Hundred Years War*, гл. 3–5; *Ricard R. Études sur l'histoire des portugais au Maroc*. Coimbra, 1955, гл. 1–3, 7, 9; *Rodrigues B. Anais de Arzila, crónica inédita do século XVI* / Publ. D. Lopes. 2 vols. Lisbon, 1915; *Chronique de Santa-Cruz du Cap de Gué (Agadir)* / Sous la dir. de P. de Cenival. Paris, 1934. P. 20–39; *Damião de Góis. Crónica do Felicissimo Rei*. Vol. 3. P. 45–57, 160–185, 230–246.

⁴³ CGA. F. 218v–219r; Ramusio. P. 230; Épaulard. P. 262; *Abun-Nasr J. M. A History of the Maghrib*. P. 207; *Cook W. F. Jr. The Hundred Years War*. P. 111–112, 126–127, 150.

тана, и над султаном Марракеша, а с другой, злил португальского губернатора тем, что собирал налоги и издавал постановления от своего имени, а не от имени христианских властей. Мусульманским предводителям Йахья внушал, что тайно поддерживает их дело и выжидает удобного момента, дабы напасть на португальцев; королю Мануэлю I он присягнул на верность. Одновременно он создавал для себя опору среди населения деревень, городков, среди племен в областях к востоку и к югу от Сафи. Мало того, он издавал указы, которыми назначал наказания за правонарушения, казалось, ставя себя выше маликитских судей в Фесе⁴⁴.

Этому-то влиятельному интригану ал-Хасан ал-Ваззан, вероятно, в начале лета 918/1512 года привез известие от султана Мухаммада ал-Буртукали, который, судя по всему, старался выяснить, какова в действительности позиция Йахьи в отношении португальцев⁴⁵. Помимо того что ал-Ваззан вез это послание, он еще выступал в роли представителя некоего «шерифа, эмира Суса и Хахи». Речь шла о Мухаммаде ал-Каиме, основателе династии Саадитов, известном как шериф, то есть потомок пророка. В южном Марокко – в пустынях и долинах области Драа у подножия Анти-Атласа, откуда вышел род Саадитов, и в земледельческой области Сус на равнине между хребтами Анти-Атласа и Высокого Атласа, а также в соседней области Хаха вдоль берега Атлантики, с ее купцами и пастухами – всюду Мухаммад аль-Каим находил сторонников, привлеченных его высоким происхождением, превосходившим все сети племенных взаимосвязей, на которые опиралась непрочная власть Ваттасидов. Султаны династии Ваттасидов обращались за признанием законности своей власти к ученым законоведам маликитской школы – к Ибн Гази, Ахмаду ал-Ваншариси и их последователям, чей религиозный авторитет вытекал из права налагать проклятие и объявлять порицание. Напротив, Саадиты искали легитимации у странствующих святых мистиков, предрекавших приход Махди, или «ведомого [богом по правильному пути]», чтобы принести праведность в мир.

Лучшим примером такого рода был суфийский мистик ал-Джазули (ум. 869/1465), которого очень почитали последователи и суфии из сельских обитателей на юге Марокко. Во времена восстания против султанов из последних Маринидов и первых Ваттасидов один из последователей ал-Джазули странствовал, переноса его останки с места на место, и, наконец, похоронил в Афугале, селении в Хаха. Стремясь связать свое имя с ал-Джазули и его духовной и политической доктриной, Мухаммад ал-Каим в 919/1513 году перенес свой двор в Афугал, а после своей смерти в 923/1517 году был похоронен рядом со святым⁴⁶.

Для шерифа из рода Саадитов превыше всего была священная война против неверных, к которой и призывали его местные *марабуты* (*мурабитун*, святые люди) и суфийские обители – сельские, а теперь иногда и городские. Если приемлемой считалась торговля с испанскими, генуэзскими и португальскими купцами, то уж никак не оккупация *дар-ал-ислама* (территории ислама) христианами. Терпя поражения в Сафи и в других местах, Мухаммад ал-Каим мог зато похвастаться победами, одержанными над португальцами дальше к югу. По этой причине ват-

⁴⁴ Les sources inédites de l'histoire du Maroc. Archives et bibliothèques de Portugal. Vol. 1. P. 151–161, 177–178, 191, 197, 316–325, 335–353, 373, 381–384, 545–558, 596–597, 601–602, 619–629, 630–637, 642–648, 658–663; Gros P. Deux Kanouns marocains de début du XVIe siècle // Hespéris. 1934. Vol. 18. P. 64–75; CGA. F. 83r–85v; Ramusio. P. 108–110; Épaulard. P. 118–120. См. также углубленное исследование о Йахье-у-Тафуфте: Racine M. T. Service and Honor.

⁴⁵ CGA. F. 85v–86r; Ramusio. P. 110–111; Épaulard. P. 120–121. В дополнение к этой подробности военного характера, позволяющей нам датировать послание к Йахье-у-Тафуфту началом лета 918/1512 года, имеются и сведения политического характера. Несмотря на то что Йахья одержал победу над султаном Марракеша, подозрительный португальский губернатор и другие лица тут же обвинили его в том, что он преподносит подарки побежденному султану и пытается заключить с ним какую-то сделку (Les sources inédites de l'histoire du Maroc. Archives et bibliothèques de Portugal. Vol. 1. P. 337–353; Racine M. T. Service and Honor. P. 74–77). Для султана Феса и эмира Суса это был бы удачный момент, чтобы вступить с ним в контакт.

⁴⁶ Abun-Nasr J. M. A History of the Maghrib. P. 206–211; Brignon J., Amine A., Boutaleb B. et al. Histoire du Maroc. P. 206–208; Hajji M. L'activité intellectuelle. P. 45–48; Kably M. Société, pouvoir. P. 252, 317–319, 329–330, 334–335, 332; García-Arenal M. Sainteté et pouvoir. P. 1029–1036; Yahya D. Morocco in the Sixteenth Century: Problems and Patterns in African Foreign Policy. London, 1981. P. 2–7; Cornell V. J. Socioeconomic Dimensions. P. 395–399; Idem. Realm of the Saint: Power and Authority in Moroccan Sufism. Austin, 1998, гл. 6.

тасидский султан начал искать с ним союза и дважды – в 918/1512 и в 920/1514 годах – посылал ал-Хасана ал-Ваззана с письмами по поводу организации совместных военных действий. Весной 921/1515 года ал-Ваззан участвовал в делегации, направленной из Феса, чтобы вместе с саадитским шерифом наладить сопротивление португальцам, угрожавшим тогда городу Марракешу и его султану. Войска совместно выступили против христиан и победили их⁴⁷.

Впрочем, устремления саадитского шерифа не ограничивались изгнанием христиан. В 915/1509 году он прибавил к своему имени слово «ал-Каим», входившее в титул «восставший по повелению Всевышнего». Быть может, он предугадывал великую судьбу, ожидавшую его сыновей. И действительно, в середине XVI века Саадиты одолеют Ваттасидов в кровавой битве и станут правящей династией всего географического региона, впоследствии известного как Марокко. Захват Марракеша в 931/1525 году сыном и преемником ал-Каима стал решающим событием в этой борьбе. Но во времена дипломатической службы ал-Хасана ал-Ваззана две династии время от времени сотрудничали друг с другом. Так, в 918/1512 году Мухаммад ал-Буртукали пожаловал сыновьям Мухаммада ал-Каима, окончившим медресе в Фесе, белый флаг и барабан высокопоставленных военачальников⁴⁸.

Ал-Ваззан не только ездил с миссиями от султана Феса к Мухаммаду ал-Каиму, но один или два раза вел переговоры от лица их обоих, какое-то время находился при дворе шерифа, путешествовал в его свите по Южному Марокко. Он даже выполнял его поручения, сопровождая одного из чиновников на базар в области Сус, чтобы купить рабынь из-за Сахары для его услуг.

Подобно многим в кругу Ваттасидов, ал-Ваззан не без оговорок воспринимал религиозное настроение саадитского шерифа, в особенности его приверженность учению ал-Джазули. Ученик ал-Джазули, ас-Саййаф, некогда выступил против ранних Ваттасидов и в глазах ал-Ваззана являлся еретиком и противником шариата. Наверняка ал-Ваззану внушал беспокойство и другой последователь ал-Джазули, блистательный ал-Газвани, проживший несколько лет в Фесе около 919/1515 года: услышав, как одна женщина испустила приветственный вопль в честь султана ал-Буртукали, ал-Газвани разбил ее, вскричав: «Я султан этого мира и последующего». В конце концов ал-Газвани покинет Фес и все влияние своей святости, как и всех своих последователей, отдаст на службу саадитскому шерифу⁴⁹. Впрочем, находясь в свите Мухаммада ал-Каима, ал-Ваззан, конечно, должен был держать все критические соображения при себе.

Большинство же миссий и поручений во все годы службы ал-Ваззан исполнял для султана Феса⁵⁰. Совершив два отдельных путешествия, он объездил все Северное и Центральное Марокко, побывал в городах, деревнях и селениях, проехал верхом от побережья до высокогорья. Путешествуя по многоводному северу, в Рифских горах вдоль Средиземного моря, по равнинам и северным склонам Среднего Атласа, он мог лакомиться поспевающим виноградом, инжиром и другими фруктами, есть маслины, зревшие в течение лета. Если в этих местах в конце весны его заставляли дожди, он мог радоваться их приходу вместе с местными жителями, которые называли такие дожди «водой нусу», благословенной влагой, питающей рост молодых растений, и сберегали ее дома в маленьких бутылочках.

⁴⁷ Abun-Nasr J. M. A History of the Maghrib. P. 209–211; Hajji M. L'activité intellectuelle. P. 48–49; Cornell V. J. Realm of the Saint, гл. 8; CGA. F. 86r, 89v–90r, 93r; Ramusio. P. 110, 114, 117; Épaulard. P. 120, 125, 130; Les sources inédites de l'histoire du Maroc. Archives et bibliothèques de Portugal. Vol. 1. P. 687–692.

⁴⁸ Extraits inédits relatifs au Maghreb. P. 361; Cornell V. J. Realm of the Saint. P. 258–260; Idem. Socioeconomic Dimensions. P. 398; Les sources inédites de l'histoire du Maroc. Archives et bibliothèques de Portugal. Vol. 1. P. 256, 256, n. 3.

⁴⁹ CGA. F. 49v–50v, 52r, 54r–v («ragione contra la lege publica»), 55v, 56v, 57v, 59v, 62v, 63v–64r, 82v, 86r, 89v–90r; Ramusio. P. 75, 77, 79, 81–83, 85, 87, 89, 107–108, 110, 114; Épaulard. P. 78, 80, 82, 84–86, 89, 92, 94, 117, 120, 125; García-Arenal M. Sainteté et pouvoir. P. 1024–1026; Cornell V. J. Realm of the Saint. P. 247–263.

⁵⁰ Б. Розенбергер проследил его передвижения, см.: Rosenberg B. Jean Léon l'Africain: une carrière politique au service du sultan Wattasside de Fès // Léon l'Africain / Ed. Fr. Pouillon, O. Zhiri. P., 2009. P. 31–36.

Опаснее было подниматься в горы Среднего Атласа, так как в горных лесах водились львы и леопарды. Здесь встречались ущелья, которые нужно было обходить по дальнему перевалу или преодолевать по мосту. Ал-Ваззану особенно запомнился «чудо-мост» через реку Себу, ловко построенный берберской общиной в Среднем Атласе: прочная корзина, вмещавшая целых десять человек, которую переправляли через пропасть с помощью блоков. Он наслаждался поездкой, пока не услышал разговор о том, как однажды корзину нагрозили сверх меры и пассажиры попадали в реку, бурлящую далеко внизу, «отчего у меня по телу пошли мурашки от ужаса»⁵¹.

Во время некоторых путешествий ал-Ваззан участвовал в военных действиях: несколько раз при Азелле, которую Мухаммад ал-Буртукали не смог отбить у португальцев; в 915/1509 году при городе Тefза, на северном склоне Высокого Атласа, где ал-Ваззан предложил стратегию ведения переговоров, благодаря которой удалось вернуть восставших жителей в подчинение султану Феса; а в 921/1515 году при городе ал-Мамура на Атлантическом берегу, где португальцы пытались возвести крепость, но были жестоко разбиты войсками Мухаммада ал-Буртукали и его брата. Ал-Ваззан долго помнил картины и шум этой битвы, а особенно сокрушительный огонь ваттасидских пушек по португальским кораблям. «Три дня, – писал он, – морские волны имели цвет крови»⁵².

В других случаях он ездил в свите Мухаммада ал-Буртукали – с делегацией или сам по себе, с рекомендательными письмами султана и с инструкциями, предписывавшими установить отношения с тем или иным шейхом (вождем), градоначальником или местным правителем⁵³.

В разгар своих поездок по Марокко, примерно в 918/1512 году, после того как в начале лета он побывал в Сафи, у Йахйя-у-Тафuffта, с поручением от султана, ал-Хасан ал-Ваззан отправился в длительное двухмесячное путешествие через Сахару в Томбукту. Из Сафи он спустился в Марракеш, затем на юго-восток через горы Высокого Атласа и Анти-Атласа в Сиджилмасу, оазис на краю пустыни. Некогда красивый город, обнесенный стенами, политический и экономический центр прежних берберских династий, в начале XVI века Сиджилмаса превратилась в скопление укрепленных деревень, каждая с собственным мелким вождем, где берберы, еврейские торговцы и ремесленники, купцы из Северной Африки и из других мест торговали с землями, лежащими за Сахарой. Ал-Ваззан прислушивался к разговорам о ценах и таможенных пошлинах, рассматривал монеты местной чеканки и наблюдал, как арабские всадники собирают подати, пока, наконец, не установилась подходящая погода для отправки караванов в пустыню⁵⁴.

⁵¹ *Abun-Nasr J. M. A History of the Maghrib*. P. 6–9; CGA. F. 34v–35v (35v: «Acqua di Nuisan»), 258v–259r, 449r–451r; Ramusio. P. 57–59, 267–268, 445–446; Épaulard. P. 54–56, 308–309, 561–562; *Wehr H. A Dictionary of Modern Written Arabic* (4th ed.) / Ed. by J. Milton Cowan. Ithaca; New York, 1994. P. 1131 («nusu»).

⁵² CGA. F. 104r–110r, 130r–132r, 219r–v; Ramusio. P. 127–133, 152–154 (DAR. F. 30v – увеличивает приведенную ал-Ваззаном численность ваттасидских всадников с 5 тысяч до 50 тысяч и вносит другие поправки, чтобы сделать потери португальцев не столь позорными), 231; Épaulard. P. 142–147, 172–175, 262; *Les sources inédites de l'histoire du Maroc*. Archives et bibliothèques de Portugal. Vol. 1. P. 695–702, 728–731; *Damião de Góis. Crónica do Felicissimo Rei*. Vol. 3. P. 243–246, гл. 76; *Cook W. F. Jr. The Hundred Years War*. P. 154. Ал-Мамура ныне известна как Мехдийя.

⁵³ CGA. P. 93r, 109v–110r, 131v–132r, 219r–v, 253r; Ramusio. P. 117, 132, 154, 231, 261; Épaulard. P. 130, 147, 174–175, 262, 302; *Les sources inédites de l'histoire du Maroc*. Archives et bibliothèques de Portugal. Vol. 1. P. 695–702, 728–731.

⁵⁴ CGA. F. 33v, 115v, 354r–v, 356v–359r; Ramusio. P. 55, 138, 352–353, 354–356; Épaulard. P. 53, 153, 424–425, 428–430; *Abun-Nasr J. M. A History of the Maghrib*. P. 49–50, 107, 112. Округ Сиджилмаса сейчас известен как оазис Тафилалт с центром в торговом городе Риссани. Ибн Баттута выступил в путь на юге через Сахару, из Сиджилмасы в Томбукту, в мухарраме 753 года хиджры/феврале 1352 года, а в обратный путь из Таккады в Аире в Сиджилмасу отправился в шаабане 754 года хиджры/сентябре 1353 года (*Ibn Battuta*. *Ibn Battuta in Black Africa* / Transl. by S. Hamdun, N. King. Princeton, 1994. P. 30, 73). Ал-Ваззан говорит, что караванам опасно пересекать пустыню до наступления холодного сезона в середине сентября, так как песчаные бури угрожают засыпать колодцы. Раухенбергер подчеркивает, что важно выехать в такое путешествие в сезон дождей, до начала декабря, и потому относит выезд ал-Ваззана к сентябрю–октябрю 1512 года (*Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner*. S. 52, n. 224, 53).

Совершая первую поездку такого рода со своим дядей восемью годами раньше, он учился тонкостям дипломатии, а на этот раз направлялся в империю Сонгаи с полномочной самостоятельной дипломатической миссией. С середины XVI столетия правители Сонгаи сменили владетелей Мали в роли верховенствующей силы на территории, известной как Билад ас-Судан (от *судан*, чернокожие), Страна черных. Империя Мали, основанная одним из народов семьи манде, распространилась от города Гао в среднем течении Нигера до самого Атлантического океана. Когда могущество малийцев ослабло и они упустили Гао, то Сунни Али из племени сонгаи – «человек большой силы, огромной энергии и безжалостный головорез», по словам одного местного историка, – начал завоевание Среднего Нигера. Во время ал-Хасана ал-Ваззана под властью Аския Мухаммада, ревностного мусульманина и предприимчивого военачальника, многонациональная империя с центрами в Гао и Томбукту простиралась на запад от реки Нигер едва ли не до Атлантики, и на сотни миль к востоку до султаната Аир (на территории нынешнего Нигера), граничащего с королевствами хауса. В конце концов завоевания Аския Мухаммада на севере, на территории Сахары, охватили прибыльные соляные копи Тагазы в двадцати днях пути от Томбукту, хотя во время второго визита ал-Хасана ал-Ваззана цена на соль в Томбукту все еще стояла очень высоко⁵⁵.

Ал-Хасан ал-Ваззан хорошо знал историю Аския Мухаммада: как он, будучи доверенным наместником сонгайского правителя Сунни Али, восстал против сына и преемника последнего в 898/1493 году и провозгласил себя султаном; и как несколько лет спустя, движимый религиозным рвением и в надежде узаконить свой захват власти, он совершил паломничество в Мекку с громадным эскортом из военных и ученых, а также с богатой казной для раздачи подарков. Это благочестивое начинание, как и долги, возникшие из-за него, все еще были у всех на устах, когда в 910/1504 году ал-Хасан ибн Мухаммад впервые побывал в Стране черных вместе с дядей⁵⁶.

Кроме того, они с дядей, надо полагать, во все уши слушали, что говорят мусульманские богословы в Томбукту о недавнем визите в Гао магрибинского ученого ал-Магили. Ал-Магили проповедовал строжайшее неприятие неверных, особенно евреев, отступников от ислама и сторонников *тахлита* (от *халата*, смешивать) – речь идет о смешении законов и ритуалов неверных с исламскими. С тех пор как он побудил мусульман оазиса Туват в Северной Сахаре не только разорвать торговые связи с евреями, но и разрушать синагоги, захватывать имущество евреев и убивать их, на него с тревогой смотрели не столь приверженные пуризму североафриканские правители, например ваттасидский султан Феса. Вскоре после этих кровавых событий в пустыне ал-Магили явился в Фес излагать свои воззрения, но рассердил и тамошних законоведов, и султана и был изгнан из города.

Не уstraшенный, ал-Магили отправился на юг, в Страну черных, где около 903/1498 года встретился в Гао с Аския Мухаммадом, который только что вернулся из паломничества в Мекку, преисполненный обретенной там благодати (*барака*, божественное благословение). Ал-Магили, построив наставление в форме вопросов и ответов, указал исполненному религиозного пыла правителю, какие меры должно принимать против «неверных» и «грешников». Эти категории он определял очень приблизительно. Так, он разрешил Аския Мухаммаду конфисковывать владения Сунни Али на том основании, что бывший правитель Сонгаи не был истин-

⁵⁵ Об империях Мали и Сонгаи и об Аския Мухаммаде см.: *Hunwick J. O.* Timbuktu, особенно: P. XXXVI–LIV, 13–16, 91–117; *Idem.* Shari'a in Songhay: The Replies of al-Maghili to the Questions of Askia al-Hajj Muhammad. Oxford, 1985; *Bovill E. W.* The Golden Trade of the Moors. 2nd ed. Princeton, 1995, гл. 9, 15; *Kati M.* Tarikh el-Fettach ou Chronique du chercheur pour servir à l'histoire des villes, des armées et des principaux personnages du Tekroul / Trad. par O. Houdas, M. Delafosse. Paris, 1964, особенно гл. 6; *Cissoko S. M.* Tombouctou et l'Empire Songhay. Paris; Montréal, 1996; CGA. F. 374v, 381r; *Rauchenberger D.* Johannes Leo der Afrikaner. S. 276; Ramusio. P. 371, 378; Épaulard. P. 455, 468.

⁵⁶ CGA. P. 377v; *Rauchenberger D.* Johannes Leo der Afrikaner. S. 262 (Паухенбергер приводит точную транскрипцию раздела рукописи ал-Ваззана, посвященного Стране черных, и я указываю здесь ссылки на эти страницы); Ramusio. P. 374; Épaulard. P. 462–463.

ным мусульманином и позволял процветать многобожию, а также предписал Аския Мухаммаду освобождать любого из рабов Сунни Али, бывшего истинным мусульманином на момент взятия в плен, и, наконец, санкционировал будущие завоевания Аския Мухаммадом земель тех правителей, не исключая мусульман, которые несправедливо захватывали имущество своих подданных⁵⁷.

Последствия этих благочестивых увещаний были перед глазами ал-Хасана ал-Ваззана во время обеих его поездок в Страну черных. Он мог видеть множество пленных, захваченных в войнах, которые вел Аския Мухаммад. Кого-то из них порабощали как неверных, никогда не бывших мусульманами, женщин брали в рабство как жен ненастоящих мусульман. Ал-Ваззан отметил политику обложения тяжелыми налогами и данью, проводимую Аския Мухаммадом в завоеванных землях, и написал о нем следующее: «Султан Томбукту – смертельный враг евреев до того, что в его областях нет ни одного еврея. И мало того, если султан узнает, что кто-нибудь из купцов из Берберии торгует с евреями, состоит в партнерстве с евреями или является агентом евреев <...> то конфискует все его товары и передает их в королевскую казну, едва оставив ему денег, чтобы вернуться домой»⁵⁸.

Важной обязанностью нашего дипломата, конечно, было доносить обо всех подобных обстоятельствах Мухаммаду ал-Буртукали в Фес. Коммерческие связи с империей Сонгаи имели центральное значение: ткани (частью из Европы), медные изделия, рукописи, финики, лошади, упряжь текли на юг из Феса, Марракеша и их областей через Сиджилмасу в Тагазу или в оазис Туват, а оттуда в Томбукту и в Гао. Золото, рабы, кожаные изделия, перец и другие специи из всего региона южнее Сахары поступали на север из Томбукту и Гао теми же путями. Султана Феса надлежало извещать обо всем, что могло нанести ущерб этой торговле, наряду со сведениями о товарах и рыночных ценах. Султан нуждался также в непосредственном наблюдении за политической и религиозной жизнью в Билад ас-Судане, Стране черных: какие царства попали под власть Аския Мухаммада и как они управляются? Каково положение богословов и законовевов? Связи между берберскими династиями и регионом южнее Сахары поддерживались веками, и во времена ал-Ваззана между Фесом и Томбукту существовало оживленное движение ученых людей и книг⁵⁹.

Ал-Хасан ал-Ваззан не оставил нам своего точного маршрута по Стране черных, но привел подробности о некоторых остановках во время второй миссии. Судя по всему, он получил первую аудиенцию у Аския Мухаммада во дворце в Томбукту, который, как узнал ал-Ваззан, спроектировал андалусский архитектор двести лет тому назад. Главный королевский дворец находился в Гао, но, подобно европейским монархам, Аския Мухаммад постоянно путешествовал в сопровождении многочисленных придворных и по дороге решал государственные дела. Ал-Ваззану пришлось встать перед ним на колени и посыпать пылью голову и плечи – такова была церемония самоуничижения, положенная «даже послу великого правителя». За полтора столетия до этого знаменитый путешественник и писатель Ибн Баттута был свидетелем подобных же проявлений почитания со стороны подданных императора Мали и удивлялся, как они не запорошат себе глаза⁶⁰.

⁵⁷ Hunwick J. O. Shari'a in Songhay, гл. 2, 4, 5, особенно: P. 118–131, о вопросах *такфира* (объявления другого человека неверным) и джихада. Idem. Notes on Slavery in the Songhay Empire // Slaves and Slavery in Muslim Africa / Ed. by J. R. Willis. London, 1985. 2 vols. Vol. 2. P. 16–20. Дальнейшие подробности о выступлении ал-Магили против евреев и о правовом споре об их статусе в городах оазисов см. ниже, гл. 6.

⁵⁸ CGA. F. 382r, 385r; Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner. S. 280, 292; Ramusio. P. 379, 382; Épaulard. P. 468, 473.

⁵⁹ Hunwick J. O. Timbuktu. P. 55, 67, 74, 80, 97; Hajji M. L'activité intellectuelle. P. 84; Saad E. Social History of Timbuktu: The Role of Muslim Scholars and Notables, 1400–1900. Cambridge, 1983. P. 39, 66–67; CGA. F. 382r; Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner. S. 280; Ramusio. P. 379; Épaulard. P. 468–469.

⁶⁰ CGA. F. 380v–382v; Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner. S. 274–282; Ramusio. P. 377–379; Épaulard. P. 467–469; Ibn Battuta. Ibn Battuta in Black Africa. P. 49; Hunwick J. O. Timbuktu. P. XXXVIII, XLVIII.

Все общение с Аския Мухаммадом, на языке сонгаи или на арабском, шло через посредников. Когда ал-Ваззан отправился в близлежащий порт Кабара, он, наконец, смог поговорить напрямую с его главным начальником. Тот был родственником правителя и человеком, которого ал-Ваззан назвал «справедливым» – редкий комплимент в его устах. Находясь в Томбукту и в Кабаре, ал-Ваззан, видимо, встречал купцов из городов и селений Мали, лежащих вверх по Нигеру, и из славного города Дженне и района вглубь от него, в двухстах милях к юго-западу, на притоке Нигера. Обе территории несколько десятков лет назад присоединил к империи Сонгаи Сунни Али, и ал-Ваззан много слышал о них, пока наблюдал, как купцы из Томбукту нагружают свои небольшие суда, чтобы отправиться в путешествие вверх по реке. Может быть, когда он впервые приезжал в Страну черных, его возили туда вместе с дядей, но в этот раз он, скорее всего, повернул на восток, к многолюдному городу Гао, центру власти сонгайских правителей, с его богатым купечеством и множеством рынков. В великолепном тамошнем дворце его восхитил громадный внутренний двор, окруженный галереями, где Аския Мухаммад принимал посетителей; возможно, посол из Феса получил у императора вторую аудиенцию⁶¹.

Из Гао ал-Ваззан, кажется, поехал с караваном на северо-восток, в Агадес – город, из которого туарегские султаны правили своим царством Аир (на территории современного Нигера). Там ал-Ваззан выяснил, что в результате произведенного одиннадцать лет назад военного набега со стороны Сонгаи султаны платят внушительную дань Аския Мухаммаду, но, несмотря на это, правители получают крупные доходы от поземельных налогов и таможенных сборов. Ал-Ваззан отметил смешанный состав населения: в Агадесе доминировали берберы – элита туарегов, потомки выходцев из Сахары, а местное население, поставляющее солдат в армию правителя и занятое разведением коз и коров в южном Аире, состояло из людей с темной кожей, как и у рабов⁶².

Он наверняка слышал также о *тахлите* – смешении религиозных верований и обрядов – в царстве Аир. Среди населения, не принадлежавшего к туарегам, было много немусульман, и даже в числе последователей Пророка многие продолжали «поклоняться идолам и прино-

⁶¹ CGA. F. 378v–380v, 382v–384v; *Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner*. S. 266–272, 282–290; *Ramusio*. P. 376–377, 379–381; *Épaulard*. P. 464–466, 469–47; *Hunwick J. O. Timbuktu*. P. XLVII–XLVIII; *Cissoko S. M. Tombouctou*. P. 101–106. Ал-Ваззан писал в начале своей книги об Африке: «Мы плыли [по Нигеру] из королевства Томбукту на востоке вниз по течению реки к королевству Дженне или королевству Мали, которые расположены на западе» (CGA. F. 3r; *Ramusio*. P. 21; *Épaulard*. P. 5). Поскольку река Нигер течет на восток, это утверждение заставило ученых говорить, что ал-Ваззан никогда не бывал в Дженне и Мали. Может быть, это одно из преувеличений ал-Ваззана, но надо отметить, что оно является частью рассуждения о разногласиях географов по поводу того, являются ли Нигер и Нил единой рекой с общим истоком на востоке – преобладающее мнение ученых – или это отдельная река с собственным истоком, как, вероятно, считали местные лодочники и торговцы. То, что ал-Ваззан, говоря о себе, применяет местоимение «мы», а не обычное «он» (см. ниже, гл. 8), наводит на мысль о лодочном походе, совершенном вместе с дядей. В наблюдении ал-Ваззана о течении Нигера могли отразиться научные предубеждения, а также долгий срок, отделявший его от этого путешествия, совершенного в юности. Так или иначе, у него едва ли могло быть время для такого длительного путешествия на запад во время визита 918/1512 года, когда он приезжал с самостоятельной официальной миссией.

⁶² CGA. F. 385r–386r; *Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner*. S. 292–98; *Ramusio*. P. 382–383; *Épaulard*. P. 473–475; *Hunwick J. O. Timbuktu*. P. XLI; *Hamani D. M. Au carrefour du Soudan*. P. 171–173, 181–183. «Хроника султаната Аир» гласит, что двое братьев, Мухаммад ал-Адил и Мухаммад Ахмад, были султанами-соправителями в течение десяти лет, начиная с 907/1502 года Ал-Ваззан упоминает только одного султана, так что Мухаммад Ахмад, предположительно, умер ко времени его приезда в 919/1513 году (*Hunwick J. O. Timbuktu*. P. 71; *Palmer H. R. Sudanese Memoirs*. Being mainly translations of a number of Arabic Manuscripts relating to the Central and Western Sudan. London, 1967. 3 vols. Vol. 3. P. 48; *Hamani D. M. Au carrefour du Soudan*. P. 173). Хамани отмечает неточности у ал-Ваззана в географическом описании северного Аира и пустыни на север от него, но подчеркивает верность его описания Агадеса и области на юг от этого города. Он заключает, что ал-Ваззан никогда не бывал в Агадесе, и вообще, «нога его никогда не ступала в районы восточнее Томбукту», а вместо этого он собирал информацию об Агадесе от собеседников в Томбукту (*Ibid.* P. 177–178, 181, 184). О географических неточностях см. также: *Épaulard*. P. 449, n. 160, 451, n. 162. Погрешности в сведениях о «пустыне, где живет народ тарга» проще всего объясняются тем фактом, что ал-Хасан ал-Ваззан никогда ее не пересекал (в обоих путешествиях он шел на юг через Сиджилмасу и Тагазу, и прибыл в Агадес из Гао тоже по пути, пролежавшему южнее), а книгу свою писал по неполным заметкам много лет спустя в Италии, не имея ни доступа к текстам, ни контактов с людьми, которые могли бы помочь ему в описании (см. ниже, гл. 4). Его точность в конкретных деталях описания Агадеса гораздо разумнее объяснять тем, что они были почерпнуты во время реального посещения.

силь им жертвы». Довольно любопытно, что султаны Агадеса получали наставления от ученого египтянина ас-Суйути, проявлявшего в этом смысле гораздо больше гибкости, чем ал-Магили. Ас-Суйути побуждал султанов править справедливо, в духе предначертаний Пророка и шариата, но когда его спрашивали по поводу изготовления и использования амулетов и талисманов, он говорил, что это не запрещается, «если в них не содержится ничего предосудительного»⁶³.

Следующую большую остановку, после длительного путешествия на юг, ал-Ваззан сделал в государстве Борну, где говорили на языке канури, а точнее – в его столице Нгазаргаму, в нескольких милях к западу от озера Чад⁶⁴. Борну находилось вне досягаемости для властителей Сонгаи. Его султаном, или *маи*, был в то время Идрис Катакармаби – человек, запомнившийся ал-Ваззану, а также описанный в хрониках и эпосе как правитель, успешно воевавший с соседями, народом булала из Канема, издавна посягавшим на его земли. Как красноречиво описывал его деяния один тогдашний *факих*, *маи* Идрис был «справедлив, богобоязнен, благочестив, смел и неустрашим» – правитель, совершивший паломничество в Мекку. Ал-Ваззан, впрочем, заметил, что султан довольно уклончиво ведет себя, когда требуется за что-то платить, но очень любит похвастаться своим богатством. Борну находилось на южном конце одного из сравнительно легких путей через пустыню, и *маи* Идрис посылал по нему купцов за лошадьми в Магриб. Затем он заставлял их дожидаться долгие месяцы, а то и целый год, пока у него наберется достаточно рабов, захваченных в военных походах, чтобы с ними расплатиться. Купцы жаловались ал-Ваззану на свою судьбу, особенно огорчительную в связи с тем, что при дворе Идриса Катакармаби золото сверкало повсюду: из золота были чашки и миски, лошадиная сбруя и шпоры у всадников, даже цепи на собаках⁶⁵.

Проведя месяц в Борну, ал-Ваззан проехал через земли королевства «Гаога» – таинственную область, центр которой историки ассоциируют с той или иной частью нынешнего государства Судан. По описанию ал-Ваззана местный мусульманский правитель Хома (Умар или Амара) оправдывал свою репутацию щедрого властителя, вдвойне вознаграждая за каждый полученный им подарок. К его двору часто приезжали купцы из Египта, жаждущие обменяться товарами, и весьма вероятно, что с каким-то из их караванов ал-Ваззан пересек нубийские земли, чтобы нанести один из трех своих визитов (возможно, первый) в страну на Ниле.

⁶³ Hamani D. M. Au carrefour du Soudan. P. 162–163, 168–169, 192; Sartain E. M. Jalal al-din al-Suyuti. Biography and background. Cambridge, 1975. 2 vols. Vol. 1. P. 50–52.

⁶⁴ Кажется, ал-Ваззан ездил в Борну через земли хауса – Гобир, Кацина и Кано – области, на которые вскоре напал Аскиа Мухаммад, хотя и не сумел успешно взять под контроль. Оккупация Гобира империей Сонгаи описана ученым Бубу Хама на основе текста святого отшельника Малаам Иссака, написанного в период 912–919/1506–1513 года (*Hama B. Histoire du Gobir et de Sokoto*. Paris, 1967. P. 25–37). Согласно «Тарих ас-Судан» ас-Саади и «Тарих ал-фатташ» Кати (al-Sa'di's Ta'rikh al-Sudan and Kati's Ta'rikh al-fattash), Аскиа Мухаммад сначала атаковал Кацину в конце 919/1514 года (*Hunwick J. O. Timbuktu*. P. 113; *Kati M. Tarikh el-Fettach*. P. 147), то есть через несколько месяцев после отъезда ал-Ваззана из Страны черных. Ал-Ваззан называет земли хауса Гобир, Кацина, Кано, Замфара и Зария подвластными империи Сонгаи, хотя и не приводит даты их завоевания (CGA. F. 386r–387v; *Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner*. S. 296–304; Ramusio. P. 383–384; Épaulard. P. 476–478). Может быть, он передает слухи, дошедшие до него по возвращении в Фес из Страны черных, или, работая над своим очерком через много лет в Италии, что-то перепутал или забыл. Х. Дж. Фишер утверждает, что вторжение войск Сонгаи в земли хауса было небольшим по масштабу и ограничивалось только нападением Аскиа Мухаммада на Кацину. Он не убежден, что произошло дальнейшее завоевание, пока не видел рукопись, упомянутую Бубу Хама, и сомневается, что ал-Ваззан вообще когда-либо бывал в этом регионе (*Fisher H. J. Leo Africanus*. P. 86–112). Ханвик предполагает, что ал-Ваззан мог перепутать владычество Сонгаи над этими областями хауса с тем, что он слышал про власть над ними государства Кебби (*Hunwick J. O. Timbuktu*. P. 285, п. 74). Сиссоко просто соглашается с описанием ал-Ваззана (*Cissoko S. M. Tombouctou*. P. 79). В целом мнение Ханвика кажется особенно обоснованным и надежным в отношении этой местности и сообщений о ней ал-Ваззана. В любом случае ал-Ваззан не утверждал, что провел сколько-нибудь длительное время в Гобире, Кано и Кацине.

⁶⁵ CGA. F. 388r–390r; *Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner*. S. 306–314; Ramusio. P. 385–387; Épaulard. P. 479–481; *Furtu A. A Sudanic Chronicle: The Borno Expeditions of Idris Alauma (1564–1576) according to the Account of Ahmad B. Furtu / Transl. by D. Lange*. Stuttgart, 1987. P. 20, 34, 114–117, 158–159; *Holl A. F. C. The Diwan Revisited: Literacy, State Formation and the Rise of Kanuri Domination (AD 1200–1600)*. London; New York, 2000. P. 15; *Palmer H. R. Sudanese Memoirs*. Vol. 3. P. 24–25. Ханвик замечает, что метод *маи* – платить рабами, которых еще предстоит захватить, – отмечался в этом регионе в начале XIX века (*Hunwick J. O. Timbuktu*. P. 291, п. 94). Ал-Ваззан годы спустя помнил, что имя *маи* было Абраам, то есть Ибрахим (CGA. F. 388r), – он назвал Катакармаби лишь одним из двух имен, которые тот носил (*Furtu A. A Sudanic Chronicle*. P. 20).

Путешествие было опасным – однажды проводник сбился с пути в оазис, и странникам пришлось растянуть пятидневный запас воды в бурдюках на десять дней, но чудеса в конце поездки того стоили⁶⁶.

Ал-Ваззан исследовал каждый уголок «великого и многолюдного города» Каира, но как дипломат он должен был выяснять, каковы политические настроения и течения при дворе престарелого мамлюкского султана Кансуха ал-Гаури. За Кансухом стояла долгая и яркая традиция: он был двадцать вторым в череде правителей Мамлюкского султаната, многие из которых имели черкесское происхождение, все владели турецким языком, все начинали как рабы-военнопленные (*мамлюк* по-арабски означает «принадлежащий кому-либо»), и всем приходилось отрекаться от христианской веры, в которой они родились⁶⁷. Каждый из султанов приходил к власти не по законному праву наследования, а благодаря интригам, связям и военной силе. Их империя охватывала Египет и Левант, причем последний был известен как аш-Шам (Сирия) и включал в себя Святую Землю. Кроме того, они претендовали на власть над Хиджазом, западной частью центральной Аравии, и поставили там гарнизоны и крепости для защиты Мекки, Медины и других городов. Среди денежных поступлений в мамлюкскую казну шли доходы от контроля над торговлей специями и драгоценными породами дерева из Индии⁶⁸.

Кансух ал-Гаури начинал как черкесский раб великого султана Каит-бея и подражал своему бывшему хозяину, осуществляя обширные строительные начинания. Ал-Ваззана особенно поразили мраморные здания медресе и мечети, возведенные султаном в 908/1502 году на Базаре шляпников. Поблизости находился и будущий мавзолей султана. Народ Каира восхищался богатым убранством новых построек, но и отпускал насмешки по поводу конфискаций, реквизиции мрамора и расхищения средств вакуфных благотворительных фондов, пущенных на финансирование этих строительных проектов. Что касается знаменитой каирской цитадели, то ал-Ваззан нашел ее дворцы «изумительными». Там султан задавал роскошные пиры и принимал своих чиновников, наместников и послов⁶⁹.

Отметим, что дипломат из Феса, похоже, ни разу не был официально принят Кансухом ал-Гаури за те месяцы, что провел в Каире. Летописец правления султана Мухаммад ибн Ахмад ибн Ийас, который с любовью к деталям описывал все подобные события в своем поденном журнале, ни разу не упомянул посла из Феса. С одной стороны, 919/1513 год выдался непод-

⁶⁶ CGA. F. 390r–393r; *Rauchenberger D.* Johannes Leo der Afrikaner. S. 314–326; *Ramusio. P.* 387–389; *Épaulard. P.* 481–485; *Kalck P.* Pour une localisation. P. 529–548; *O’Fahey R. S., Spaulding J. L.* Comment. P. 505–508.

⁶⁷ «Черкесский» период в истории Мамлюкского султаната охватывает 1382–1517 годы. «Черкесами» (*ал-джаракиса* по-арабски) на Ближнем Востоке называли всех выходцев с Кавказа, как с Северного Кавказа, так и представителей некоторых народов Закавказья (например, грузин). Следует поставить под сомнение утверждение автора, что всем правителям Мамлюкского султаната приходилось отрекаться от христианской веры. Приведем один пример. Известно, что султан Баркук (1382–1412) родился в Черкессии и был продан в рабство в Крым. Можно предположить, что его семья была христианской, хотя доподлинно утверждать это невозможно. Однако Баркуку наследовал его сын Фарадж, который родился в 1386 году в Египте и, следовательно, не был крещен, а сразу стал мусульманином. Вполне возможно, многие из султанов, которые приходили к власти в Египте на протяжении «черкесского» периода, были мусульманами еще до продажи в рабство, так как именно на период XIV–XV веков приходится процесс исламизации Черкессии. Приведенный выше пример ставит под сомнение и второй тезис автора о том, что «каждый из султанов приходил к власти не по законному праву наследования»: периодически происходили случаи передачи власти от отца к сыну (*Прим. науч. ред.*).

⁶⁸ *Northrup L. S.* The Babri Mamluk Sultanate, 1250–1390 // *The Cambridge History of Egypt* / Ed. by C. F. Petry. 2 vols. Cambridge, 1998. Vol. 1, гл. 10; *Garcin J.-C.* The Regime of the Circassian Mamluks // *Ibid.* Vol. 1, гл. 11.

⁶⁹ CGA. F. 405r, 406r, 414r–v («bellissime mura», «li mirabili Palazi», «bellissime Finestre» и так далее); *Ramusio. P.* 403, 411; *Épaulard. P.* 503–504, 513–514; *Brandenburg D.* Islamische Baukunst in Ägypten. Berlin, 1966. S. 197–200; *Muhammad ibn Ahmad ibn Iyas.* Journal d’un bourgeois du Caire: chronique d’Ibn Iyas / Sous la dir. de G. Wiet. 2 vols. Paris, 1955–1960. Vol. 1. P. 48–50, 252; vol. 2. P. 90–92. О царствовании Кансуха ал-Гаури см.: *Petry C. F.* Protectors or Praetorians? The Last Mamluk Sultans and Egypt’s Waning as a Great Power. Albany, 1994.

ходящим для приемов. В месяце мухарраме (марте) Каир поразила чума, от которой за три-четыре ближайших месяца умерло много людей. Затем султан заболел глазной болезнью и смог в полной мере возобновить свои публичные обязанности только в месяце шаабане (октябрь)⁷⁰. С другой стороны, ал-Хасану ал-Ваззану было бы трудно подготовиться к дорогостоящему представлению мамлюкскому султану. Когда годом ранее принимали посла от султана Туниса, тот преподнес Кансуху ал-Гаури дорогие ткани, породистых коней из Магриба, оружие и другие драгоценные предметы стоимостью, по слухам, в десять тысяч динаров⁷¹. Столь помпезного представления ожидали от каждого посла к августейшему «владыке двух земель и двух морей». Но мог ли дипломат из Феса предстать перед султаном с подобающей пышностью после целого года нелегких странствий по Стране черных?

В любом случае Магриб не имел большого значения для Кансуха ал-Гаури. Выходцы из Магриба жили и в Каире, и в Александрии – матросы, солдаты, и особенно купцы с семьями. В 913/1507 году султан даже посылал своего официального переводчика выкупить некоторых магрибинцев, захваченных христианскими пиратами и сидевших в плену на Родосе и в других местах. В начале царствования Кансуха ал-Гаури к нему приезжали посланцы правителей Магриба с жалобами на притеснения мусульман Гранады со стороны испанцев, и тогда мамлюкский султан пригрозил контрмерами в отношении христиан в Святой Земле, если положение не улучшится. Впоследствии в 916–917/1510–1511 годах Кансух ал-Гаури праздновал победы мусульман над христианами в Тлемсене и Джербе и оплакивал потерю Триполи⁷², но в целом новости из этих краев редко его занимали. В сущности, кроме ал-Ваззана, тунисский посол, приезжавший в 918/1512 году, был единственным представителем Магриба, которого султан официально принял за пятнадцать лет своего царствования⁷³. Куда больше его беспокоили действия португальских кораблей в Красном море и Индийском океане, препятствовавших египетской и сирийской торговле, а особенно политические и религиозные устремления двух владык Востока: харизматичного шаха шиитской Персии, Исмаила Сефевии, и нового османского султана Селима I⁷⁴.

Хотя ал-Хасан ал-Ваззан не получил аудиенции у султана, он все же собрал сведения о его высших сановниках и об административном штате и имел возможность часто бывать в цитадели. Его вполне мог принимать султанский давадар, то есть государственный секретарь, которого он описывал как второго человека во власти, или кто-нибудь из его подчиненных. Благодаря таким встречам он наверняка узнал, что Кансух ал-Гаури направил послов в Стамбул поздравлять султана Селима с вступлением на престол и обсуждать заключение договора о дружбе, хотя у себя в Каире он тепло принял сыновей того самого брата, которого Селим убил, чтобы завладеть престолом. Ибн Ийас писал в поденных записках о том, о чем ал-Ваззан, вероятно, слышал в коридорах дворца: «Разделавшись со всеми своими родственниками, султан османов теперь может обратиться к обороне страны от европейцев». Может быть также,

⁷⁰ *Muhammad ibn Ahmad ibn Iyas*. Journal. Vol. 1. P. 277–291, 304, 309–313.

⁷¹ *Ibid.* Vol. 1. P. 152. О других случаях вручения подарков см.: Vol. 1. P. 240, 242, 249.

⁷² В 1510 году испанские армия и флот взяли крепость Триполи. В 1523 году Испания передала крепость рыцарскому ордену госпитальеров. Город оставался в руках христиан до 1551 года (*Прим. науч. ред.*).

⁷³ *Ibid.* Vol. 1. P. 80, 184, 195–196, 211, 251, 423–424; Vol. 2. P. 167, 220, 335. Эмиссары из Магриба («oratores... numidas et mauritanos»), приезжавшие жаловаться ал-Гаури на обращение с мусульманами Гранады, упоминаются у Пьетро Мартире д'Ангиера, которого Фердинанд и Изабелла послали в Каир в 1501 году, чтобы оправдать действия испанцев. См.: *Pietro Martire d'Anghiera*. Una Embajada de los Reyes Católicos a Egipto (según la «Legatio Babylonica» y el «Opus Epistolarum de Pedro Mártir de Anglería») / Trad. L. García y García. Valladolid, 1947. P. 84–87, 109–110; *Monroe J. T.* A Curious Morisco Appeal to the Ottoman Empire // *Al-Andalus*. 1966. № 31. P. 281–283.

⁷⁴ *Muhammad ibn Ahmad ibn Iyas*. Journal. Vol. 1. P. 106, 248–249, 254, 268, 287, 292, 309–310; *Petry C. F.* Protectors or Praetorians. P. 49–60.

что дипломат из Феса пытался заинтересовать чиновников мамлюкского султана рассказами о том, как на другой оконечности Средиземного моря устраивают нападения на христиан⁷⁵.

Тем не менее пришло время возвращаться к собственному повелителю. Как позднее ал-Ваззан вспоминал о своих перемещениях, он должен был вернуться в Фес в течение месяца шавваля 919 года хиджры (в декабре 1513 года). Ему предстояло многое рассказать султану Мухаммаду ал-Буртукали о времени, проведенном в отъезде. По поводу политических обстоятельств на юге он явно мог рекомендовать развивать отношения со все более и более усиливавшимся сонгайским правителем Аския Мухаммадом, а на востоке лучше обращаться за помощью против христиан к османскому султану Селиму, чем к престарелому и нерешительному Кансуху ал-Гаури⁷⁶.

Возвращаться в Фес было пора еще и затем, чтобы жениться, или, если у ал-Ваззана уже была жена – что к тому времени весьма вероятно, – то настало время вернуться к ней и к домашнему очагу. Ярчайшие страницы романа Амина Маалуфа «Леон Африканский» посвящены придуманным им женщинам в жизни ал-Хасана ал-Ваззана, среди которых и жена в Фесе, приходящаяся ему также двоюродной сестрой. Написанное самим ал-Ваззаном содержит мало прямых указаний на сей счет как для историка, так и для романиста, но что у нашего североафриканца была жена – это несомненно. Подавляющее большинство мусульман и мусульманок избирало для себя стезю брака. Очень немногих прельщало возвышенное отречение от него, которое поощрял один кружок ранних суфиев столетия назад. У выдающихся святых людей Магриба, таких как ал-Джазули, были жены и дети, как, конечно, и у самого Пророка. Ученые правоведы, богословы, знатоки литературы страстно желали иметь сыновей, которые пошли бы по их стопам. У законоведа Ибн Ибрахима, который слушал лекции Ибн Гази в Фесе в то же время, что и ал-Ваззан, уже в двадцать один год родился первый сын⁷⁷.

Ал-Ваззан, в это время примерно двадцати пяти лет от роду, *факих*, то есть ученый знаток мусульманского права, по идее, должен был уже иметь собственную жену и детей. Вероятным выбором могла стать молодая женщина из другой семьи беженцев из Гранады. Написанный им позднее подробный почасовой обзор того, как заключается брак в Фесе, несомненно, основывался на его собственном опыте, а не только на том, что он видел: нотариально заверенный контракт, в котором перечисляется *махр* или *садак* – имущество, которое муж обязуется выделить жене при заключении брака, в том числе деньги, чернокожая рабыня, шелковые ткани, расшитые туфли без задника, красивые шали, гребни, духи; далее наряды, ковры, постельное белье, настенные драпировки, входившие в приданое жены, которое давал за ней отец; поезд невесты, под звуки дудок, труб и барабанов следующий в дом жениха; их первый

⁷⁵ CGA. F. 422v–427v; Ramusio. P. 418–422; Épaulard. P. 523–528; *Muhammad ibn Ahmad ibn Iyas*. Journal. Vol. 1. P. 271–273, 287; *Petry C. F.* Protectors or Praetorians. P. 15; *Ugr A.* The Reign of Sultan Selim in the Light of the Selim-Name Literature. Berlin, 1985. P. 222, 225.

⁷⁶ CGA. F. 52v, 63v; Ramusio. P. 77, 89; Épaulard. P. 80, 94. Раухенбергер датирует возвращение ал-Ваззана началом 920 года хиджры/весной 1514 года (*Rauchenberger D.* Johannes Leo der Afrikaner. S. 54), но при этом не учитывает вполне определенные упоминания ал-Ваззана о визите в Хаха и Сус в 919 году хиджры, а этот год окончился с последним днем месяца зу-л-хиджжа, то есть 25 февраля 1514 года. При этом, конечно, всегда вероятно, что наш путешественник по забывчивости указал неточные даты.

⁷⁷ *Maalouf A.* Léon l'Africain. P. 247–253; *Walther W.* Women in Islam from Medieval to Modern Times / Transl. by C. S. V. Salt. Princeton, 1999. P. 54–55; *Bouhdiba A.* La sexualité en Islam. Paris, 1998. P. 16–24; *Bürgel J. C.* Love, Lust, and Longing: Eroticism in Early Islam as Reflected in Literary Sources // Society and the Sexes in Medieval Islam / Ed. by A. Lutfi al-Sayyid-Marsot. Malibu, 1979. P. 86–91, 105–117; *Schimmel A.* Eros–Heavenly and Not So Heavenly // Ibid. P. 121–128; *Cornell V. J.* Realm of the Saint. P. 193. Обо многих династиях ученых см.: *Rodríguez Mediano F.* Familias de Fez. P. 123–268. Примеры того, что первый сын рождался у отца в 21 год, см.: Ibid. P. 148–158, 176–177 ('Abd al-Rahman ibn Muhammad ibn Ibrahim, 889/1484 – 962/1554–1555; его рождение 910/1504–1505).

сексуальный контакт и демонстрация следов крови на нижнем белье жены; застолье и пляски, когда мужчины и женщины веселятся в разных помещениях. Может быть, у ал-Ваззана в эти годы уже родился сын, и он успел отпраздновать обрезание мальчика на седьмой день, что позже описывал в подробностях: как друзья отца кладут монеты на лицо помощника цирюльника и тот выкрикивает их имена до тех пор, пока все деньги не будут собраны, а обрезание совершено; как потом танцуют раздельно мужчины и женщины. А может быть, ему пришлось удовольствоваться дочерью, рождение которой «вызывает меньшую радость»⁷⁸.

Мы можем представить себе довольного ал-Ваззана, поглядывающего, как в его доме стряпают, шьют и прядут – так, как, по его словам, и положено хорошей фесской жене. Или вообразим, как он слушает ее рассказ о том, что она видела с резной террасы на крыше, этого женского пространства, куда время от времени она отправляется вместе с другими женщинами дома. А еще можем представить, что в жаркий день он купается в бассейнах у подножия фонтанов во внутренней части домовладения, как и его жена с детьми, – воспоминание об этом он хранил много лет спустя. Или, опираясь на его собственное описание обычаев Феса, вообразим, как он наблюдает за женой, наряжающейся, чтобы выйти на улицу, – ее усыпанные драгоценными камнями золотые серьги и браслеты надежно спрятаны под покрывалом, а лицо закрыто куском ткани с узкой прорезью для глаз⁷⁹.

Наличие жены и детей, впрочем, не мешало мужчине уезжать в долгие путешествия, при условии что он обеспечивал их содержание на время отъезда. Знаменитый Ибн Халдун впервые женился в родном Тунисе в возрасте двадцати лет, причем по делам в качестве политического советника, судьи, дипломата и ученого он ездил по Тунису, посещал Фес, Гранаду, Бискру и Каир, не считая множества других мест. Иногда жена и дети сопровождали его, в других случаях он отсылал их пожить к брату в Константинополе. В автобиографии Ибн Халдун написал о своем «крайнем огорчении», когда его жена и некоторые из детей утонули во время кораблекрушения по пути к нему в Египет⁸⁰. Ибн Баттута, двадцати одного года, покинул родной Танжер в 725/1325 году и двадцать четыре года странствовал как паломник, студент, судья, политический советник, дипломат и любопытный наблюдатель. У него в обычае было жениться по пути на разных женщинах, начиная с дочери сотоварища по паломничеству, когда они пересекали Ливию. В Дамаске он женился на дочери ученого из Магриба, а через три недели отверг ее. На Мальдивских островах он взял себе четырех жен – сколько позволено мусульманину, но вскоре избавился и от них⁸¹.

Обзаводился ли ал-Ваззан в своих странствиях хоть раз временной женой? Мысль об этом приходит, когда читаешь его описание города Туггурта в Сахаре, примерно в четырехстах милях к юго-западу от Туниса. Тамашские состоятельные ремесленники и знать гостеприимно встречали чужеземцев, как, например, молодой и щедрый шейх Абдаллах, у которого жил ал-

⁷⁸ CGA. F. 165v–170r; Ramusio. P. 185–188 (p. 185: Рамузио заменил мусульманский обычай передачи выкупа за невесту от мужа к жене на европейский, при котором приданое переходит от отца невесты к мужу); Épaulard. P. 209–212 (в фрагменте о приданом Эполяр воспроизводит изменение, внесенное Рамузио). Отступления у Рамузио и Эполяра от текста рукописи CGA. F. 165v–169v проанализировал также Дитрих Раухенбергер в работе: *Le manuscrit de 1526 et les cérémonies de mariage à Fez // Léon l'Africain / Sous la dir. de Fr. Pouillon, O. Zhiri. Paris, 2009. P. 147–184. О выкупе за невесту и приданом в Магрибе см. примеры, извлеченные из «Мийар» ал-Ваншариси: Lagardère V. Histoire et société. P. 91–110; Shatzmiller M. Women and Property Rights in al-Andalus and the Maghrib: Social Patterns and Legal Discourse // Islamic Law and Society. 1995. Vol. 2. P. 231–236.*

⁷⁹ CGA. F. 139r–v, 164r–v; Ramusio. P. 161–162, 183–184; Épaulard. P. 183–184, 208.

⁸⁰ О требовании к мужу содержать жену во время своего отсутствия см.: *Consultations juridiques des faqih's du Maghreb / Sous la dir. de É. Amar // Archives marocaines. 1908. Vol. 12. P. 428–429; Ibn Khaldun. Le voyage d'Occident et d'Orient. Autobiographie / Trad. par A. Cheddadi. 2 éd. Paris; Arles, 1995. P. 87, 158. Автобиографический фрагмент, пересказанный здесь, – это «Таариф», составляющий последний раздел завершающей книги монументального исторического труда Ибн Халдуна «Китаб ал-Ибар» (Ibid. P. 27–28).*

⁸¹ Dunn R. *The Adventures of Ibn Battuta, a Muslim Traveler of the 14th Century*. Berkeley; Los Angeles, 1986. P. 39, 62, 207, 233–235, 237; *Ibn Battuta. Voyages / Sous la dir. de S. Yerasimos. 3 vols. Paris, 1982–1997. Vol. 1. P. 89–90.*

Ваззан. Он писал, что здесь «охотнее выдают дочерей за чужеземцев, чем за местных жителей, а в приданое выделяют мужьям дочерей недвижимое имущество, как принято во многих местах в Европе». Возможно, ал-Ваззан женился под влиянием располагающей атмосферы и возможности получить на время финиковую рощу (в противоположность фесской и обычной исламской практике, когда выкуп за невесту поступал от мужа к жене), а, собравшись уезжать, трижды произнес формулу развода (*талак*) и отправился в путь⁸². Конечно, занятно поразмышлять о таком союзе, но он кажется весьма гипотетическим в отличие от женитьбы в Фесе, то есть от обычного шага молодого мусульманского факиха, каким был ал-Ваззан.

Помимо домашних дел, после возвращения из Каира ал-Ваззан также возобновил поездки в Марокко по дипломатическим и военным делам, в том числе командировки с целью наладить совместные действия против португальцев с шерифом Мухаммадом ал-Каимом. Рассказы ал-Ваззана об энергичном новом османском султани Селиме, должно быть, были встречены с интересом и, возможно, повлекли за собой следующую миссию ал-Ваззана. Мухаммад ал-Буртукали, праздновавший победу над португальцами при ал-Мамуре, одержанную летом 921/1515 года, снова отправил ал-Ваззана за границу, на этот раз в качестве посла к другим правителям Магриба, а оттуда к османскому двору в Стамбул⁸³.

В это время у берберских династий центрального Магриба – у той, что правила из Тлемсена, и у другой, в Тунисе, было еще больше проблем, чем у Ваттасидов, с удержанием контроля над племенами и городами, входившими в их владения. В Алжире имелся собственный правитель, которым был тогда один арабский племенной вождь, а многочисленные городки вдоль средиземноморского побережья просто пытались осуществлять самоуправление. Однако баланс власти в регионе менялся под воздействием двух новых действующих сил, несомненно, способных послужить причиной посольства ал-Хасана ал-Ваззана. Испанцы, в надежде защитить христианство, а заодно урвать кусок от прибыльной торговли с Сахарой, захватывали города на средиземноморском берегу, облагали данью их жителей и строили крепости, чтобы установить в них свою могучую артиллерию. Уже в 903/1497 году они завладели городом Мелилья во владениях султана Феса. К 916/1510 году воспитанный пиратами Педро Наварро и другие капитаны привели под власть короля Фердинанда целую цепь прибрежных пунктов, от самого Пенъон де Велеса на западе (этот скалистый остров через пролив от Бадиса, укрепленный испанцами, по сей день оспаривают друг у друга Испания и Марокко), до Беджайи посередине и до Триполи на востоке. Столкнувшись с этим, правитель Алжира согласился платить дань Фердинанду и отдал остров, лежащий в море невдалеке от города, под испанскую крепость. А в следующем году султан Тлемсена из рода Зийанидов признал Фердинанда своим сюзереном.

Сопротивление испанцам возглавляли Арудж Барбаросса и его братья, мусульманские пираты⁸⁴ из Митилены. При поддержке тунисского султана Мухаммада ибн ал-Хасана Арудж

⁸² CGA. F. 364r–365r; Ramusio. P. 361–362 (в DAR. F. 75r говорится, что ал-Ваззан не жил в доме Абдуллы, а бывал у него); Épaulard. P. 437–438 (Эполяр опускает это сообщение вслед за изданием Рамузио 1978 года); Walther W. Women in Islam. P. 65, 172; *Ibn Abi Zayd al-Qayrawani. La Risâla, ou Épître sur les éléments du dogme et de la loi de l'Islam selon le rite Mâlikite* / Trad. par L. Bercher. Paris, 1996. P. 143–145, гл. 32.

⁸³ CGA. F. 96r, 132r; Ramusio. P. 120, 154; Épaulard. P. 133, 175, 175, n. 81, о некоторых проблемах датировки отъезда ал-Ваззана.

⁸⁴ Автор использует слово «pirates». Однако в связи с тем, что братья Барбаросса нападали лишь на корабли противников Османской империи и с определенного времени формально состояли на службе султана, их более правильно называть корсарами, а не пиратами. Сами себя они называли «гази» – борцы за веру, намекая на то, что участвуют в джихаде против христиан и не нападают на мусульманские корабли и поселения, хотя, фактически, случались нападения на мусульман Северной Африки, которые сотрудничали с испанцами (*Прим. науч. ред.*).

совершал приносявшие богатую добычу нападения на купеческие корабли из своих баз в Ла Гулетте близ Туниса и на острове Джерба, деля добычу с султаном, и при всяком удобном случае дрался с испанцами. В 917/1511 году он отразил атаку испанцев на Джербу, нанеся христианской стороне большой урон в живой силе, и это была та самая победа, которую, как мы видели, праздновал Кансух ал-Гаури в Каире. Несомненно, такое положение дел – непрерывное наступление испанцев, капитуляция других мусульманских владетелей и успехи Аруджа – заставило султана Туниса направить посла в Каир, хотя похоже, что тот вернулся ни с чем⁸⁵.

К тому времени как султан Феса послал ал-Хасана ал-Ваззана в эти края, Арудж и его брат Хайрадин совершили неудачную попытку отобрать у испанцев Беджайю – причем Арудж потерял руку в бою – и задумывали новые нападения. Мухаммад ал-Буртукали, видимо, проинструктировал своего посла не пропускать ни одного города на пути. Важной остановкой был двор Зийанидов в Тлемсене. Там ал-Ваззана принял султан Абу Абдаллах Мухаммад, дававший аудиенции только «самым важным придворным и должностным лицам». Однако дипломат из Феса также заметил, насколько были рассержены местные купцы таможенными пошлинами, которые ввел их султан сразу после того, как подчинился испанцам. Из-за этих пошлин, а также из-за дани, которую населению пришлось платить христианам, вскоре вспыхнет восстание против преемника султана на престоле, и в итоге корсар Арудж захватит город⁸⁶.

Другой неременной остановкой был Алжир. Там ал-Ваззан смог услышать все подробности о капитуляции местного властителя перед королем Фердинандом, так как квартировал вместе с человеком, который ездил послом на переговоры в Испанию. И здесь много роптали по поводу дани христианам, в особенности в общине андалусских беженцев. Через семь месяцев, после смерти короля Фердинанда в 1516 году, горожане призвали в Алжир Аруджа Барбароссу, чтобы покончить с подчинением Испании. Арудж убил их арабского правителя, объявил себя эмиром и начал чеканить монету со своим именем⁸⁷. «И это стало началом правления и царствования Барбароссы», – прокомментировал ал-Ваззан⁸⁸.

Фактически, как рассказывает ал-Хасан ал-Ваззан, он познакомился с Аруджем за несколько месяцев до его триумфа в Алжире. При поддержке войск султана Туниса Арудж вторично пытался отбить Беджайю, и ал-Ваззан посетил его, когда тот осаждал испанскую крепость. Атака провалилась, и Арудж разбил новый лагерь в соседнем поселении Джиджелли, где, по словам ал-Ваззана, «жители передались Барбароссе по собственной воле». Во время осады посол из Феса, похоже, пришел к какому-то соглашению с Аруджем, потому что через два года, как только они с братом укрепили свои политические позиции, принц-пират попытался заключить союз с ваттасидским султаном ради создания единого фронта против испанцев. Предпосылки для этого соглашения, должно быть, возникли в результате встречи Аруджа с ал-Ваззаном в Беджайе в 921/1515 году. Ал-Ваззан составил тогда противоречивое мнение об Арудже: он был «заносчив и груб», убивал местных магрибинских правителей, однако выста-

⁸⁵ *Abun-Nasr J. M. A History of the Maghrib*. P. 147–150, 168–169; *Julien C.-A. Histoire de l'Afrique du Nord (Tunisie, Algérie, Maroc) de la conquête arabe à 1830*. 2 éd. 2 vols. Paris, 1964. Vol. 2. P. 250–257; *Muhammad ibn Ahmad ibn Iyas*. Journal. Vol. 1. P. 211, 252; CGA. F. 230v, 242r–v, 271v–272r, 282v–283r, 288r–288v, 292v–293r, 339v, 343r; Ramusio. P. 241, 252–253, 278, 292, 295–296, 337, 340; Épaulard. P. 275, 290, 324–325, 336, 341–342, 346, 401, 406; *Muradi*. La vida, y historia de Hayradin, llamado Barbarroja: Gazavat-I Hayreddin Paşa / Ed. M. A. de Bunes, E. Sola. Granada, 1997. P. 40–48.

⁸⁶ CGA. F. 281v–283r; Ramusio. P. 287–288; Épaulard. P. 335–336; *Abun-Nasr J. M. A History of the Maghrib*. P. 149; *Muradi*. La vida. P. 52–56.

⁸⁷ В мусульманском мире привилегией чеканить монету со своим именем обладали халифы и султаны. Таким образом, Арудж Барбаросса пытался этой акцией поставить себя в один ряд с османскими султанами, мамлюкскими правителями Египта и другими влиятельными мусульманскими правителями. Вскоре, однако, испанская угроза и недостаток ресурсов заставили Хайрадина Барбаросса (Арудж к этому времени погиб в бою с испанцами) перейти (в 1518 году) под покровительство османского султана и признать его верховную власть над Алжиром (*Прим. науч. ред.*).

⁸⁸ CGA. F. 296r–297r; Ramusio. P. 297–298; Épaulard. P. 348–349; *Abun-Nasr J. M. A History of the Maghrib*. P. 149; *Julien C.-A. Histoire de l'Afrique*. Vol. 2. P. 255; *Muradi*. La vida. P. 50–51.

вил против испанцев внушительную военную силу и проводил в отношении новых подданных умеренную налоговую политику, достойную похвалы⁸⁹.

Последней дипломатической остановкой был «великий город Тунис». Как и в Каире, ал-Ваззан посещал здесь медресе, мечети, базары и бани, но по долгу службы ему полагалось находиться при дворе, так что он хорошо познакомился со сложным устройством придворного штата. На протяжении двух столетий султаны Туниса из династии Хафсидов славились благотворительностью: они покровительствовали маликитским правоведом, поощряли изучение хадисов при мечетях и в медресе, привечали ученых и людей искусства у себя при дворе. Что касается ал-Хасана ал-Ваззана, то он признавался, что, хотя от нынешнего султана Мухаммада ибн ал-Хасана он получил «немало знаков расположения», он находит, что этот правитель слишком сластолюбив, потакает своим желаниям, окружил себя рабами и рабынями, музыкантами и певцами. То обстоятельство, что в их напевах слышалось сильное влияние ал-Андалуса, кажется, не трогало нашего дипломата, рожденного в Гранаде⁹⁰.

Что до политического успеха миссии, то ал-Ваззан, видимо, покинул двор без определенного результата. Султан Туниса позволил мусульманским корсарам нападать на испанские корабли и покровительствовал кампаниям Аруджа Барбароссы против испанцев, но по мере того как Арудж расширял подвластные ему владения, он начал беспокоиться. Один принц династии Хафсидов уже обращался за помощью к испанцам, так не последует ли его примеру сам хафсидский султан?⁹¹

В один из дней 922/1516 года ал-Ваззан сел на корабль, идущий в Стамбул. Надо полагать, султан Феса надеялся установить отношения с «великим турком Селимом» и обрести более прочную поддержку в борьбе против христиан.

С тех пор как Кансух ал-Гаури направил дружественное посольство к султану Селиму, когда ал-Хасан ал-Ваззан находился в Каире, соотношение сил в Восточном Средиземноморье успело измениться. Селим в конце концов так и не «обратился к защите своей страны от европейцев», как предсказывал ибн Ийас. Вместо этого он послал войска против персидского шаха Исмаила, обвинив его в намерении «сокрушить ислам и уничтожить мусульман», а это была опасность пострашнее, чем христиане. Кансух ал-Гаури, хоть и был суннитом, но отказался ввязываться на чьей-либо стороне в эту ссору между суннитами Стамбула и шиитами Тебриза; он надеялся, что война принесет бедствия и Селиму, и Исмаилу. Когда в рамадане 920 года хиджры/октябре 1514 года пришло известие об ошеломляющей победе османов над шахом Исмаилом, Кансух ал-Гаури не без основания испугался, как бы в следующий раз Селим не двинул войска на его собственные земли. В 921/1515 году османский султан и вправду захватил вассальное государство мамлюков в юго-восточной Анатолии и в доказательство своего успеха прислал Кансуху ал-Гаури головы его наместника и состоявшего при нем вазира. «Что это за головы мне посылают? – с негодованием вопрошал привезшего их посла султан Египта. – Разве это головы европейских властителей?»⁹²

⁸⁹ CGA. F. 296r–297r, 302r–303r; Ramusio. P. 297–298, 306; Épaulard. P. 348–349, 361–362; *Abun-Nasr J. M. A History of the Maghrib*. P. 149–150; *Julien C.-A. Histoire de l'Afrique*. Vol. 2. P. 255–256.

⁹⁰ CGA. F. 317r–328r; Ramusio. P. 319–327; Épaulard. P. 378–388; *Julien C.-A. Histoire de l'Afrique*. Vol. 2. P. 250; *Brunschwig R. La Berbérie orientale sous les Hafside des origines à la fin du XVe siècle*. Paris, 1940–1947. 2 vols. Vol. 1. P. 280, 366, n. 5; Vol. 2. P. 288–316, 364; *Abd al-Salam A. Les historiens tunisiens des XVIIe, XVIIIe et XIXe siècles*. Paris, 1973. P. 24–25; *Azzouna J. Apport maghrébin à la musique andalouse: Le cas de la Tunisie // L'Echo de la prise de Grenade dans la culture européenne aux XVIe et XVIIe siècles / Sous la dir. de F. Haddad-Chamakh, A. Baccar-Bournaz*. Tunis, 1994. P. 383–390.

⁹¹ *Abun-Nasr J. M. A History of the Maghrib*. P. 149.

⁹² *Muhammad ibn Ahmad ibn Iyas*. Journal. Vol. 1. P. 347, 350, 364, 369, 411, 423, 427; *Ugr A. The Reign of Sultan Selim*. P.

К тому времени как ал-Хасан ал-Ваззан прибыл в Стамбул, Селим с армией вступил в Сирию и обратил свои превосходные пушки против мамлюкских войск самого султана Кансуха ал-Гаури. Ал-Ваззан, наверно, слышал в Стамбуле, что шпионы Селима перехватили тайных посланцев от Кансуха ал-Гаури к «еретику» Исмаилу. Он мог узнать также о разброде и смятении в войске египетского султана, о предательстве одного из его военачальников⁹³ в битве при Мардж Дабике к северу от Алеппо в раджабе 922 года хиджры/августе 1516 года и о том, как Кансух ал-Гаури умер на поле боя от сердечного приступа, осознав, что все пропало. И еще ал-Ваззан мог услышать в Стамбуле о том, как султан Селим I стрелой прошел через Дамаск на Газу и триумфатором вступил в Каир в месяце мухарраме 923 года хиджры/январе 1517 года. 276-летнее правление султанов-рабов пришло к концу⁹⁴.

Так как султана Селима в Стамбуле не было, фесского посла, вероятно, принял один из вазиров, оставленных султаном вести дела, либо другой придворный чиновник. Ал-Ваззан не привел деталей этих бесед и церемоний, но они, определенно, подготовили почву для авансов в отношении Ваттасидов, которые вскоре начал делать османский султан⁹⁵.

После этого ал-Ваззан решил посмотреть, какие перемены происходят в Египте, и отплыл на корабле в Каир. Может быть, он не успел стать свидетелем четырехдневной резни его жителей и мамлюков, начавшейся 8 мухаррама 923 года хиджры/31 января 1517 года. Но он видел, как османские янычары (элитные части воинов-рабов⁹⁶) грабили сокровища таких прославленных святилищ, как гробница святой Нафисы, и мародерствовали в частных домах, невзирая на запрет Селима. Он наверняка узнал о скорых судах над мамлюкскими чиновниками, об их заключении в тюрьму и казнях. В мечетях он должен был слышать, как имя Селима сменяет имя Кансуха ал-Гаури, когда во время пятничного богослужения имам призывает на правителя благословение Аллаха. На улицах раздавались из окон рыдания женщин, когда Селим торжественно шествовал по Каиру. Наверное, ал-Ваззан глядел, как сдирают плиты мраморной облицовки с дворцов в цитадели – Селим забирал их в Стамбул, на отделку медресе, которое должно было в точности повторить здание, построенное Кансухом ал-Гаури и восхитившее ал-Ваззана во время его прошлого визита в Каир. Вероятно, он узнал, что многих видных людей собираются депортировать в Стамбул: судей, правительственных чиновников, крупных купцов, в том числе и торговцев из магрибинской общины, богатых евреев, владельцев лавок, плотников и каменщиков на строительство нового медресе. В месяце джумада I/июне ал-Ваззан оказался в Рашиде (Розетте) как раз в то время, когда там находился султан Селим, возвращавшийся из Александрии в Стамбул, закончив приготовления к отправке добычи. Ал-Ваззан говорит, что видел в Рашиде прекрасную баню, которую султан также посетил с удовольствием⁹⁷.

232; Petry C. F. *Protectors or Praetorians*. P. 24, 49–51.

⁹³ В битве при Мардж Дабике на сторону султана Селима перешли многие мамлюки, в числе которых были два влиятельных эмира: Джанберди ал-Газали и Хайр-бек. После захвата турками-османами территории Мамлюкского султаната они были назначены главами вассальных государств: Джанаберди ал-Газали в Сирии, Хайр-бек в Египте. В дальнейшем Джанаберди ал-Газали поднял мятеж и был убит при его подавлении, а Хайр-бек до своей смерти управлял Египтом. Кого из них имеет в виду автор книги, непонятно (*Прим. науч. ред.*).

⁹⁴ *Muhammad ibn Ahmad ibn Iyas*. Journal. Vol. 2. P. 65–67, 139–143; Petry C. F. *Protectors or Praetorians*. P. 25–26; Jansky H. Die Eroberung Syriens durch Sultan Selim // *Mitteilungen zur osmanischen Geschichte*. 1923–1926. № 2. S. 173–241. Называть правителей Мамлюкского государства султанами-рабами не вполне корректно. Во-первых, мамлюки освобождались на волю при достижении совершеннолетия, служили в армии и делали политическую карьеру уже лично свободными. Во-вторых, некоторые султаны наследовали власть от своих отцов и никогда не были рабами (*Прим. науч. ред.*).

⁹⁵ Peirce L. *The Imperial Harem: Women and Sovereignty in the Ottoman Empire*. New York; Oxford, 1993. P. 65; Abun-Nasr J. M. *A History of the Maghrib*. P. 155–156: «Османы, кажется, видели в Ваттасидах Феса потенциальных союзников против испанцев с тех пор, как Арудж захватил Тилимсан [Тлемсен] в 1517 году».

⁹⁶ Османские янычары, находившиеся на действительной службе, рабами не являлись. Они относились к категории капы-кулу («государевы рабы»), что обозначало принадлежность к категории воинов и государственных служащих, состоявших на жалованье из государственной казны Османской империи (*Прим. науч. ред.*).

⁹⁷ CGA. F. 402v, 411v, 420r; Ramusio. P. 399, 409, 416; Épaulard. P. 499, 510, 520; *Muhammad ibn Ahmad ibn Iyas*. Journal. Vol. 2. P. 139–198.

Похоже, что фесский дипломат смотрел на все эти события со смешанными чувствами. Позднее он скажет захватившим его в плен итальянцам, что «радовался победам [султана] в Сирии и в Египте», но его краткие упоминания о захвате османами Каира в манускрипте об Африке были мрачными⁹⁸. Возможно, что в Рашиде он имел официальную встречу с Селимом или с кем-то из его сановников. Так или иначе, связь между Османами и Ваттасидами оказалась установлена.

Селим вернулся в Стамбул в шаабане/сентябре, оставив в Египте своего наместника⁹⁹. Примерно в это же время ал-Хасан ал-Ваззан, по-видимому, отплыл вверх по Нилу в Асуан и по пути останавливался во многих местах. На обратном пути он сошел на берег в богатом городе Кина, стоящем на Ниле в ближайшей точке к Красному морю. Оттуда, как указывает ал-Ваззан, купцы и паломники переходят через пустыню в порт ал-Кусайр, а потом плывут на кораблях на юг по Красному морю в порты, ближайшие к Мекке и Медине¹⁰⁰.

Именно так поступил и он сам. Кина была особенно привлекательной остановкой для мусульман из Магриба, совершающих паломничество в Мекку: там был похоронен отшельник Абд ар-Раим – он родился близ Сеуты в Марокко в конце XII века, а впоследствии, прожив многие годы в Мекке, стал одним из самых почитаемых святых Египта. Ибн Баттута, посетив Кину, побывал на его могиле, и ал-Ваззан, конечно, сделал то же самое: ему было любопытно узнать об исцелениях, которые будто бы совершали те, кто молился на ней и обходил вокруг нее¹⁰¹.

Из Кины ал-Ваззан писал: «Автор прошел через пустыню к Красному морю, которое пересек, чтобы высадиться на берегах Аравии, в портах Янбу и Джидда». Из Янбу ал-Ваззан, вероятно, отправился в священный город Медина, где с восхищением увидел гробницу Пророка, его мечеть и кладбище, где похоронены герои раннего ислама. Чтобы добраться оттуда до Мекки, он, видимо, вернулся в Янбу и морем переправился в Джидду, лежащую всего в пяти милях от места, где родился Мухаммад. Если он предполагал совершить хадж, то есть большое паломничество в определенный срок, то должен был так рассчитать время прибытия, дабы совершить семикратный обход вокруг Каабы, священного Черного Камня, 8 зу-л-хиджжа 923 года хиджры/23 декабря 1517 года. В следующие пять дней он должен был выполнять положенные действия, молитвы и обряды, подобающие этому средоточию божественного присутствия в мире. Вероятно, он подумал о дипломатических возможностях своего пребывания здесь и попытался договориться об аудиенции у шерифа Бараката, которого султан Селим незадолго до этого утвердил на посту правителя Мекки.

Конечно, он мог видеть сотни, если не тысячи паломников, которые ежегодно прибывали караваном из Каира по восточному берегу Красного моря. Во главе его следовал на верблюде знаменитый египетский паланкин, или *махмал*, символизирующий ныне победителя-османа. Группы паломников из Магриба и Черной Африки часто входили в состав египетского каравана, и ал-Ваззан, даже в этот беспокойный год, мог встретить кого-то из своих соотечественников (и соотечественниц)¹⁰².

⁹⁸ *Marino Sanuto. I Diarii di Marino Sanuto. Bologna, 1969. 58 vols. Vol. 26. P. 195* (репринт венецианского издания 1879–1892 годов).

⁹⁹ Наместником Египта был назначен один из мамлюкских военачальников, перешедших на сторону Селима. Хайр-бек возглавлял вассальное государство с 1517 по 1522 год и носил титул «эмир ал-умара», который был выше титула обычного наместника. После его смерти вассальное государство было упразднено, и Египтом стали управлять обычные османские наместники, носившие титулы «вали» и «паша» (*Прим. науч. ред.*).

¹⁰⁰ *Muhammad ibn Ahmad ibn Iyas. Journal. Vol. 2. P. 196–198; CGA. F. 431r–432v; Ramusio. P. 427–429; Épaulard. P. 535–537.*

¹⁰¹ *Wiet G. Kuna // The Encyclopaedia of Islam. New ed. Leiden, 1954–2001. Vol. 5. P. 385–386; Ibn Battuta. Voyages. Vol. 1. P. 147; Vol. 2. P. 135.*

¹⁰² *CGA. F. 432v* («li barcharoli che menorono ipso compositore dal Chairò fine alla ciptade Asuan et con quelli essere tornato fine da Chana [Qina] et de indi andato per el deserto allo Mare roseio lo quale ha trapassato alla banda de la Arabia deserta al Porto

Быть может, он присоединился к их каравану, возвращаясь в Каир: паломники, прибывшие туда 28 мухаррама 924 года хиджры/10 февраля 1518 года жаловались, что в пути их мучили голод и болезни, падеж верблюдов, сильные дожди и нападения бедуинов¹⁰³. А может быть, ал-Ваззан проследовал совсем иным путем, снова переплыл Красное море или отправился в Счастливую Аравию, в южную часть Аравийского полуострова. Он даже мог снова съездить в Стамбул. Он не оставил нам никаких указаний на этот счет. Мы точно знаем лишь то, что летом 924/1518 года он покинул Каир и сел на корабль, чтобы вернуться к своему повелителю в Фес.

Дипломатическая деятельность и придворная служба требовали от ал-Ваззана умения хорошо говорить, слушать и писать, а также владеть приемами учтивого обхождения при дворе, на пиру, при обмене дарами. Он должен был пристально следить за различиями в правилах и вкусах, странствуя по Африке и Ближнему Востоку, и приспосабливать к ним свое поведение. Многие тогдашние формы дипломатии напоминают те, что описал за сто с лишним лет до этого в своей биографии Ибн Халдун, законовед, дипломат и историк из Магриба. Другие формы, как, например, возросшее значение удостоверяющих документов, вероятно, появились позднее. У самого ал-Ваззана не оказалось с собой необходимых бумаг при прохождении арабского пункта взимания сборов к югу от Сиджилмасы, где со всех евреев брали специальный взнос, так что ему пришлось читать мусульманские молитвы, чтобы его не приняли за одного из многих евреев, следовавших в том же караване. Обычно же он ездил с охранной грамотой или с другим документом, удостоверяющим личность и составленным канцлером султана Мухаммада ал-Буртукали¹⁰⁴.

Иногда ал-Ваззан путешествовал с сопровождающими лицами. Так, в делегации, следовавшей с ним в Марракеш в 921/1515 году, насчитывалось девять человек кроме слуг – а иногда лишь с одним-двумя слугами. Но султан династии Ваттасидов и не мог претендовать на большее, в противоположность, скажем, французскому королю, направившему в 918/1512 году в Каир к султану Кансуху ал-Гаури посла со свитой в пятьдесят человек. В том же году при мамлюкском дворе принимали посла Туниса, у которого совсем не было сопровождения, достойного быть упомянутым в поденных записках Ибн Ийаса¹⁰⁵.

В своих странствиях ал-Ваззан мог останавливаться у кого-нибудь из местной знати – у имама (предстоятеля на молитве), у факиха, у праведного человека или просто в гостинице для чужестранцев, если такая имелаась. В одном городке на склонах Высокого Атласа некий зажиточный эмигрант из Гранады уговорил ал-Ваззана, как земляка-андалусца, поселиться у него с восемью спутниками и прислугой, а бывало, что, следуя сухим путем из Тлемсена в Тунис, ал-Ваззану приходилось велеть слугам разбивать на ночь шатры. Если он приезжал в такое место, где предполагалась официальная встреча с правителем или важным сановником, то хозяин обычно размещал его у себя в резиденции – как было во время его визита в юности

del Iambuh [Yanbu] et de Gedda [Jeddah]»); Ramusio. P. 429; Épaulard. P. 537; *Ibn Battuta. Voyages*. Vol. 1. P. 259–350; *Glassé C. The Concise Encyclopaedia of Islam*. London, 1989. P. 214–216, 313–316; *Jomier J. Le mahmal et la caravane égyptienne des pèlerins de La Mecque, XIIIe–XXe siècles*. Cairo, 1953, гл. 1–2, 4, 6; *Muhammad ibn Ahmad ibn Iyas. Journal*. Vol. 1. P. 85, 163, 321, 324; Vol. 2. P. 188, 208; *Le Tourneau R. Fez in the Age*. P. 137–138.

¹⁰³ *Muhammad ibn Ahmad ibn Iyas. Journal*. Vol. 2. P. 217, 228.

¹⁰⁴ *Ibn Khaldun. Le voyage; Björkman W. Diplomatic // The Encyclopaedia of Islam*. New ed. Leiden, 1954–2001. Vol. 2. P. 303; CGA. F. 198r, 253r («lettere de Favore del Re»), 269r («salvo conducto»), 359v; Ramusio. P. 210, 261, 275, 357; Épaulard. P. 237, 302, 318, 431; *Thenaud J. Le voyage d'outremer (Égypte, Mont Sinay, Palestine) de Jean Thenaud, suivi de la Relation de l'ambassade de Domenico Trevisan auprès du Soudan d'Égypte, 1512 / Sous la dir. de C. Schefer*. Paris, 1884. P. 28.

¹⁰⁵ CGA. F. 93r, 94v, 97r, 285r; Ramusio. P. 117, 119, 121, 289–290 (в DAR. F. 60v опущено упоминание о слуге); Épaulard. P. 130–131, 134, 338; *Muhammad ibn Ahmad ibn Iyas. Journal*. Vol. 1. P. 238, 252.

к горному вождю в Высоком Атласе и впоследствии, у Йахья-у-Тафуфта – либо выделял ему другую резиденцию, как в Алжире, где мы видели его в доме бывшего посла в Испании¹⁰⁶.

Затем дипломат должен был испросить аудиенцию у правителя. При каждом дворе имелся особый чиновник по вопросам протокола. «У султана [Феса] есть церемониймейстер, – писал ал-Ваззан, – который, когда султан проводит совет или дает аудиенцию, сидит у его ног и распоряжается размещением посетителей и порядком их выступлений сообразно рангу и достоинству». Он встречал таких же чиновников в Тлемсене, Тунисе и Каире. При дворе Аския Мухаммада в Гао и Томбукту контактами с арабами, берберами и послами из Магриба занимался «корай-фарма» – «ведающий белыми»¹⁰⁷. От такого должностного лица посол узнавал, если не знал раньше, какие жесты почитания требуются от посла, предстающего перед правителем: просто поцеловать руку горному вождю в Атласе, поцеловать землю у ног султана Феса, трижды низко поклониться и поцеловать землю перед ковром у ног мамлюкского султана в Каире, или встать на колени и посыпать голову пылью перед императором Сонгаи в Стране черных¹⁰⁸. Разумеется, одяние посла и его свиты на аудиенции имело чрезвычайную важность, так как свидетельствовало о достоинстве его властелина и об уважении, проявляемом к владельцу, его принимающему. Ибн Ийас отмечал в дневнике те случаи, когда наряд дипломатов, принятых султаном Египта, был особенно великолепен, а богатый халат часто входил в ответные дары отъезжающему дипломату¹⁰⁹.

Обмен подарками мог начаться еще до аудиенции, так как правитель жаловал прибывшим послам угощение. Ибн Баттута еще в 753/1352 году был разочарован жалкими кушаньями, доставленными ему в качестве «дара гостеприимства» от султана Мали, а в 918/1512 году французский посол и его сопровождающие сразу же получили от султана Кансуха ал-Гаури несколько баранов и отдарились гусьями, цыплятами, маслом, сахаром, медом и фруктами¹¹⁰. Ал-Ваззан много лет спустя помнил обмен подарками, происходивший в тот раз, когда дядюшка послал его к горному вождю в Атласе. От дяди ал-Ваззан вручил ему пару стремян, разукрашенных в мавританском стиле, несколько шпор красивой работы, два шелковых шнура – один переливчатого синего цвета, а другой небесно-голубого, перевитые золотой нитью, и каллиграфически переписанную рукопись в новом переплете с жизнеописанием святых и праведников Магриба – этот жанр очень высоко ценился в регионе¹¹¹. Кроме того, он подарил поэму своего дяди, восхваляющую вождя, и прочитал вслух стихи собственного сочинения как «маленький словесный подарок». Вождь в ответ подарил восемьсот золотых монет, трех

¹⁰⁶ CGA. F. 55v, 67r, 77r, 93r, 94r–v, 97r, 100r, 285r, 297r; Ramusio. P. 81, 92, 103, 117, 119, 121, 124, 289–290 (в DAR. F. 60v опущено упоминание о покупке веревок для шатра в дорогу в Тунис); Épaulard. P. 84, 99, 111, 130–131, 134, 137, 338–139, 349. О том, как размещали послов, прибывающих в Каир, см.: *Muhammad ibn Ahmad ibn Iyas*. Journal. Vol. 1. P. 238, 248, 252; *Thenaud J.* Le voyage d'outremer. P. 22–23, 36.

¹⁰⁷ CGA. F. 199r, 281v, 325r, 327v, 422v; Ramusio. P. 211, 287, 325–326, 418; Épaulard. P. 238, 335, 386–387, 523–524; *Muhammad ibn Ahmad ibn Iyas*. Journal. Vol. 1. P. 213 («l'introducteur des ambassadeurs»), 249, 251, 356; *Hunwick J. O.* Timbuktu. P. 145, 145, n. 2; *Cissoko S. M.* Tombouctou. P. 106.

¹⁰⁸ CGA. F. 99v, 381v; Ramusio. P. 123–24; Épaulard. P. 137, 468; *Les sources inédites de l'histoire du Maroc*. Archives et bibliothèques d'Espagne / Sous la dir. de H. de Castries (1ère série). 3 vols. Paris; Madrid, 1921–1961. Vol. 1. P. 652; *Thenaud J.* Le voyage d'outremer. P. 45; *Muhammad ibn Ahmad ibn Iyas*. Journal. Vol. 1. P. 238.

¹⁰⁹ *Ibid.* Vol. 1. P. 238, 242; Vol. 2. P. 9–10.

¹¹⁰ *Ibn Battuta*. *Ibn Battuta in Black Africa*. P. 45; *Thenaud J.* Le voyage d'outremer. P. 43.

¹¹¹ CGA. F. 100r; Ramusio. P. 123–124; Épaulard. P. 137. Ал-Ваззан озаглавил рукопись, подаренную вождю, «La Vita de li sancti Affricani» («Жизнь африканских святых»), но как мы увидим в главе 5, слово «африканский» в то время не употреблялось в Северной Африке, кроме варианта «Ифрикия» для обозначения области вокруг Туниса и Карфагена. Непохуже, чтобы дядя ал-Ваззана вез с собой книгу о святых людях Туниса и его области, отправляясь к Аския Мухаммаду в Томбукту. Однако существовало несколько трудов об отшельниках и святых различных районов Марокко, в том числе биографии святых Южного Марокко ат-Тадилы (начало XIII века); святых Феса и его округа ат-Тамими (начало XIII века); об отшельниках Рифских гор ал-Бадиси (начало XIV века); о сорока отшельниках Феса, Мекнеса и Сала ал-Хадрами (середина XIV века) (*Cornell V. J.* Realm of the Saint. P. 98–100, 143; *Bencheikroun M. B. A.* La vie intellectuelle. P. 309–318, 440–442; *Ferhat H., Triki H.* Hagiographie et religion au Maroc médiéval // *Hespéris Tamuda*. 1986. Vol. 24. P. 17–51).

рабов и коня дяде, пятьдесят монет и коня ал-Ваззану и по десять золотых каждому из двух его слуг и обещал еще больше подарков дядюшке ал-Ваззана на его обратном пути из Томбукту¹¹². Надо полагать, этот первый контакт создал основу для доброго взаимного расположения между султаном Феса и горным вождем.

Благодаря обмену подарками создавалась любезная и благожелательная атмосфера для передачи посланий, которые не всегда бывали столь приятными, как эти хвалебные поэмы. В 920/1514 году в Каире османский посол вручал Кансуху ал-Гаури меха, бархат, серебряные вазы и рабов мужского пола, в то время как официальное письмо, им доставленное, содержало тревожные новости о военных авантюрах султана Селима¹¹³. Ал-Хасан ал-Ваззан вполне мог доставлять неприятные известия наряду с дипломатическими дарами, посещая некоторых подчиненных султану вождей или правителей-соперников в Марокко.

Независимо от содержания дипломатического послания, его полагалось сформулировать и написать в изысканных выражениях и вручить с благородным изяществом. Официальные письма составлялись в султанской канцелярии в Фесе, часто на бумаге красноватого или розового оттенка, столь ценимой в Магрибе. В письмах использовались возвышенные фразы, обычные в обращениях к важным особам, их текст с начала до конца перемежался религиозными формулами. После того как письмо было переписано лучшим магрибинским почерком, «доброросовестный канцлер» (как называл его ал-Ваззан) заверял письмо формулой, унаследованной Ваттасидами от прежних династий, а затем следовала подпись султана – уникальная каллиграфическая монограмма (*алама*) из налагающихся друг на друга и переплетенных букв. После этого канцлер запечатывал письмо и туго сворачивал, чтобы скрыть его содержание¹¹⁴.

Сам ал-Хасан ал-Ваззан не имел отношения к султанской канцелярии, но он несколько лет проработал нотариусом в лечебнице для душевнобольных, а во время дипломатических миссий нередко должен был писать письма самостоятельно. Так, в 915/1509 году в Тefзе, в Высоком Атласе, ал-Ваззан – с одобрения султанского военачальника – сочинил поддельное письмо от имени султана Феса, чтобы убедить взбунтовавшихся горожан подчиниться приказам султана¹¹⁵. Следовательно, он был знаком с правилами эпистолярного и дипломатического языка, а также с каллиграфией, во всей их сложности и красоте.

Официальная корреспонденция и донесения почти всегда излагались высоко ценимой и освященной столетиями рифмованной прозой (*садж*) – ритмическим языком без фиксированного метра, но с ассонансами, аллитерациями и случайной рифмой. Ибн Халдун привел примеры такой дипломатической корреспонденции в автобиографии и сам пользовался саджем. Отвечая на одно письмо из Гранады, он написал, что на этот раз не осмелился прибегнуть к саджу, ибо ему никогда не сравниться в этом искусстве с автором письма¹¹⁶. Ал-Ваззан, несомненно, писал свои дипломатические письма рифмованной прозой (мало того, он все

¹¹² CGA. F. 100v–101r; Ramusio. P. 124–125; Épaulard. P. 137–138. Ал-Ваззан описал обмен между одним купцом из египетского портового города Думйат (Дамьетта) и правителем «Гаога», который отвечал на каждый подарок минимум вдвое ценнейшим: купец подарил лошадь, турецкую саблю, кольчугу, ружье, несколько красивых зеркал, гребни, коралловые четки и ножи общей стоимостью около 50 египетских дукатов. Султан дал взамен 5 рабов, 5 верблюдов, 500 золотых монет и 150 слоновых бивней (CGA. F. 391v; *Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner*. S. 316; Ramusio. P. 388; Épaulard. P. 483).

¹¹³ *Muhammad ibn Ahmad ibn Iyas*. Journal. Vol. 1. P. 347, 356–357, 366–369.

¹¹⁴ *Colin G. S. Diplomatic: Maghrib* // *The Encyclopaedia of Islam*. New ed. Leiden, 1954–2001. Vol. 2. P. 307–308; CGA. F. 198r; Ramusio. P. 210; Épaulard. P. 237; *Les sources inédites de l'histoire du Maroc de 1530 à 1845*. Archives et bibliothèques de France. Vol. 1. P. 170–177; *Les sources inédites de l'histoire du Maroc*. Archives et bibliothèques d'Espagne. Vol. 1. P. 92–94, 142–143; *Khatibi A., Sijelmassi M. The Splendor of Islamic Calligraphy*. London; New York, 2001. P. 152; *Bloom J. Paper Before Print: The History and Impact of Paper in the Islamic World*. New Haven; London, 2001. P. 85–89.

¹¹⁵ CGA. F. 108r–110r («Alhora el compositore ymaginata la suo opinione disse signore capitano fingete domatina havere recepute lettere del re», «In quella matina scrivemo una lettera incontra mano de lo Re», 108r); Ramusio. P. 131–132 (DAR. F. 25v приписывает замысел подделать письмо «un suo consigliere» – одному его советнику, а не ал-Ваззану); Épaulard. P. 145–147.

¹¹⁶ *Ibn Khaldun. Le voyage*. P. 104–108, 262, n. 89; *Krenkow F. Sadj* // *The Encyclopaedia of Islam*. New ed. Leiden, 1954–2001. Vol. 8. P. 732–738; *Bencheikroun M. B. A. La vie intellectuelle*. P. 472–475.

еще использовал садж при написании важных писем на арабском языке в Италии). Стихи же, которые он сочинял и декламировал правителям во время своих визитов, имели форму *мадха* (араб. *мадх* – «панегирик», «восхваление»)¹¹⁷.

Во время всех путешествий его языком устного общения был арабский, известный некоторым правителям и всем факихам, подобным ему, куда бы он ни направлялся. Хотя разговорный арабский язык несколько различался от города к деревне и от одного региона к другому, ал-Ваззан, похоже, обходился без переводчика. Благодаря постоянному чередованию вояжей с занятиями торговлей или дипломатией такие люди, как он, видимо, приобретали гибкость в использовании различных говоров. Так, в Рифских горах он мог говорить на местном берберском наречии, которому, должно быть, научился, когда бывал на отцовских виноградниках¹¹⁸. Но в тех городах и при тех дворах, где представители власти знали только другие берберские языки (сильно отличавшиеся друг от друга, в том числе количеством заимствований из арабского) или языки Черной Африки, ал-Ваззан общался через переводчика. Люди, способные выступать толмачами, были на удивление многочисленны: панегирик ал-Ваззана в честь горного вождя в Высоком Атласе секретарь последнего переводил прямо со слуха, пока юноша читал свои стихи; главу кочевого племени санхаджа в Сахаре сопровождал толмач, который и переводил беседу для ал-Ваззана и его спутников, когда их пригласили на пир в пустыне¹¹⁹.

Ал-Ваззан гордился своим искусством словесности, смаковал хорошую поэзию, когда бы ее ни услышал, и насмехался над послами, которых находил несведущими в этой области. Он вспоминал, как однажды мелкий правитель густонаселенной горной области в Анти-Атласе послал султану Феса, своему «большому другу», сотню черных рабов, десять евнухов, двенадцать верблюдов, жирафа, десять страусов, шестнадцать циветт, серую амбру, мускус, шестьсот шкур антилопы, финики, эфиопский перец и прочее. Эти изобильные дары сопровождал посол – «низенький, толстый, очень черный и изъяснявшийся языком неотесанного дикаря». Письмо от этого царька было неуклюже составлено «в стиле древних ораторов», но сам посол, произносивший речь, был еще хуже. Все присутствующие из всех сил старались не смеяться, однако султан все равно благосклонно поблагодарил посла и учтиво принял его и его большой кортеж¹²⁰.

Жизнь посла состояла не только из церемоний, речей и проницательных наблюдений. В ней могли присутствовать и интриги, и опасности, и вероломство. Ибн Халдун рассказывал, что во время службы советником, секретарем, послом и судьей его осаждали лестными предложениями правители-конкуренты от ал-Андалуса до Сирии и что иногда он переходил на другую сторону – опасное предприятие, которое по меньшей мере однажды кончилось тюрьмой. Во времена ал-Ваззана дело могло обернуться еще хуже. В 921/1515 году послы от двора мамлюков в Каире боялись доставлять неприятные известия султану Селиму, который мог и убить их. В следующем году, когда Селим готовился к вторжению в земли мамлюков, он заковал посла Кансуха ал-Гаури в кандалы и отправил его обратно в Каир в позорной одежде верхом на старой кляче¹²¹.

¹¹⁷ CGA. F. 100r–101r; Ramusio. P. 124; Épaulard. P. 137–138. Колофоны, написанные *саджем*: Biblioteca Estense Universitaria (Modena). MS Orientale 16-alfa.J.6.3. The Epistles of Saint Paul in Arabic. (Transcribed by al-Hasan al-Wazzan). F. 68; Real Biblioteca del Escorial (Spain). Manuscritos árabes. MS 598. Al-Hasan al-Wazzan, Jacob Mantino et al. Arabic-Hebrew-Latin, Spanish dictionary. F. 117b–118a. Об арабском панегирике см.: *Blachère R.* Histoire de la littérature arabe des origines à la fin du XVe siècle. Paris, 1964–1966. 3 vols. Vol. 3. P. 580–589; *Trabulsi A.* La critique poétique des Arabes jusqu'au Ve siècle de l'Hégire (XIe siècle de J. C.). Damascus, 1955. P. 220–225.

¹¹⁸ CGA. F. 6v–7r, 240r–v; Ramusio. P. 25, 251; Épaulard. P. 12–13, 287–288.

¹¹⁹ CGA. F. 21r–22r, 100v–101r; Ramusio. P. 42–43, 124; Épaulard. P. 38–39, 137–138. О расхождении между берберскими «диалектами» и между арабо-берберскими говорами только внутри региона Марокко см.: *Montgomery Hart D.* Tribal Place Names among the Arabo-Berbers of Northwestern Morocco // *Hespéris Tamuda*. 1960. Vol. 1. P. 457–511.

¹²⁰ CGA. F. 101v–103r; Ramusio. P. 125–126; Épaulard. P. 138–140.

¹²¹ *Ibn Khaldun.* Le voyage. P. 75, 82–84, 91–93, 150; *Muhammad ibn Ahmad ibn Iyas.* Journal. Vol. 1. P. 431–432, 435; Vol.

Ал-Ваззан, конечно, слышал о таких эпизодах, а также наблюдал внезапные изменения альянсов в исламском политическом мире, в том числе обращения за помощью к христианским властителям. Поступали ли заманчивые предложения ему самому, он не сообщает. Как минимум он выполнял поручения и других мусульманских владык, кроме султана Феса. Мы уже видели, как он покупал рабынь для марокканского шерифа из династии Саадитов, но теперь расскажем о более важной услуге, оказанной им зийанидскому султану Тлемсена.

Некий отшельник утвердился в роли шейха на равнине примерно в двух днях пути от Тлемсена. Окруженный женами, наложницами и потомством, он учил своих многочисленных последователей особым именам, которые надлежало использовать, обращаясь к Аллаху в ежедневных молитвах. (Очевидно, он следовал практике некоторых суфийских наставников, которые при помощи грамматических или этимологических приемов придумывали дополнения к Девяноста Девяти именам Бога, открытым верующим в Коране и мусульманском предании, Сунне.) Последователи в благодарность возделывали его земли, пасли его скот и засыпали его жертвоприношениями. Однако ни гроша из этих денег никогда не попадало в виде податей в сундуки зийанидских султанов, и, кроме того, растущая слава святого, по словам ал-Ваззана, «приводила в трепет султана Тлемсена». Это был религиозный лидер, способный поддержать пирата Аруджа Барбароссу как в борьбе с христианами, так и в политических шагах против султана, склонного к уступчивости. Однако ал-Ваззан, съездив на три дня к этому святому, пришел к обнадеживающему выводу, что тот, видимо, всего лишь «колдун»¹²², так как мало чему может научить¹²³.

Североафриканские послы не всегда были ограничены во времени строгими рамками дипломатических обязанностей, и ал-Ваззан иногда прерывал свои миссии, чтобы заняться другими делами. По крайней мере, дважды он выступал в качестве временного судьи, или *кади*, в тех общинах, где судьи не было, и решал дела в традициях маликитской школы права, принятой во всем Магрибе. Хотя султан официально не назначал его судьей, ал-Ваззан, вероятно, путешествовал с удостоверением (*иджаза*) от своего профессора права, подтверждающим, что, занимаясь у него, он изучил определенные книги и имеет разрешение обучать по ним других. Этого документа и очевидного факта, что он являлся факихом, было достаточно для жителей отдаленной деревни в горах Высокого Атласа. Они не хотели его отпускать, пока он не разрешит их споры и не зафиксирует эти решения документально. В результате, проспав девять ночей на голой земле, он был вознагражден луком, чесноком, цыплятами и старым козлом, которого пришлось оставить. В одном городке в Тлемсене, куда ни султан, ни воинственный Барбаросса не назначили никакого должностного лица, он провел два месяца, разбирая дела и наслаждаясь как почестями, которые оказывали ему местные жители, так и их щедрой платой. Затем, вспомнив о лояльности своему сюзерену в Фесе, он проследовал дальше в Тунис¹²⁴.

2. P. 60, 64.

¹²² В Магрибе большую роль играли святые (марабуты), наиболее влиятельные из которых становились основателями религиозно-политических организаций, из которых могли вырастать суфийские ордены или даже государства. В связи с этим миссия ал-Ваззана по поручению султана Тлемсена заключалась в том, чтобы оценить масштаб угрозы, исходившей от данного проповедника. Видимо, ал-Ваззан убедился, что степень влияния этого шейха недостаточно велика для создания могущественного религиозно-политического объединения. Слово «колдун» употреблено здесь в уничижительном смысле для обозначения шарлатана, не имеющего реальной силы. Святых (марабутов) в Магрибе считали носителями божественной благодати (бараки) и приписывали им возможность творить реальные чудеса (*Прим. науч. ред.*).

¹²³ CGA. F. 286r–287r; Ramusio. P. 290–291; Épaulard. P. 340–341. Об Именах Аллаха и дополнениях к ним см.: *Glassé C. The Concise Encyclopaedia of Islam*. P. 37, 99–100; *Khushaim A. F. Zarruq the Sufi*. P. 151.

¹²⁴ CGA. F. 77r; Ramusio. P. 103; Épaulard. P. 111–112. В рукописи CGA. F. 294r–295v переписчиком допущена ошибка: фрагмент о работе ал-Хасана ал-Ваззана в роли судьи в одном городке королевства Тлемсен присоединен после описания

В странствиях перед ал-Ваззаном со всех сторон открывались пути к новым знаниям. В одной из ранних поездок времен его «необузданной юности» – предположительно, когда они с дядей ехали в Томбукту – он попробовал покататься на муфлоне из стада берберов санхаджа и сумел продержаться верхом четверть мили¹²⁵. Более благоразумной затеей было продолжение юношеского увлечения – поисков эпитафий – на территории султаната Фес, где он в восхищении копировал надписи с надгробий маринидских султанов и их жен в мавзолее в Шелле, близ Рабата. Он изучал латинские надписи на развалинах, стоящих в горах над Тунисом, и разбирал их с помощью одного местного жителя – сицилийца, обращенного в ислам. Он сожалел о том, что некому помочь ему хоть что-то понять в надписях и изображениях на нескольких древних медальонах, найденных возле кладбищ дальше на юге¹²⁶.

А еще случалось, что у хозяев, дававших ему приют по пути, имелись библиотеки, в которых можно было порыться: в берберском горном городке в области Хаха к западу от Марракеша он видел множество хроник по истории Африки, принадлежавших одному богатому и знатному человеку; в Алжире – сотни арабских рукописей, недавно купленных в Валенсии алжирским посланником, ездившим к королю Фердинанду. Некий имам в другом городе в Хахе, араб, чуть ли не месяц удерживал ал-Ваззана у себя в доме, и тот читал ему вслух один труд по арабской риторике¹²⁷. И мы можем лишь воображать себе, какие богатства он мог видеть в рукописных собраниях Томбукту и в библиотеках великих медресе Каира.

Повсюду ал-Ваззан спорил, задавал вопросы, выслушивал ответы. Годы спустя он припомнил разговор в Айт Дауде, горном городке на западной оконечности Высокого Атласа. Жители города, потомки евреев, обращенных в ислам, были чрезвычайно сведущи в праве и допоздна спорили о разных вопросах, вроде того, обсуждению которого он был свидетелем: допускает ли закон продажу *ахбаса* (как в Магрибе называли *авкаф*) – то есть имущества, переданного навечно на благотворительные цели, чтобы помогать бедным¹²⁸. Ал-Ваззан, который еще раньше сожалел о захвате Ваттасидами вакуфных владений фесских медресе для военных нужд, с интересом следил за этим спором в Атласских горах¹²⁹.

К сведениям о политических событиях прошлого и о местных происшествиях ал-Ваззан проявлял ненасытную жадность. В Хахе он добивался от бывших последователей ас-Саййафа подробностей об учении и скандальной жизни этого бунтаря против Ваттасидов, относящейся к XV веку: ас-Саййаф сделался тираном и был убит одной из жен, когда она застала его спящим с падчерицей. В Сафи от участников местных раздоров ал-Ваззан узнал, что их ссора началась с того, что дочь местного *кайда* (мэра, губернатора) влюбилась в политического противника своего отца, а кончилась тем, что португальцы полностью подчинили себе разделенное на партии население. Эта история войдет в одно из его позднейших сочинений, «чтобы показать, как приверженность партиям и женщины могут сгубить страну, народ и религию»¹³⁰.

города Мазуна, но он явно имеет смысл только в конце описания Медеа, куда его и поместил Рамузио (Ramusio. P. 299; Épaulard. P. 351–352). Вполне вероятно, что Рамузио располагал еще одним экземпляром рукописи (см. ниже, гл. 3). О назначении *кади* и о выдаче *иджазы* см.: Bencheikroun M. B. A. La vie intellectuelle. P. 74–76; Hajji M. L'activité intellectuelle. P. 121–127, 139–140; Rodríguez Mediano F. Familias de Fez. P. 52.

¹²⁵ CGA. F. 371v–372r, 448r–v; Ramusio. P. 368, 445; Épaulard. P. 447, 560–561.

¹²⁶ CGA. F. 124r, 346r (руины в горах близ Туниса: «Molti epitaffii scripti in lingua latina como ipso compositore dice havere visto et alcuni de quillo serono lecti et interpretati da uno ciciliano renegato»), 367v–368r; Ramusio. P. 147, 343 (B DAR. F. 71v упоминание о сицилийце, обращенном в ислам, опущено), 365; Épaulard. P. 166, 409, 442.

¹²⁷ CGA. F. 48v–49r, 297r; Ramusio. P. 73–74, 298; Épaulard. P. 76–77, 349. О библиотеках и рукописных собраниях в мире ислама см.: Touati H. L'armoire à sagesse: bibliothèques et collections en Islam. Paris, 2003.

¹²⁸ С точки зрения мусульманского права продажа вакфов была категорически запрещена. Но доходами вакфа (например, земельного) можно было воспользоваться по-разному, в том числе и для помощи бедным (Прим. науч. ред.).

¹²⁹ CGA. F. 53r, 142v; Ramusio. P. 78 (DAR. F. 14r неверно передает «li beneficii» ал-Ваззана, явно подразумевавшего то, что в Магрибе называется по-арабски *авкаф* или *ахбас* – как «quello, che alcuno possedeva», «нечто, чем владеет какой-нибудь человек»), 165; Épaulard. P. 81 (следует за Рамузио), 187.

¹³⁰ CGA. F. 54r–v («grandissimo tiranno»), 82v–86r, 97r; Ramusio. P. 79–80, 108–110, 121; Épaulard. P. 82, 118–120, 133–

Ал-Ваззан интересовался и повседневными делами. В городке на атлантическом побережье он узнал от пожилого еврея, что причина, по которой на пляже лежало множество мертвых китов, заключалась не в том, что здесь, по местному поверью, кит извергнул на сушу библейского Иону, а в том, что в море, в нескольких милях от берега, выступают острые рифы. В горах Атласа он слышал рассказы о чудесном растении сармак, употребление которого в пищу укрепляло мужскую силу при половом акте. Мало того, говорили, будто мужчины испытывают эрекцию, а молодые женщины теряют девственность, просто пройдя над этим растением (ал-Ваззан в этом усомнился и написал, что эту историю выдумали, чтобы скрывать настоящее проникновение пениса). В пустыне Драа он расспрашивал о ценах на различные сорта фиников; в Томбукту интересовался оживленной торговлей рукописями из Магриба; на базаре в Гао – ценами на рабов; в одном городке на берегу Нила обсуждал налог, выплачиваемый султану за право держать сахарное производство с многочисленными наемными работниками. А у уличного музыканта в Каире он выяснял, как тому удалось научить верблюда танцевать под звуки бубна¹³¹.

Ехал ли он верхом по горной тропе, шел ли с караваном в пустыне или плыл на корабле по Средиземному морю, у него в дорожных сумках всегда лежали книги и все необходимое для письма. Действительно, приобретать сведения и записывать их во время путешествия (*рихла*) было старинной и уважаемой исламской традицией. Поздно ночью на борту судна, идущего вверх по Нилу, в Кину, ал-Ваззан у себя в каюте «занимался при свече» еще долго после того, как заснули все остальные¹³².

Все это кончилось летом 924/1518 года, когда на корабль, на котором ал-Ваззан возвращался из Каира в Фес, напали христианские корсары и взяли его в плен. Его жизнь странника и ненасытного наблюдателя отныне приняла другое направление.

134; Cornell V. J. Realm of the Saint. P. 191–194.

¹³¹ CGA. F. 59r–v, 352v, 382r, 383v, 404v, 445v–446r, 464r–v; Ramusio. P. 84–85, 351, 379–380, 401–402, 442, 460 (изменен отклик ал-Ваззана на рассказ о растении сармак); Épaulard. P. 88–89, 423, 468–469, 471, 502, 557, 579 (изменен рассказ о растении сармак).

¹³² CGA. F. 454v; Ramusio. P. 450; Épaulard. P. 567; Hajji M. L'activité intellectuelle. P. 133; Touati H. Islam et voyage, гл. 2, 4.

Глава 2

Жизнь на «территории войны»¹³³

Ал-Хасан ибн Мухаммад ал-Ваззан издавна страшился христианских корсаров, орудовавших на Средиземном море. В одной из прежних поездок, следуя морем из Каира в Тунис, он опасался, что на корабль нападут сицилийцы или рыцари-госпитальеры с Родоса – воители за веру, оплот христианского могущества в Восточном Средиземноморье. Он знал также, что берберы, которые ловят рыбу к западу от марокканского порта Бадис, до того боятся испанских пиратов, что стоит им завидеть вдаль какую-нибудь мачту, как они гребут к берегу и прячутся в Рифских горах. Как оказалось, его похитителем был испанец, хорошо известный в Средиземноморье, – дон Педро де Кабрера-и-Бовадиллья¹³⁴. О том, где был захвачен корабль ал-Ваззана, рассказывали по-разному. Так, издатель его труда Рамузио, а позднее и ученые-востоковеды утверждали, что это произошло недалеко от тунисского острова Джерба, на котором удобно было остановиться, направляясь из Каира в Фес; по мнению секретаря папы римского, это случилось на сотни миль восточнее, близ Родоса. По сообщениям же венецианских наблюдателей, Бовадиллья захватил рагузский корабль «с шестьюдесятью турками» на борту¹³⁵.

Как бы то ни было, пират плыл не спеша, с остановкой в Триполи, который находился в руках христиан, так как несколькими годами раньше был захвачен испанцами. Ал-Ваззан видел там замок, который они недавно укрепили, и, возможно, был в нем заключен на какое-то время. Корабль пиратов заходил также на Родос и на другие острова. Тем временем Бовадиллья по пиратскому обыкновению допрашивал своих пленников и решал, за кого из них потребовать выкуп, а кого продать в рабство. Какой же приятный сюрприз ожидал его, когда выяснилось, кем является ал-Хасан ал-Ваззан! Должно быть, корсар сразу же оценил, какая важная птица – североафриканский посол со связями в Османской империи, ведь, в конце концов, родной брат Бовадиллья, епископ Саламанки, жил в Риме и был близок к папе¹³⁶. Слухи о захваченном дипломате наверняка дошли и до воинственных госпитальеров Родоса, которые занимались сбором разведывательной информации о «коварных врагах христианской веры» в Средиземном море, да и сами нападали на мусульманские корабли. Надо полагать, что они настаивали

¹³³ В мусульманской традиции различают «дар ал-ислам» («территория ислама») – земли, находящиеся под контролем мусульманских правителей, и «дар ал-харб» («территория войны») – земли, находящиеся под властью враждебных исламу правителей, с которыми ведется или может вестись война (*Прим. науч. ред.*).

¹³⁴ *Marino Sanuto. I Diarii. Vol. 25. P. 195; CGA. F. 25v, 231v; Ramusio. P. 47, 242; Épaulard. P. 43, 276.* Дон Педро был сыном дона Андреаса Кабрера, состоявшего на военной службе у Фердинанда и Изабеллы, и доньи Беатрис де Бовадиллья (*Dorado B. Compendio Historico de la Ciudad de Salamanca. Salamanca, 1776. P. 351*). О средиземноморских пиратах см.: *Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen. Paris, 1966. 2 vols. Vol. 2. P. 190–211; Bono S. Corsari nel Mediterraneo: Cristiani e Musulmani fra guerra, schiavitù e commercio. Milan, 1993, особенно часть 2; Idem. Schiavi musulmani nell'Italia moderna. Naples, 1999, гл. 1–2; Kaiser W. Kaufleute, Makler und Korsaren: Karrieren zwischen Marseille und Nordafrika im 16. und 17. Jahrhundert // Berliner Historische Studien. 1997. № 25. S. 11–31.*

¹³⁵ *Primo volume et Seconda edizione delle Navigazioni et Viaggi... nella quale si contengono La Descrittione dell'Africa / A cura di G. B. Ramusio. Venice, 1554. F. *iii r; Ramusio. P. 6; Johann Albrecht Widmanstadt. Liber Sacrosancti Evangelii de Iesu Christo Domino et Deo nostro... characteribus et lingua Syra. Vienna, 1562. F. a***4a–b (датировано июнем 1555 года): «propè Lotophagiten insulam à classe nostra cum caeteris vectoribus caperetur».* Гомеров Остров лотофагов был идентифицирован как Джерба учеными XVI века, и это название дается Джербе на картах Африки в изданиях «Географии» Птолемея. Например, в *Liber Geographiae. Venice, 1511*, на листе 2 описания Африки остров Джерба обозначен как «lothophagitis insula». Как мы увидим, Видманштадт имел контакты с тремя людьми, близкими ал-Хасану ал-Ваззану в его годы в Италии. Сообщение о захвате Родоса исходит от секретаря папы, Бьяджо де Мартинелли, присутствовавшего при крещении ал-Ваззана в 1520 году (*Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner. S. 457*). См. также: *Marino Sanuto. I Diarii. Vol. 25. P. 571–572.* Раухенбергер считает, что пленение произошло вблизи Крита (S. 65), хотя в этой истории остается много загадочного.

¹³⁶ Франсиско де Кабрера-и-Бовадиллья был епископом Саламанки в 1511–1529 годах, но находился в Риме по делам диоцеза и церковным делам большую часть периода своего пребывания в этой должности (*Dorado B. Compendio Historico. P. 351–374; Estatutos de la Universidad de Salamanca, 1529 / Ed. J. L. Fuertes Herreros. Salamanca, 1984. P. 48–49*).

бы на использовании такого пленника с максимальной выгодой. Бовадилля решил подарить ал-Ваззана вместе с документами из его походных сумок папе Льву X в виде «благочестивого подношения», как выразился один наблюдатель, что принесло корсару отпущение грехов за некоторые из его противозаконных деяний. Несколько других похищенных мусульман достались в дар влиятельным кардиналам¹³⁷.

К концу октября 1518 года о пленении мусульманского дипломата заговорили в Риме, хотя и не всегда правильно понимая, какому султану он служил. (Возможно, сам ал-Ваззан способствовал этой путанице.) Один французский священнослужитель в Риме писал, что захвачен «турецкий посол, направленный Великим турком к королю Туниса». Венецианский посланник в Риме сообщил домой об «ораторе [этим словом в Италии обычно называли посла] короля Тлемсена», который, отвечая на вопрос папы римского, сказал, что ездил ко двору турецкого султана, «праздновавшего свою победу в Сирии и Египте». В конце ноября в этом деле разобрался библиотекарь Ватикана – он записал, что выдал рукопись «*assem facchi, oratoris regis fezze*», то есть «Хасану факиху, человеку мусульманской учености, оратору короля Феса, заключенному в замке Святого Ангела»¹³⁸.

Древний замок Святого Ангела веками являлся твердыней Ватикана; его стены и башни недавно были укреплены, а подземелья издавна служили узилищем для различных врагов папства и веры. Ал-Ваззан, наверно, содрогнулся, услышав об ужасной яме, называемой Самма-рако или Саммало, в которую спускали и оставляли там самых злосчастных узников, и о сырых камерах без света, глубоко под землей. Всего с год назад в одной из таких камер чахнул Фра Бонавентура, который предрекал смерть Льва X и вторжение турок в Италию, объявил себя «Ангельским папой» и «спасителем мира» и провозгласил короля Франции орудием Господним, призванным обратить турок в христианство¹³⁹.

До ал-Ваззана, возможно, дошли слухи о пророчествах Бонавентуры, а также о пяти кардиналах, обвиненных в 1517 году в заговоре с целью отравления папы римского. Двое из них и их сообщники были заключены под стражу и подвергнуты суду и пыткам в замке Святого Ангела; головы казненных все еще торчали на замковой стене. Предполагаемого главу заговорщиков, кардинала Петруччи, согласно приказу, задушил прямо в камере шелковым шнурком чернокожий раб-мусульманин – «гигант громадной силы», ведь смерть при народе от рук палача-христианина считалась слишком позорной для князя церкви¹⁴⁰.

В замке Святого Ангела находились также роскошные апартаменты, часовни и сокровищницы, предназначенные для папы римского. Лев X иногда обедал и проводил там время, особенно в жаркие летние месяцы, когда он предпочитал замок Ватиканскому дворцу. Из его окон папа римский наблюдал за пышными процессиями; в покоях замка он предлагал вниманию гостей музыкальные спектакли на сцене, спроектированной Рафаэлем; в осушенном рву

¹³⁷ CGA. F. 343r, 432v; Ramusio. P. 340, 429; Épaulard. P. 406, 538; *Marino Sanuto. I Diarii*. Vol. 25. P. 571; Vol. 26. P. 195; Vol. 28. P. 178; *Johann Albrecht Widmanstadt. Liber Sacrosancti*. F. a***4a; *Fontenay M. Les missions des galères de Malte, 1530–1798 // Guerre et commerce en Méditerranée / Sous la dir. de M. Vergé-Franceschi*. Paris, 1991. P. 103–122.

¹³⁸ *Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner*. S. 60 n. 268; *Le journal d'un habitant français de Rome au XVIe siècle / Sous la dir. de L. Madelin // Mélanges d'archéologie et d'histoire*. 1902. Vol. 22. P. 255–256; *Marino Sanuto. I Diarii*. Vol. 25. P. 195. В январе 1520 года папский секретарь Мартинелли ошибочно назвал его «оратором короля Сирии» (Vat. Lat. 12276, из заметок в документах Анджели Кодатци. *Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner*. S. 457); Vat. Lat. 3966. F. 119, цит. по: *Levi Della Vida G. Ricerche sulla formazione*. P. 101.

¹³⁹ *D'Onofrio C. Castel S. Angelo*. Rome, 1971. P. 206–209; *Cellini B. La vita / A cura di L. Bellotto*. Parma, 1996. P. 431–432, 431, n. 22; Idem. *Autobiography / Transl. by G. Bull*. London, 1998. P. 218–219; *Niccoli O. High and Low Prophetic Culture in Rome at the Beginning of the Sixteenth Century // Prophetic Rome in the High Renaissance / Ed. by M. Reeves*. Oxford, 1992. P. 207–210; *Bedini S. A. The Pope's Elephant*. P. 138–142.

¹⁴⁰ *Paolo Giovio. Le Vite di Leon Decimo et d'Adriano Sesto Sommi Pontefici / Trad. di Lodovico Domenichi*. Venice, 1557. F. 83r–86v; *Winspeare F. La congiura dei cardinali contro Leone X*. Florence, 1957. P. 114, 156–158; *Rowland I. The Culture of the High Renaissance. Ancients and Moderns in Sixteenth-Century Rome*. Cambridge, 1998. P. 240; *Gattoni M. Leone X e la Geo-Politica dello Stato Pontificio (1513–1521)*. Vatican, 2000, гл. 6 (со слов свидетеля убийства: «entrò lo schiavo nero nella camera che era... un gigante di aspetto tremendo e di una forza incredibile», P. 204, n. 66).

и под зубчатыми стенами он устраивал игры, скачки и турниры, в том числе во время карнавала перед Великим Постом 1519 года, состоялся турнир по метанию апельсинов¹⁴¹. Ал-Ваззан, сидя в заключении, не мог наблюдать всего этого, но до него вполне могли доходить слухи о подобных увеселениях.

Так или иначе, его не держали ни в яме Саммарако, ни в камере без окон. Бывший дипломат, возможно, имел некоторую свободу передвижения, такую же, какой впоследствии недолго пользовался ювелир Бенвенуто Челлини во время своего заключения в замке Святого Ангела: «Кастелян позволил мне свободно ходить здесь», – писал Челлини, который мог беседовать с охранниками и с другими узниками и даже устроил себе мастерскую¹⁴². С ал-Ваззаном общались настолько хорошо, что через месяц после того как он в 1518 году очутился в тюрьме, ему позволили брать рукописи на арабском языке из библиотеки Ватикана. Ватиканское собрание арабских рукописей, возникшее как результат религиозных и научных интересов папы Николая V в середине XV века, а теперь покровительствуемое Львом X, не было обширным, но в нем хватало рукописей, чтобы ал-Ваззану было чем заняться. В ноябре ему досталось житие сирийского аскета-отшельника, святого Симеона Столпника; в декабре – житие святого Пахомия, египтянина, почитавшего бога Сераписа, а позднее ставшего основателем восточного монашества; рукопись о Святой Троице и других доктринах христианства; опровержение возражений евреев против христианского учения. К весне 1519 года он прочитал о вере восточных христиан (маронитов, яковитов и несториан), о заблуждениях евреев и мусульман, а также сочинение «Намерения философов» («Макасид ал-фаласифа»). Это была ранняя работа великого философа-богослова ал-Газали, посвященная арабскому неоплатонизму. Известная христианским ученым с XII века в сокращенной латинской версии, в Ватикане она была представлена полным текстом, происходящим из Египта, и являлась одной из немногих в папской библиотеке рукописных книг по исламу на арабском языке. Лев X, очевидно, счел, что уже нет ничего страшного в том, чтобы факих читал труды себе подобных¹⁴³.

В то же время ал-Ваззан, должно быть, совершенствовал те познания в итальянском и латыни, которыми располагал изначально, в разговорах со своими тюремщиками, с солдатами в замке и с другими заключенными (так, известно, что одного обанкротившегося римского финансиста упустили в камеру вскоре после прибытия в замок самого ал-Ваззана)¹⁴⁴, с библиотекарем Ватикана и другими церковниками, а также с самим Львом X. Как мы видели, ал-Ваззан, по всей вероятности, с детства владел каким-то из говоров испанского языка, хотя писал на нем, скорее всего, арабскими буквами (*альхамьядо*), а не латиницей. Вполне возможно, что он немного знал португальский, которому научился у султана Мухаммада ал-Буртукали, а может быть, набрался и немного итальянского в беседах с генуэзцами и с другими купцами из Италии в Фесе и Тунисе. Еще вероятнее, что от этих людей, а также от итальянских дипломатов, которых он мог встречать в Каире, от моряков и пассажиров во время своих средиземномор-

¹⁴¹ D'Onofrio C. Castel S. Angelo. P. 213–219, 275ff; Bedini S. A. The Pope's Elephant. P. 23, 51–53, 89–90, 208.

¹⁴² Cellini B. Autobiography. P. 190–192; Idem. La vita. P. 377–381.

¹⁴³ Levi Della Vida G. Ricerche sulla formazione. P. 29, 50–61, 83, 101–103; Elenco dei manoscritti arabi islamici della Biblioteca Vaticana. Vatican, 1935. P. 36, n. 357; Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner. S. 461–463. Сочинение ал-Газали «Макасид ал-фалсафа» было переведено на латынь под названием «Logica et philosophia Algazelis Arabis» и веками подвергалось критике со стороны христианских ученых наряду с трудами других «арабских философов». В латинском переводе было опущено вступление и заключение ал-Газали, где он говорит, что изложил философию ал-Фараби и Ибн Сины (Авиценны) с намерением затем написать о несоответствиях их учений суннитскому исламу (Corbin H. Histoire de la philosophie islamique. Paris, 1986. P. 254; Watt W. M. Al-Ghazali // The Encyclopaedia of Islam. New ed. Vol. 2. P. 1040). Издание «Логики и философии» вышло в Венеции в 1506 году.

¹⁴⁴ Marino Sanuto. I Diarii. Vol. 26. P. 216–217, 244, 251, 285 (декабрь 1518 года – заключение в замок Святого Ангела обанкротившегося банкира Лоренцо ди Тасси).

ских плаваний ал-Ваззан усвоил *lingua franca*, смесь арабских и итальянских слов, на которой изъяснялись на Средиземном море и в портовых городах¹⁴⁵.

Итак, мы можем представить себе, как он совершенствует свой итальянский язык в разговорах с пожилым кастеляном – комендантом замка Святого Ангела Джулиано Торнабуони, епископом Салуццо, членом ближнего круга и земляком-флорентийцем папы Льва X. Среди прочего, Торнабуони мог рассказать про посаженных под арест кардиналов, тюремщиком которых он был годом ранее. Кроме того, собеседником ал-Ваззана мог выступать ученый доминиканец Зеноби Аччаюоли, тогдашний библиотекарь Ватикана, который иногда передавал ему рукописи через кастеляна, а иногда доставлял их сам. Это был удобный случай для ал-Ваззана, чтобы улучшить свою латынь, а для Аччаюоли, который интересовался пророческим обновлением христианства, подробно побеседовать с мусульманином. Очевидно, библиотекарь не возражал против того, что факих по-арабски надписывал свое имя на рукописях, прежде чем вернуть их в библиотеку: «Хвала Аллаху, ал-Хасан ибн Мухаммад ал-Фаси, раб Божий, прочитал эту книгу»¹⁴⁶.

Самым важным его собеседником был какое-то время Лев X. Их встречи, наверно, производили большое впечатление на ал-Ваззана и приводили его в трепет: он, некогда стоявший в присутствии султана Селима, теперь предстал перед духовным повелителем христианского мира. Вероятно, он знал, что папа был сыном богатого и могущественного Лоренцо де Медичи, и имел некоторое представление о щедром покровительстве Льва художникам, ученым и фаворитам, которое обременяло папскую казну. Мусульманский узник, вероятно, не слышал, что осенью 1518 года один из кардиналов Льва побывал на севере, в Аугсбурге, где тщетно пытался убедить некоего Мартина Лютера отказаться от еретических идей¹⁴⁷. (Действительно, в то время бунтарство Лютера все еще казалось местной проблемой немцев.)

Однако ал-Ваззан, несомненно, знал об отношении папы римского к исламу. С начала своего правления в 1513 году Лев X был приверженцем идеи крестового похода против турок и обращения всех мусульман в христианство. В январе 1514 года он служил особые мессы в честь побед короля Португалии Мануэля «над неверными в областях Африки, именуемых Марокко (Marochius)». Два месяца спустя в Рим прибыла из Португалии великолепная процессия, привезшая папе подарки и трофеи завоеваний Мануэля. Птицы и звери «из Ливии, Мавритании, Эфиопии, Аравии, Персии и Индии» двигались по улицам в сопровождении пышно убранных драгоценными камнями португальских посланцев, но настоящей наградой для зрителей, кардиналов и папы римского был белый слон из Индии с серебряной башенкой на спине, приветствующий хоботом толпу по команде двух погонщиков-мусульман, черного «мавра» и «сарацина» по имени ал-Фараб. Ал-Фараб и дальше оставался одним из зрителей слона, помещенного в здание рядом с папским дворцом и замком Святого Ангела, но в июне 1516 года слон умер, причем его кончину предсказал заключенный в тюрьму прорицатель Бонаventura. Папа римский сочинил эпитафию для его гробницы: «Под этим великим холмом лежу

¹⁴⁵ CGA. F. 128v–129r, 218v, 320v; Ramusio. P. 151, 230, 321; Épaulard. P. 171, 262, 382; Gaignard C. Maures et chrétiens. P. 193–194. О «смешении языков» в итальянских портовых городах см.: Trovato P. Storia della lingua italiana: Il primo Cinquecento. Bologna, 1994. P. 32–35, 61–64; о развитии средиземноморского *lingua franca* на основе деловых и дипломатических контактов см.: Wansbrough J. E. *Lingua Franca in the Mediterranean*. Richmond, 1996.

¹⁴⁶ Ferrajoli A. Il ruolo della corte di Leone X / A cura di V. de Caprio. Rome, 1984. P. 136, n. 3, 160–169; Levi Della Vida G. Ricerche sulla formazione. P. 100–102 (Аччаюоли заведовал Библиотекой Ватикана с сентября 1518 года до своей смерти в июне 1519 года); Jungić J. Joachimist Prophecies in Sebastiano del Piombo's Borgherini Chapel and Raphael's Transfiguration // Prophetic Rome. P. 336; Vat. Ar. 80. F. 2, Biblioteca Apostolica Vaticana. О возможности для узника замка Святого Ангела вести беседы см.: Cellini B. Autobiography. P. 190–192; Idem. La vita. P. 378–380.

¹⁴⁷ Oberman H. A. Luther: Man between God and the Devil. New Haven, 1989. P. 14–16. Главной задачей кардинала Каэтана было найти в Германии поддержку для крестового похода против турок; допрос Лютера считался делом сравнительно мало-важным.

я погребенный, могучий слон, которого король Мануэль, покорив Восток, отправил в неволю к папе Льву X»¹⁴⁸.

Узник из Феса наверняка слышал о пленном белом слоне от старожилов замка Святого Ангела, когда попал туда два года спустя. К тому времени Лев X утвердился в намерениях бороться против ислама. После известий о завоевании Египта султаном Селимом настроение в Риме было тревожным: зимой 1517/18 года, как записал папский церемониймейстер, здесь и в других местах происходили вспышки молний и иные предзнаменования, предвещавшие вторжение турок. Но папа оказался не из пугливых и заказал Рафаэлю свой портрет, на котором он изображен положившим руку на первые стихи раскрытого Евангелия от Иоанна. Он, нареченный при крещении Джованни де Медичи, последует примеру своего тезки Иоанна Крестителя и будет свидетельствовать о новой эпохе света и единения всех людей в христианской вере. Папа предпринял и более практические шаги: в марте 1518 года отрядил четырех кардиналов к королям Англии, Франции и Испании, а также к императору Священной Римской империи, чтобы склонить их к заключению пятилетнего перемирия между собой и заручиться их поддержкой крестового похода против турок (что, кстати, позволило бы отвлечь их от завоевательных походов в Италию). В том же месяце он с этой же целью объявил всеобщее шествие верующих. В течение трех дней улицы Рима заполняли миряне, священники и монахи, молившиеся о союзе между христианскими монархами и о священном походе, как выразился Лев X в своем печатном воззвании, призванном «одолесть дьявольскую ярость мусульман... против святой католической веры»¹⁴⁹.

Словом, посол Мухаммада ал-Буртукали, султана Феса, попал в руки папы в подходящий момент. Сведения разведки об османах и других мусульманских правителях постоянно поступали в Рим, а особенно в Венецию. Венецианцы, которые одновременно и сопротивлялись вторжениям османов в их средиземноморскую империю, и поддерживали торговлю с Левантом, имели «ораторов» в Каире, Стамбуле и в других городах мусульманского мира. В 1518 году один из них доносил, что Селим читает жизнеописание Александра Великого и намеревается пойти по его стопам и подчинить Африку, Азию и Европу своей власти. В том же году у турок был в Венеции свой дипломатический представитель – янычар, владеющий латынью, раб султана, а сам султан Селим от случая к случаю посылал письма венецианской Синьории. Венецианцы все еще были в это время больше заинтересованы в перемирии с турками, обеспечивающем защиту торговли, чем в крестовом походе на них, хотя открыто не выступали против проекта папы Льва X. И хотя однажды Селим направил письмо к папе римскому, в целом информация о нем и о других мусульманских правителях поступала к папе не столь прямыми путями¹⁵⁰.

Документы, лежавшие в дорожных сумках ал-Хасана ал-Ваззана, были незамедлительно переведены с арабского языка кем-то из служителей папы и, вероятно, послужили источником полезной внутренней информации, скажем, о контактах между Фесом и пиратами-правителями, братьями Барбаросса (Арудж был убит в бою примерно тогда же, когда захватили ал-

¹⁴⁸ University of Kansas. Department of Special Collections, Spencer Research Library. MS E53; *Paride Grassi*. *Diarium An. 1513 ad 1521*. Vol. 2. F. 46v–48r, 73r; *Bedini S. A.* The Pope's Elephant. P. 28–29, 46–49, 79, 86, 139–141, 145. Подробное рассмотрение политики Льва X в отношении турок и его замыслов крестового похода см.: *Setton K. M.* The Papacy and the Levant (1204–1571). 4 vols. Philadelphia, 1976–1984. Vol. 3. P. 142–197.

¹⁴⁹ *Setton K. M.* The Papacy. Vol. 3. P. 172–183; *Paride Grassi*. *Diarium*. Vol. 2. F. 217r–v, 219v–230r; *Minnich N.* Raphael's Portrait of Leo X with Cardinals Giulio de' Medici and Luigi de' Rossi: A Religious Interpretation // *Renaissance Quarterly*. 2003. Vol. 56. P. 1005–1046; Минних предполагает, что изображения обоих кардиналов, приходившихся кузенами Медичи, были дописаны на портрете, изначально изображавшем одного папу, по той причине, что Лев X рассчитывал найти в них продолжателей его миссии обновления. См.: *Antonio Pucci* [папский легат в Швейцарии]. *Sanctissimi Domini nostri Papae Leonis Decimi, una cum coetu cardinalium, Christianissimorum que regum, et principum oratorum consultationes, pro expeditionem contra Thurcum*, n. p. [Basel?], n. d. [1518]; *Leo X, Bando de le Processioni per la unione de Principi Christiani contra Turchi*. Rome, 1518.

¹⁵⁰ *Marino Sanuto*. I Diarii. Vol. 25. P. 439; Vol. 26. P. 166, 247, 458, 265–267, 476, 502; Vol. 27. P. 475; *Setton K. M.* The Papacy. Vol. 3. P. 155–157.

Хасана, и его брат Хайрадин стал его преемником), а также между Фесом и султаном Селимом в Стамбуле. Ал-Ваззана, видимо, неоднократно допрашивали о его собственной деятельности и о взглядах на правителей и политику исламского мира в целом. Что он думает, например, о пребывании посла тунисского султана в Венеции весной – в начале лета 1519 года, старавшегося, как писал султан в своем послании Синьории, «возобновить мир между вами и нами»¹⁵¹?

Ал-Ваззан наверняка задавался вопросами о том, какая судьба ждет его, если он не проявит никакой склонности к сотрудничеству: будет ли он томиться в тюрьме или попадет в рабство, как всякий простой мусульманский пленник, и станет прислуживать в доме, если повезет, или трудиться в конюшнях, работать на земле или гребцом на галерах. Какие ответы он дал себе, остается неизвестным. Мог ли он предполагать, что султан Туниса Мухаммад ибн ал-Хасан ищет союза с христианской Венецией, поскольку, как и она, в настоящее время опасается растущего могущества Хайрадина Барбароссы? Может быть, он размышлял о том, не расспрашивали ли венецианцы тунисского посла о нем самом, ведь о его заключении в замке Святого Ангела им сообщили уже несколько месяцев назад. И если спрашивали, то мог ли ал-Ваззан надеяться, что известие о его положении дойдет до султана и до его семьи в Фесе?¹⁵²

Читая о том, как Лев X в 1519 году воспринимал султана Селима, «синьора Турко», мы можем попытаться понять, какое влияние на него могла оказать информация, полученная от ал-Хасана ал-Ваззана. Заметно, что в феврале папа несколько успокоился и заверил народ, что в наступившем году не следует опасаться турецкого нападения; тревогу, скорее, вызывал вопрос о том, не вторгнется ли султан Селим в Венгрию.

Однако независимо от того, насколько важными оказались политические откровения ал-Ваззана, у него было нечто такое, что точно могло пойти на пользу папе: его душа. В апреле 1519 года некая пророчица предсказала в соборе Святого Петра, что Турок и вправду вступит в Рим и победоносно проведет своего коня, чтобы задать ему корм прямо на алтаре собора, но конь откажется есть, после чего Турок чудесным образом обратится в христианство. Такой беды не случилось, но произошла драма меньшего масштаба: крещение ал-Хасана ал-Ваззана перед тем самым алтарем, с которого не стал есть конь из пророчества¹⁵³.

Папа поручил своему церемониймейстеру Париде Грасси и двум другим епископам проэккзаменовывать ал-Хасана ибн Мухаммада ал-Ваззана и провести его катехизацию в течение тех месяцев, что он сидел в заключении. Деятельность Грасси, епископа Пезаро, была сосредоточена на публичных мероприятиях, литургиях, торжествах и интригах при папском дворе, и обо всем этом он писал в своем дневнике. Грасси, наверно, служил для ал-Ваззана отличным источником сведений о церемониальной стороне жизни церкви. Из двоих других священников, приставленных к ал-Ваззану, флорентиец Джованни Баттиста Бончани – епископ Казерты и бывший наставник Льва X – ныне руководил папским хором, а монах-августинец и папский

¹⁵¹ *Marino Sanuto. I Diarii. Vol. 26. P. 195; Vol. 27. P. 60–63, 301, 402–403, 406–407; CGA. F. 297r; Ramusio. P. 298; Épaulard. P. 349.*

¹⁵² *Epstein S. Speaking of Slavery: Color, Ethnicity and Human Bondage in Italy. Ithaca, 2001. P. 132–139; Bono S. Schiavi musulmani, гл. 4, 7; CGA. F. 327v–328r; Ramusio. P. 326–327; Épaulard. P. 388; Marino Sanuto. I Diarii. Vol. 26. P. 195.*

¹⁵³ *Marino Sanuto. I Diarii. Vol. 26. P. 458, 469, 502; Vol. 27. P. 224, 283, 541.* Кардинал Джулио де Медичи, канцлер своего кузена, папы Льва X, в конце 1518 – начале 1519 года писал письма кардиналу Эгидию да Витербо, папскому легату у короля Испании, но не упоминал в них ни об ал-Хасане ал-Ваззане, ни о сведениях, явно полученных от него (*I manoscritti torrigiani donati al R. Archivio di Stato di Firenze: Descrizione e saggio. Florence, 1878. P. 280–288, 324–325, 330–332, 340–341, 355–356, 363*).

ризничий Габриэль Фоско, архиепископ Дураццо и епископ Кастро, только что вернулся из миссии в Испанию, где собирал деньги на крестовый поход против турок¹⁵⁴.

Ал-Хасан ал-Ваззан представился этим господам выдающимся эрудитом. «Он поистине учен, – записал Грасси в своем дневнике, – ибо на своем языке он, как говорят, является самым сведущим в философии и медицине, по каковой причине многие философы и врачи приезжали, чтобы провести с ним диспут. И, к всеобщей похвале, он исправлял рукописи на арабском языке, многие места в которых были ложно, глупо или плохо истолкованы»¹⁵⁵. Все свидетельства, которыми мы располагаем, – от ал-Хасана ал-Ваззана или о нем, говорят, что он заслуживал звания факиха, то есть исламского богослова-законоведа, которым уместно наделил его папский библиотекарь, и что он к тому же был любителем поэзии. Однако его достижения в философии и медицине кажутся преувеличенными. Но в Риме в те годы он был единственным в своем роде, и никто не мог его разоблачить.

Катехизаторы ал-Ваззана, несомненно, знали, что он читал христианские рукописи на арабском языке из библиотеки Ватикана, в том числе на такие сложные темы, как догмат Святой Троицы. Дискуссии с ал-Ваззаном охватывали широкий круг вопросов, включая сравнение исламского шариата и канонического права. Какой эффект имели такие разговоры? Решение ал-Ваззана в конце концов объявить, что он верит в догматы христианской веры, было отчасти вынужденным: в противном случае его ожидало дальнейшее тюремное заключение или обращение в рабство. Однако это решение определяли и более сложные размышления, чувства и интересы, которые мы обсудим в последующих главах, когда будем рассматривать его личность, убеждения и поведение как мусульманина.

В праздник Богоявления, 6 января 1520 года, Лев X при сослужении Грасси крестил ал-Хасана ибн Мухаммада ибн Ахмада ал-Ваззана на пышной церемонии в соборе Святого Петра – пока еще не в том реконструированном и великолепном здании, каким оно станет позже в этом столетии, но озаренном красивыми свечами в серебряных канделябрах¹⁵⁶. Ал-Ваззан, наверно, сравнивал это с церемонией, проводившейся, когда влиятельный христианин добровольно переходил в ислам – «покорялся» или «сдавался» Аллаху, если использовать предпочтительную арабскую формулировку. В этом случае новообращенного облачали в североафриканскую или «турецкую» одежду и тюрбан и торжественно везли верхом на коне по улицам к гробнице святого, где он, подняв вверх указательный палец правой руки, трижды произносил перед свидетелями исповедание веры (*шахаду*): «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, а Мухаммад – посланник Аллаха». Затем следовал пир, после которого совершали обрезание, и новообращенный обычно принимал мусульманское имя¹⁵⁷.

На церемонии крещения ал-Хасана ал-Ваззана присутствовали кастелян замка Святого Ангела, которому теперь предстояло увидеть, как его узник выйдет на свободу, и три крестных отца, выбранных папой за причастность к борьбе против ислама. Одним из них был испанец Бернардино Лопес де Карвахаль, кардинал Санта-Кроче, латинский патриарх Иерусалима и

¹⁵⁴ *Paride Grassi. Diarium. Vol. 2. F. 309v; Series episcoporum ecclesiae catholicae / Hrsg. P. B. Gams. Leipzig, 1931. S. 407, 716, 870; Ferrajoli A. Il ruolo della corte. P. 9, 39–42, 107–110; Marino Sanuto. I Diarii. Vol. 27. P. 365–367; Bedini S. A. The Pope's Elephant. P. 8–9, 46, 68, 75; Rowland I. The Culture of the High Renaissance. P. 243.* Паухенбергер транскрибирует запись Грасси в экземпляре *Diarium* из Библиотеки Ватикана (Vat. Lat. 5636) таким образом: «sic sacrista palatinus ep(iscopus) casertanus et ego», а далее отождествляет «дворцового ризничего» с епископом Казерты (F. 73, 455–56). Однако в рукописи Грасси (MS E53) в Отделе особых коллекций Научной библиотеки Спенсера Канзасского университета явственно читается «sic sacrista palatinus et (курсив мой. — Н. З. Д.) ep(iscopus) Casertanus et ego». Во всяком случае, Джованни Батиста Бончани, епископ Казерты, не был папским или дворцовым ризничим.

¹⁵⁵ *Paride Grassi. Diarium. Vol. 2. F. 309v.*

¹⁵⁶ *Paride Grassi. Diarium. Vol. 2. F. 310r–v.*

¹⁵⁷ *Glassé C. The Concise Encyclopaedia of Islam. P. 88; The Oxford Encyclopedia of the Modern Islamic World / Ed. by J. L. Esposito. 4 vols. New York; Oxford, 1995. Vol. 1. P. 318–321; Bennassar B., Bennassar L. Les Chrétiens d'Allah: L'histoire extraordinaire des renégats, XVIe–XVIIe siècles. Paris, 1987. P. 314–318, 325–328, 339; Penelas M. Some Remarks on Conversion to Islam in al-Andalus // Al-Qantara. 2002. Vol. 23. P. 194–198.*

давний сторонник церковной реформы. (В 1511 году он выступал вдохновителем созыва раскольнического реформаторского собора против папы Юлия II, за что разгневанный папа лишил его кардинальского сана, а Лев X впоследствии в нем восстановил.) Уже в 1508 году Карвахаль проповедовал, что близка гибель ислама во всей его ложности и греховности. Началом было отвоевание Гранады, а пророческие знамения сулили обращение мусульман и окончательное торжество церкви. Во время пленения ал-Ваззана его будущий крестный отец входил в состав папской комиссии по вопросам о путях объединения христиан против турок¹⁵⁸.

В эту же папскую комиссию входил и второй из крестных отцов ал-Ваззана, Лоренцо Пуччи, кардинал Санти Кватро. Будучи великим пенитенциарием Льва X, Пуччи распоряжался доходами от продажи папских индульгенций и приобрел репутацию нечестного и вороватого человека. Он был из тех церковников, поступки которых подливали масла в огонь нападок Мартина Лютера на богословское обоснование индульгенций («Папские индульгенции не снимают вины», – настаивал немецкий монах в 1517 году), но и добрых католиков они тоже могли возмущать. В сатирическом стихотворении от лица покойного слона Льва X тот завещал свои челюсти «преподобнейшему кардиналу ди Санти Кватро, чтобы он мог проглотить все деньги всего христианского мира». Тем не менее папа питал симпатию к Пуччи – земляку-флорентийцу и способному каноническому юристу. Среди других обязанностей, связанных с реформами, предложенными Пятым Латеранским собором (1512–1517), он возложил на Пуччи надзор за евреями и марранами, которые притворялись истинными новообращенными христианами¹⁵⁹. Надо полагать, папа думал, что Пуччи присмотрит и за обращенным в христианство мусульманином.

Из всех крестных отцов ал-Ваззана самую важную роль в его будущем сыграл кардинал Эгидио да Витербо. Давний генерал Августинского ордена, а с 1517 года кардинал Санто-Бартоломео-ин-Изола, Эгидио был знаменитым оратором, выступавшим перед папой, церковным советом, королем, императором и Синьорией. Он проповедовал новый золотой век, о чем шла речь в его сочинении «История двадцати столетий» («*Historia XX Saeculorum*»), рукопись которого он завершил в 1518 году и посвятил Льву X. Автор предвидел возрождение гуманитарных наук, углубление исследований Библии и объединение мира в христианстве под властью папы римского – турки будут сокрушены, а евреи, мусульмане и индейцы Нового Света обращены в истинную веру. Он провел 1518–1519 годы в Испании в качестве папского легата, побуждая короля Карла Габсбурга к войне с турками¹⁶⁰.

Таким образом, все те, кто окружал ал-Хасана ибн Мухаммеда у купели при крещении, страстно желали уничтожить религию, в которой он родился. Ему дали новое имя Иоаннес Лео в честь папы римского, который окропил его водой, так что отныне эти двое были связаны духовным родством, которое каноническое право устанавливает между священником, проводящим обряд крещения, и его крестником. Бывшему мусульманину нужна была также фамилия, и, судя по записи Грасси, папа дал ему фамилию своего собственного рода: «де Медичи». Это ни в коем случае не являлось юридическим усыновлением: официальное усыновление

¹⁵⁸ Minnich N. H. The Role of Prophecy in the Career of the Enigmatic Bernardino López de Carvajal // *Prophetic Rome*. P. 111–120; Jungić J. Joachimist Prophecies. P. 323–326; Minnich N. The Catholic Reformation: Council, Churchmen, Controversies. Aldershot, 1993. Vol. 2. P. 364–365; Bernardino López de Carvajal. La Conquista de Baza / Trad. C. de Miguel Mora. Granada, 1995, особенно: P. 120–121; Marino Sanuto. I Diarii. Vol. 25. P. 76.

¹⁵⁹ Marino Sanuto. I Diarii. Vol. 25. P. 76; Gulik G. van, Eubel C. Hierarchia catholica medii aevi. Regensburg, 1913–1958. 6 vols. Vol. 3. P. 13; Bullard M. M. Filippo Strozzi and the Medici: Favor and Finance in Sixteenth-Century Florence and Rome. Cambridge, 1980. P. 103, 108, n. 61, 116; Bedini S. A. The Pope's Elephant. P. 159; Minnich N. The Catholic Reformation. Vol. 1. P. 454; Vol. 4. P. 134–136; Bainton R. Here I Stand: A Life of Martin Luther. New York, 1959. P. 61.

¹⁶⁰ Об Эгидио да Витербо см.: Signorelli G. Il Card. Egidio da Viterbo: Agostiniano, umanista e riformatore, 1464–1532. Florence, 1924; O'Malley J. W. Giles of Viterbo on Church and Reform: A Study in Renaissance Thought. Leiden, 1968; Egidio da Viterbo, O. S. A. e il suo tempo (Atti del V convegno dell'Istituto Storico Agostiniano, Roma-Viterbo, 20–23 ottobre 1982). Roma, 1983; Reeves M. Cardinal Egidio of Viterbo: A Prophetic Interpretation of History // *Prophetic Rome*. P. 91–109; Martin F. X. Friar, Reformer, and Renaissance Scholar: Life and Work of Giles of Viterbo, 1469–1532. Villanova, 1992.

было практически неизвестно среди флорентийских семей за последние три столетия. Скорее, это напоминало принятую как во Флоренции, так и в Венеции практику пожалования обращенным мусульманским рабам фамилии хозяина, который выступал в роли крестного отца при их крещении. Ал-Ваззан был пленником, а не рабом, но фамилия Медичи связала его с великим семейством в зависимом статусе, так же как ливрея, которую носили лакеи и слуги.

Интересно, что в дальнейшем наш новообращенный никогда не использовал «де Медичи» в качестве фамилии, упоминая о себе, а однажды назвал себя просто «servus Medecis [он неправильно написал имя!]", то есть «слуга Медичи». Никто другой тоже не называл его этим именем. Для своих современников-христиан он теперь был просто Иоаннес Лео, Джованни Леоне, из Африки¹⁶¹. Что касается меня, то я буду чаще называть его именем, которое он сам дал себе на арабском языке после обращения в христианство: Йуханна ал-Асад – Иоанн Лев. В нем сосредоточено сложное переплетение ценностей, взглядов и масок в его итальянской жизни в ближайшие семь лет¹⁶².

После крещения Йуханна ал-Асад смог свободно покинуть замок Святого Ангела. Перейдя через Тибр и прогуливаясь по его берегам, он, наверно, сравнивал Рим с другими городами, которые он видел, и особенно с Фесом, так хорошо ему знакомым. Рим по численности населения был почти вполнину меньше Феса, но здесь находился центр соблюдавшей celibat европейской религиозной организации, привлекавшей в Ватикан мужчин из многих стран, так что на римских улицах, площадях, во дворах Йуханна ал-Асад мог слышать множество языков, помимо латыни и итальянского. Он должен был заметить, как далеко находится Ватикан от Капитолийского холма, где размещались в древности учреждения общественного органа власти, Сената римского народа, в отличие от скопления правительственных и дворцовых построек в одной части города в султанском Новом Фесе. Он, конечно, увидел бы памятники, датируемые веками, ушедшими задолго до основания Феса, правда, в плачевном состоянии; из Колизея тачками вывозили камень. В Фесе Ваттасиды, похоже, не начинали больших строительных проектов и не возводили новых мечетей в дополнение к прекрасным постройкам прошлого, а главной градостроительной задачей здесь было найти место для расселения мусульманских и еврейских беженцев из Испании. В ренессансном Риме Йуханна ал-Асад мог наблюдать признаки того процесса, который должен был через несколько десятилетий превратить город в один из великолепнейших в Европе. Юлий II и Лев X проложили новые улицы, в том числе Виа Леонина, проходящую недалеко от монастыря Эгидио да Витербо. Проектировались новые дворцы. Но процесс шел неравномерно: реконструкция собора Святого Петра, к которой приложил руку Рафаэль, в 1520-х годах замедлилась, и волки все еще рыскали по ночам у самых стен Ватикана¹⁶³.

¹⁶¹ *Paride Grassi. Diarium. Vol. 2 F. 310v: «Jo. Leo de Medicis»*. Официальный дневник Бьяджо де Мартинелли также подсказывает, что именование «де Медичис» носило неформальный характер: Папа «eum... imposuit nomen Joannes et inde inita missa me instante donavit illi coognomen de domo sua de Medicis» (Vat. Lat. 12276, цит. по документам А. Кодаци: *Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner. S. 456–457*); Biblioteca Estense Universitaria (Modena). MS Orientale 16-alfa.J.6.3. The Epistles of Saint Paul in Arabic. F. 1r-v; *Benedicti J. La Somme des Pechez. Paris, 1595, bk. 4, gl. 6, 464–465* – о формах духовного родства, заключаемого между людьми при таинстве крещения; *Klapisch-Zuber Ch. L'adoption impossible dans l'Italie de la fin du Moyen-Âge // Adoption et fosterage / Sous la dir. de M. Corbier. Paris, 1999. P. 321–337; Kuehn Th. L'adoption à Florence à la fin du Moyen-Âge // Médiévales. 1998. № 35. Autumn. P. 69–81; Bono S. Schiavi musulmani. P. 287; Christiane Klapisch-Zuber, письмо к автору от 5 марта 2003 года; Раухенбергер говорит о Джованни Леоне как об «усыновленном» папой Львом и называет папу его «приемным отцом», а Джованни Леоне «приемным сыном» папы (*Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner. S. 74, 88, 90*). Однако этот текст был написан им раньше, чем ему довелось познакомиться с вышеприведенными недавними исследованиями о законном усыновлении и о неформальном принятии на воспитание во флорентийских семьях.*

¹⁶² Biblioteca Estense Universitaria (Modena). MS Orientale 16-alfa.J.6.3. The Epistles of Saint Paul in Arabic. F. 68; Real Biblioteca del Escorial. Manuscritos árabes. MS 598. Al-Hasan al-Wazzan, Jacob Mantino, et al. Arabic-Hebrew-Latin, Spanish dictionary. F. 117b; Biblioteca Apostolica Vaticana. Vat. Ar. 357. F. 1a.

¹⁶³ *Delumeau J. Rome au XVIe siècle. Paris, 1975. P. 60–81; Partner P. Renaissance Rome. 1500–1559. Berkeley; Los Angeles, 1976, gl. 6.*

Лев X собирался предоставить новоявленному Джованни Леоне какую-нибудь должность или источник дохода, по крайней мере это услышал венецианский посол в Риме после церемонии крещения¹⁶⁴. Но трудно представить себе Йуханну ал-Асада на посту секретаря или писаря в папском доме или в римской курии, где умение писать латиницей и владение европейскими языками были необходимым условием. Скорее, именно его знание арабского языка и рукописей, а также менталитета исламского мира представляли ценность для папы – а также для кардиналов и аристократов. Как следствие, он, вероятно, переводил документы с арабского языка для папской канцелярии, руководимой кардиналом Джулио де Медичи, и для других секретарей папы¹⁶⁵. Возможно, он какое-то время служил советником библиотекаря Ватикана, должность которого ныне занимал ренессансный гуманист Джироламо Алеандро. Алеандро знал древнееврейский и древнегреческий языки и с помощью одного ученого из Греции не замедлил приступить к составлению каталога греческих рукописей в собрании Ватикана. Кроме того, у него появился интерес к арабскому языку. Перед тем как летом 1520 года отбыть с папской миссией, направленной против Лютера, Алеандро мог предложить Джованни Леоне проконсультировать двух подчиненных ему хранителей по поводу арабских рукописных книг: они были лишь частично учтены в описи 1511–1512 годов, а в 1518–1519 годах их просто свалили в одну кучу, внося в глухой перечень «книг на разных языках»¹⁶⁶.

Сам Лев X был глубоко заинтересован в использовании восточных языков для распространения латинского христианства среди восточных церквей и обеспечения их союза с Западом, а также для привлечения мусульман к христианству. Уже в 1514 году он спонсировал публикацию католического требника на арабском языке, который считается первой книгой, напечатанной в Европе полностью по-арабски. В 1516 году генуэзский монах-доминиканец Агостино Джустиниани посвятил ему издание Псалтыри с параллельными текстами на латыни, греческом, иврите, арамейском и арабском языках. Миссионерский посыл этого издания охватывал как Запад, так и Восток: к стиху из Псалма 19¹⁶⁷ – «по всей земле проходит звук их и до пределов вселенной слова их» – Джустиниани присовокупил примечание с рассказом о жизни Христофора Колумба, «избранного Богом, чтобы исполнить это пророчество» и добавить еще один мир к сфере христианства. Если бы Лев X своим «высочайшим авторитетом» одобрил это, Джустиниани был готов разработать многоязычное издание всей Библии¹⁶⁸.

¹⁶⁴ Marino Sanuto. I Diarii. Vol. 28. P. 178.

¹⁶⁵ О должностях при римском дворе см.: Ferrajoli A. Il ruolo della corte; D'Amico J. F. Renaissance Humanism in Papal Rome: Humanists and Churchmen on the Eve of the Reformation. Baltimore; London, 1983, гл. 2; Partner P. The Pope's Men: The Papal Civil Service in the Renaissance. Oxford, 1990.

¹⁶⁶ Джироламо Алеандро стал секретарем Джулио де Медичи в 1517 году и находился в контакте с людьми, которым был знаком Джованни Леоне, в том числе с Эгидио да Витербо. Библиотекарем Ватикана Алеандро был назначен в июле 1519 года, сразу после смерти Зеноби Аччаюоли, и успел подготовить каталог греческих книг к декабрю 1521 года (Pasquier J. Jérôme Aléandre de sa naissance à la fin de son séjour à Brindes. Paris, 1900. P. 113–124; Odier J. B. La Bibliothèque Vaticane de Sixte IV à Pie XI. Vatican, 1973. P. 29–30, 42, n. 98; Balagna Coustou J. Arabe et humanisme dans la France des derniers Valois. Paris, 1989. P. 21–24). О каталоге 1511–1512 годов, составленном Фабио Виджиле, а также о перечне 1518–1519 годов, составленном хранителем Лоренцо Парменио, см.: Levi Della Vida G. Ricerche sulla formazione. P. 34–47, 111–112. Леви делла Вида указывает, что до середины XVI столетия каждый инвентарный список основывался на осмотре самих книг, а не на предыдущих каталогах, и подчеркивает трудности, возникавшие перед ватиканскими библиотекарями и хранителями, не читавшими на языках описываемых ими рукописных книг. Парменио, оказавшийся столь беспомощным, имея дело с арабскими рукописями, наверняка был бы рад содействию со стороны новообращенного Йуханны ал-Асада. Однако Парменио умер около 1522 года, не пополнив инвентарь новыми описаниями согласно формуляру, а вскоре на его место и на место его сотоварища-хранителя Ромоло Маммачини, он же Бернардо, поставили других сотрудников (Odier J. B. La Bibliothèque Vaticane. P. 112; Vatican, Archivio Segreto Vaticano. Camera Apostolica, Introitus et Exitus, no. 559. F. 214v; no. 560. F. 226r; no. 561, F. 153v, 158r, 174v, 180r, 197v).

¹⁶⁷ В переводах на церковно-славянский и русский языки это псалом 18 (Прим. пер.).

¹⁶⁸ Hamilton A. Eastern Churches and Western Scholarship // Rome Reborn: The Vatican Library and Renaissance Culture / Ed. by A. Grafton. Washington; New Haven; Vatican, 1993. P. 233–240. В г. Фано был напечатан Бревиарий 1514 года на арабском языке: Psalterium Hebraeum, Graecum, Arabicum, Chaldeum cum tribus latinis interpretationibus et glossis / A cura di Agostino Giustiniani. Genoa, 1516. F. 2r, 25r–27r; Roper G. Early Arabic Printing in Europe // Middle Eastern Languages and the Print Revolution. A Cross-Cultural Encounter / Ed. by E. Hanebutt-Benz, D. Glass, G. Roper, T. Smets. Westhofen, 2002. P. 131–132.

Разговоры об этих изданиях вполне могли происходить между папой римским и его факихом из Феса. Любитель тосканской поэзии, Лев мог бы беседовать и о стихах со своим тезкой, который всегда был настроен, как подобало арабскому литератору, вплести поэзию в свою повседневную прозу. Возможно также, что Лев напомнил Йуханне ал-Асаду еще об одном, более раннем, мусульманском госте-пленнике Папского престола: османский принц Джем, который в 1481 году проиграл своему старшему брату Баязиду¹⁶⁹ борьбу за трон турецкого султана, провел несколько лет в почетном заключении во Франции, а в 1489 году был перевезен в Рим и принят папой Иннокентием VIII. В отличие от простого дипломата ал-Ваззана, принц Джем въехал в город на великолепном коне, подаренном папой, в процессии римских сановников и на шесть лет своего плена был помещен в прекрасные папские покои. Сам Лев видел его в Риме в 1492 году, когда он, юный Джованни де Медичи, прибыл в город в качестве только что назначенного кардинала. Как он наверняка помнил, этот «мусульманин с гордой душой» отказался перейти в христианство, так что Лев, наверно, поздравил Йуханну ал-Асада с тем, что он оказался мудрее¹⁷⁰.

Летом 1521 года Лев X, возможно, также обращался к Джованни Леоне за информацией об Эфиопии. От короля Португалии Мануэля пришло письмо с триумфальной вестью, что португальские военачальники нашли в Эфиопии христианское королевство таинственного пресвитера Иоанна, которое европейцы веками искали на Востоке. Мануэль заключил соглашение с правителем королевства, который был готов подчинить свой народ римской церкви и, как предрекали некоторые средневековые сказания, содействовать ей в сокрушении неверных мусульман. Папа Лев отслужил мессу по этому случаю и приказал обнародовать письмо Мануэля, но его кардиналы выражали сомнения по поводу всего этого предприятия. Йуханна ал-Асад тоже должен был питать подобные сомнения, если судить по тому, что он написал несколько лет спустя. Да, в регионе, который европейцы называют «Эфиопией», существует христианское королевство, хотя он там и не бывал. Да, им правит «патриарх», то есть человек, обладающий как религиозной, так и политической властью, но именно европейцы ранее дали ему имя «пресвитер Иоанн». И, продолжал он добросовестно, над значительной частью территории, известной европейцам как Эфиопия, властвует мусульманский правитель¹⁷¹.

Кроме подобных бесед, папа вполне мог привлекать крещеного мусульманина в роли декоративного дополнения к кругу поэтов, прелатов и шутов на многочисленных придворных празднествах. Там для папы римского играл мелодии на лютне другой новообращенный, еврей-ашкенази из Флоренции, крещенный под именем Джован Мария; он был любимым слугой Льва X и тоже получил фамилию «де Медичис»¹⁷².

В декабре 1521 года Лев X скорострительно скончался. Йуханна ал-Асад, возможно, ожидал, что его призовет к себе крестный отец, Бернардино де Карвахаль. По воле Карвахалья христианин-маронит Элиас бар Абрахам переписывал для него Евангелия на сирийском языке, а параллельно и латинскую Вульгату¹⁷³. Так не мог ли Карвахаль поручить своему крестнику

¹⁶⁹ Османский султан Баязид II (1481–1512) (*Прим. науч. ред.*).

¹⁷⁰ Sultan Djem. Un prince ottoman dans l'Europe du XVe siècle d'après deux sources contemporaines: «Vaki'at-I Sultan Cem», «Oeuvres» de Guillaume Caoursin / Sous la dir. de N. Vatin. Ankara, 1997. P. 50, 55–56, 196–210, 342–346, 343, n. 69.

¹⁷¹ Manuel I. Epistola invictissimi Regis Portugalliae ad Leonem X. P. M. super foedere inito cum Presbytero Joanne Aethiopiae Rege. N. p. [Strasbourg], n. d. [1521]; *Paride Grassi*. Diarium. Vol. 1. 340r–341r; CGA. F. 3r; Ramusio. P. 21; Épaulard. P. 6; Silverberg R. The Realm of Prester John. Athens, 1972. P. 210–264.

¹⁷² Bedini S. A. The Pope's Elephant. P. 89–90; Slim H. C. Gian and Gian Maria, Some Fifteenth- and Sixteenth-Century Namesakes // Musical Quarterly. 1971. Vol. 57 (4). P. 562–574; Vogelstein H., Rieger P. Geschichte der Juden in Rom. 2 bde. Berlin, 1895. Bd. 2. S. 119–120; Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner. S. 102–107.

¹⁷³ BNF. MS Syriac 44. Liber quatuor Evangelistarum Caldaice Scriptus Anno incar. 1521 – сирийский и латинский текст в параллельных колонках. Колофон, датированный маем 1521 года, стихотворное посвящение и молитвы Элиаса бар Абрахама в честь Бернардино де Карвахалья, патриарха Палестинского, кардинала Санта Кроче, в параллельных колонках на сирийском, латинском и арабском языках (F. 178r–186v). В 1517 году Элиас переписал для Карвахалья Псалтырь на сирийском языке и на латыни (*Levi Della Vida G. Ricerche sulla formazione*. P. 134, n. 2).

Джованни Леоне проделать аналогичную благочестивую работу на арабском языке? Испанский кардинал, как всегда, был предан делу уничтожения ислама: летом 1521 года, в поздравительном письме недавно избранному императору Карлу V по случаю осуждения на Вормсском сейме еретика, монаха-августинца Мартина Лютера, он высказал просьбу заняться более важной задачей – положить конец турецкой угрозе. Карвахаль отчаянно пытался добиться своего избрания папой римским, чтобы осуществить обновление церкви и мира, но проиграл Адриану Утрехтскому. Он умер в 1523 году, и ни одно из его пророчеств не исполнилось¹⁷⁴.

Мы можем с полной уверенностью установить, что кроме папы римского Йуханна ал-Асад состоял на службе у двух других важных особ, своим владением арабским языком способствуя достижению их религиозных и научных целей. Одним из них был Альберто Пио, князь Карпи, дипломат, как некогда сам ал-Ваззан, хотя и более крупного масштаба. Отслужив срок в качестве посла Мантуи и посла французского короля Людовика XII, Пио стал представителем императора Максимилиана при папском дворе. Со смертью Максимилиана в 1519 году и избранием его сына Карла императором Альберто Пио снова переменял позицию и перешел на должность посла Франциска I, нового короля Франции и соперника императора Карла, при папе римском. Если бы когда-нибудь Йуханне ал-Асаду захотелось убедиться, что христианская и европейская политика отмечены теми же перестановками сил и сменами лояльностей, которые он наблюдал в политике мусульманского мира, в Северной Африке и Леванте, он не мог бы найти лучшего примера, чем карьера и дипломатические посты князя Карпи¹⁷⁵.

Альберто Пио, кроме того, был гуманистом, изучал идеи Аристотеля и собирал религиозные, медицинские и астрономические сочинения на древнееврейском, арабском и сирийском языках. Для него Йуханна ал-Асад переписал арабский перевод Посланий святого апостола Павла, скопировав рукопись, позаимствованную Пио из библиотеки Ватикана. Как написал Йуханна ал-Асад в арабском колофоне в месяце сафаре 927 года хиджры/январе 1521 года, в выражениях, лишь приближающихся к пышным восхвалениям, принятым у мусульман, эта копия была сделана «для библиотеки высочайшего, всемогущего, благороднейшего и величайшего принца, графа Альберто ди Карпи». Князь, возможно, также попросил сделать перевод или составить резюме других арабских сочинений, находящихся в его распоряжении, таких как трактаты Аверроэса, Авиценны и ал-Газали¹⁷⁶.

В римском доме Альберто Пио на Кампо ди Фиори у Йуханны ал-Асада также была возможность познакомиться с другими иностранцами и такими же чужаками в Риме, как он сам. Еврей Авраам бен Меир де Бальмес занимался переводами древнееврейских рукописей князя.

¹⁷⁴ Bernardino López de Carvajal. Epistola ad invictissimum Carolum in Imperio E. super declaratione M. Suae contra Lutherum facta. N. p., n. d. [June 1521]. F. 3r–4v; Minnich N. H. The Role of Prophecy. P. 117–120.

¹⁷⁵ О дипломатической карьере Альберто Пио, князя Карпи, см.: Marino Sanuto. I Diarii. Vols. 20–46 passim; Setton K. M. The Papacy. Vol. 3. P. 88, 134, 136, 172–173, 226; Bedini S. A. The Pope's Elephant. P. 46, 57; Rombaldi O. Profilo biografico di Alberto Pio III, Conte di Carpi // Alberto Pio III, Signore di Carpi (1475–1975). Modena, 1977. P. 7–40; Sabattini A. Alberto III Pio: Politica, diplomazia e guerra del conte di Carpi. Carpi, 1994; Minnich N. The «Protestatio» of Alberto Pio (1513) // Società, politica e cultura a Carpi ai tempi di Alberto III Pio (Atti del Convegno Internazionale. Carpi, 19–21 Maggio 1978). 2 vols. Padova, 1981. Vol. 1. P. 261–289; Svaldus E. Da Castello a «città»: Carpi e Alberto Pio (1472–1530). Roma, 2001. P. 100–144. Дипломатическая корреспонденция Альберто Пио за годы службы послом Максимилиана I: University of Pennsylvania Library. Special Collections. MS Lea 414, no. 1–56.

¹⁷⁶ Levi Della Vida G. Ricerche sulla formazione. P. 103–107; Biblioteca Estense Universitaria (Modena). MS Orientale 16-alfa.J.6.3. The Epistles of Saint Paul in Arabic. F. 68; Puliti P. Profilo storico del fondo dei Manoscritti Orientali della Biblioteca Estense // Bernheimer C. Catalogo dei Manoscritti Orientali della Biblioteca Estense. Modena, 1960. P. VII–X; у Альберто Пио был экземпляр того самого труда ал-Газали, который ал-Ваззан брал читать в Ватиканской библиотеке; Vasoli C. Alberto Pio e la cultura del suo tempo // Società, politica e cultura a Carpi. P. 3–42; Schmitt Ch. Alberto Pio and the Aristotelian Studies of His Time // Ibid. P. 43–64.

Христианин-маронит Элиас бар Абрахам переписывал для Пио, как и ранее для Карвахалы, сирийские тексты, в том числе Евангелия, а теперь он нашел время, чтобы украсить декоративной рамкой титульный лист выполненной Йуханной ал-Асадом транскрипции Посланий апостола Павла. Наш новообращенный христианин и этот маронит могли бы сравнить, сколь разными путями они попали в Италию – Элиас в качестве члена делегации маронитов, приглашенной в Рим Львом X в 1515 году, а Йуханна ал-Асад на пиратском корабле Бовадиллы. Может быть, они вспоминали Ливан и Сирию, откуда вышел Элиас, и которые всего несколькими годами ранее, еще мусульманином, объездил Йуханна ал-Асад. А может быть, они размышляли над представлениями о божественном: о вере в Святую Троицу, проповедуемой в Риме; о единой божественной природе Иисуса Христа, как учили Элиаса в Антиохии¹⁷⁷; о возвышенной пророческой и мессианской роли Иисуса в исламе¹⁷⁸.

И если Йуханна ал-Асад в 1522 году все еще был связан с домом Альберто Пио, то он мог встречать там андалузца Хуана де Сепульведа, чьи свежие переводы Аристотеля как раз тогда привлекли к себе внимание и покровительство князя. Несколько лет спустя Сепульведе предстояло использовать свое знакомство с учением Аристотеля в призыве к войне против жестоких и нецивилизованных турок в защиту «свободы и спасения христианского мира»¹⁷⁹.

Йуханна ал-Асад трудился над переписыванием Посланий апостола Павла, живя на Кампо Марцио в Риме, при церкви Святого Августина и монастыре августинцев или рядом с ним. Здесь жил его крестный отец Эгидио да Витербо, оказавший на его жизнь более важное и продолжительное влияние, чем Альберто Пио. Кардинал Эгидио, реформатор ордена августинцев, «оратор» и папский легат, был, наряду с этим, поэтом и гуманистом, глубоко погруженным в мир Платона и неоплатоников – философский выбор, совершенно отличный от аристотелизма Альберто Пио. Кроме того, с годами он пришел к убеждению в скрытой мудрости еврейской каббалы, истинное понимание которой, как он верил, перешло от неподатливых израильтян к таким образованным христианам, как он сам. Эгидио обращался за советом и переводами к еврейским ученым. В 1515 году он пригласил талантливого еврейского грамматиста Элию бен Ашера Галеви, как его называли на иврите, или Элию Левиту, как сам он называл себя на латыни, – чтобы переписывать для него каббалистические тексты. Два года спустя он поселил Левиту и его жену-еврейку с детьми в своем собственном доме в Риме. Там Левита оставался до 1527 года, создавая труды о еврейской грамматике и лексикографии, об арамейском языке и о длительной традиции изучения текста Библии на иврите, а также объясняя кардиналу библейские слова и понятия¹⁸⁰.

¹⁷⁷ «Единая божественная природа Иисуса Христа» – догмат, присущий некоторым восточным церквям, не признавшим Халкидонский собор. Маронитская церковь не принимает этот догмат, так как с XII века состоит в официальной унии с католической церковью. Здесь, видимо, речь идет о том, что Элиас обучался у сиро-яковитов; одним из центров Сиро-яковитской церкви являлась Антиохия. Сиро-яковиты придерживаются догмата о единой божественной природе Иисуса Христа (*Прим. науч. ред.*).

¹⁷⁸ Ibid. P. 60–61; *Sestan E.* Politica, società, economia nel principato di Carpi fra quattro e cinquecento // *Società, politica e cultura a Carpi*. P. 685; *The Epistles of Saint Paul in Arabic*. F. 1r. Молитва Элиаса бар Абрахама за Альберто Пио, «справедливого и христолюбивого человека, любящего чужестранцев, сострадающего бедным»: BNF. MS Syriac 44. F. 184v; *Levi Della Vida G.* Ricerche sulla formazione. P. 106–107, 133–136, ил. 6, no. 3.

¹⁷⁹ *Schmitt Ch.* Alberto Pio. P. 61–63; *Losada À.* Juan Ginés de Sepúlveda a través de su «Epistolario» y nuevos documentos. Madrid, 1973. P. 37–46; *Pagden A.* Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France c. 1500 – c. 1800. New Haven; London, 1995. P. 99–101; *Juan Ginés de Sepúlveda*. Ad Carolum V. Imperatorem ut bellum suscipiat in Turcas cohortatio. Bologna, 1529.

¹⁸⁰ Об Эгидио да Витербо в дополнение к ссылкам в прим. 2 на с. 100, см.: *Secret F.* Les Kabbalistes chrétiens de la Renaissance. Paris, 1964. P. 106–123; *O'Malley J. W.* Egidio da Viterbo and Renaissance Rome // *Egidio da Viterbo, O. S. A. e il suo tempo*. P. 67–84; *Monfasani J.* Sermons of Giles of Viterbo as Bishop // Ibid. P. 137–189; *Martin F. X.* Giles of Viterbo as Scripture Scholar // Ibid. P. 191–222; *Rowland I.* The Culture of the High Renaissance, гл. 6. Об Элии Левите см.: *Weil G. E.* Élie Lévi, humaniste et massorète (1469–1549). Leiden, 1963, особенно гл. 4, 9–10 и о его различных именах: P. 3–8. В числе других евреев, помогавших Эгидио да Витербо в его занятиях, был Барух де Беневент, который перевел для него несколько текстов из каббалистического «Зохара» (*Secret F.* Les Kabbalistes chrétiens. P. 109), но Элия Левита был его ближайшим и самым постоянным учителем.

Что касается ислама, то Эгидио считал, что мусульманские книги, хотя и наполненные нечестием, могут в христианских руках вдохновить на благочестивое изучение и понимание божественных пророчеств. Такие тексты были особенно полезны для священных задач обращения и покорения враждебных турок. В 1518 году, находясь в Испании, он нашел некоего Иоаннеса Габриэля из Теруэля, который переписал для него Коран на арабском языке и сделал латинский перевод. Несколько месяцев спустя он попросил одного монаха нищенствующего ордена, Франческо из Тосканы, составить вводные заметки по арабскому языку и сам начал практиковаться в написании алфавита. Какая же удача, что по возвращении в Рим летом 1519 года он встретился с новообращенным в христианство ал-Хасаном ал-Ваззаном, и как хорошо, что он стал одним из трех крестных отцов марокканца, когда того крестили на Богоявление. Йуханна ал-Асад начал учить Эгидио арабскому языку, о чем вскоре стало известно небольшой группе европейских ученых, заинтересованных, как написал один из них, в распространении «достоинств арабской словесности среди христиан»¹⁸¹.

Отношения между крестным отцом и крестником продолжались в течение следующих лет. В 1525 году, теперь уже в резиденции кардинала в Витербо, Йуханна ал-Асад пересмотрел и прокомментировал арабский текст и латинский перевод Корана, которые Эгидио привез из Испании, разъясняя непонятные фрагменты «[своему] достопочтенному господину» и исправляя ошибки в переводе¹⁸².

Эгидио да Витербо также был активным членом гуманистических кругов Рима эпохи Возрождения, и по крайней мере три человека в этих кругах сочли бы для себя полезным поговорить с североафриканским наставником кардинала в арабском языке¹⁸³. Анджело Колоччи председательствовал в одном из таких кружков, собиравшемся у него на вилле. Эрудит и папский секретарь, Колоччи, вероятно, мог заинтересоваться знакомством с хорошо осведомленным человеком, способным рассказать о применении арабских цифр как для вычисления, так и в качестве символов, а также об арабской системе мер и весов. Надеюсь однажды написать солидный том о древних и современных мерах и весах как о ключе к божественному мироустройству, Колоччи жадно слушал бы Джованни Леоне, объясняющего (как впоследствии он сделает в своем труде), каким образом определяют в Африке расстояние между разными пунктами и как используются цифры в арабских оккультных науках. Североафриканец должен был отметить, что унция имеет одинаковый вес в Италии и в странах Магриба, но если в итальянской *либре* шестнадцать унций, то марокканский *ратл* составляет восемнадцать унций. На связь между этими двоими любителями метрологии указывает рукопись в библиотеке Колоччи «Жизнеописания арабов» («Vite de arabi») – по всей вероятности, экземпляр биографического словаря Джованни Леоне, о котором мы услышим позже¹⁸⁴.

¹⁸¹ O'Malley J. W. Giles of Viterbo. P. 72, n. 1. Martin F. X. Friar, Reformer. P. 173, 178, n. 45; Ibid. Giles of Viterbo. P. 218, n. 79. Коран на арабском языке с латинским переводом и резюме скопирован в 1621 году Дэвидом Колвиллом с рукописной книги в Эскориале, переписанной по заказу Эгидио да Витербо: Biblioteca Ambrosiana (Milan). MS D100 inf. F. 1a–2b; Löfgren O., Traini R. Catalogue of the Arabic Manuscripts in the Biblioteca Ambrosiana. Milan, 1975. 2 vols. Vol. 1. P. 41–43, no. 43; Biblioteca Angelica (Rome). MS SS. 11/4. Rudimenta Linguae Arabicae, excerpta per me Fratrem Franciscum Gambassensem, anno 1519, sic volente ac iubente Reverendissimo D. Egidio Cardinali meo patrono; Johann Albrecht Widmanstadt. Liber Sacrosancti. F. a***4a–b.

¹⁸² Ссылка на «Иоаннеса Лео» из рукописного Корана 1518–1525 годов: Biblioteca Ambrosiana (Milan). MS D100 inf. F. 1a–2b; Löfgren O., Traini R. Catalogue of the Arabic Manuscripts. Vol. 1. P. 43. Работа ал-Ваззана над переводом Корана рассмотрена ниже в главе 8.

¹⁸³ Об этих кругах см.: Gaisser J. H. The Rise and Fall of Goritz's Feasts // Renaissance Quarterly. 1995. Vol. 48. P. 41–57; Bedini S. A. The Pope's Elephant. P. 80, 154, 161, 207; Gouwens K. Remembering the Renaissance: Humanist Narratives of the Sack of Rome. Leiden; Boston; Cologne, 1998. P. 7, 14–19.

¹⁸⁴ Ibid. P. 14, 105; CGA. F. 60v (rethl); Ramusio. P. 85–86; Épaulard. P. 90. Об интересе Анджело Колоччи к счету, нумерологии и метрологии см.: Rowland I. The Culture of the High Renaissance, гл. 5. Я признательна Ингрид Роуланд, показавшей мне раздел «Vite de arabi» в библиотечном собрании Колоччи, публикацию которого она готовит. Хотя единственная имеющаяся в настоящее время рукопись биографического словаря Йуханны ал-Асада озаглавлена «De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes», сам он называл ее «Le Vite de li Philosophi arabi» (CGA. F. 418v, немного иначе в: Ramusio. P. 201); таким образом, Колоччи располагал другой копией. Колоччи также составил рукописное сочинение «Заметки об Оттоманской империи»,

Пьеро Валериано, поэт и мифограф, с удовольствием обсудил бы с Джованни Леоне символику животных, поскольку составлял в то время свой латинский труд «Hieroglyphica» со множеством отсылок к древнеегипетским традиционным знаниям и верованиям. У этих людей было много общего: Валериано тоже являлся «слугой» семьи Медичи, так как состоял секретарем кардинала Джулио де Медичи, нотариусом у Льва X, а в дальнейшем наставником папских племянников Ипполито и Алессандро де Медичи. Он также получил открытую поддержку от Эгидио да Витербо за свои первые исследования. В благодарность за такое покровительство Валериано посвятил главу об аисте кардиналу Эгидио. Отвечая Валериано в письме от апреля 1525 года, Эгидио противопоставил осуществленную мифографом реконструкцию древней мудрости и священных таинств египтян недавнему «демоническому» разрушению памятников и древних зданий Египта Селимом, «принцем турок»¹⁸⁵. При этом Эгидио вполне мог представлять себе картины этих событий со слов их очевидца Джованни Леоне.

Валериано прежде всего искал значения аллегорий, связанные с животными, и часто цитировал Плиния Старшего в поддержку своих толкований. Североафриканский факих в большинстве своих работ, скорее, описывал поведение животных, способы их ловли, вкус их мяса и находил, что у Плиния, известного в арабской традиции, много мелких ошибок, когда речь идет об Африке. Несмотря на все различия, отголоски бесед между этими двоими людьми обнаруживают себя. Так, размышляя о бесстыдстве, Валериано сравнил обезьян-самцов, демонстрирующих свои срамные части, с мужчинами, которые делают то же самое «сегодня, среди египтян, поблизости от Нила, и среди мавров и турок, где... их очень почитают, верят, что они наделены исключительной невинностью и простотой, и где считается благочестивым делом собирать для них деньги». Его источником здесь, несомненно, был Джованни Леоне, писавший в своих трудах, что он видел на улицах Феса, Туниса и Каира «мошенников», которые ходят обнаженными, «демонстрируя свой срам», и даже публично занимаются сексом с женщинами, но оболваненные зрители все равно считают их святыми¹⁸⁶.

У историка Паоло Джовио тоже были разные животрепещущие вопросы к Джованни Леоне. В то время врач Джулио де Медичи, Джовио остался в числе его приближенных и после того, как в 1523 году кардинал стал папой Климентом VII и уже начал составлять «Истории его времени». Подобно написанным Джовио «Комментариям к делам турок», «Жизни Льва X» и «Панегирикам» – биографиям знаменитых людей, «Истории» появились в печати только много лет спустя. Но Джовио усердно собирал свидетельства, в том числе о недавней войне султана Селима I против персидского шаха Исмаила I Сефевидского и о его завоевании мамлюкского Египта. Турки – враги христиан, и тем важнее, чтобы историк, пишущий о них, был хорошо осведомлен. Джовио расспрашивал купцов и путешественников, вытянул все, что мог, из Альвизи Мочениго – венецианского посла, ездившего с миссией «дружбы и мира» к Селиму, когда тот находился в Каире в 1517 году¹⁸⁷.

которое могло включать в себя сведения, сообщенные нашим новообращенным христианином (Vat. 4820, цит. по: Latès S. Recherches sur la bibliothèque d'Angelo Colocci // Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'École française de Rome. Vol. 48. Rome, 1931. P. 343).

¹⁸⁵ Gouwens K. Remembering the Renaissance, гл. 5; Pierio Valeriano. Hieroglyphica seu De sacris Aegyptiorum aliarumque genium literis commentarii. Lyon, 1602. Lib. 17. P. 167–168; Idem. Les Hieroglyphiques / Trad. par J. de Montlyart. Lyon, 1615. Lib. 17. P. 209–211. Рукопись «Hieroglyphica» была впервые напечатана в Базеле в 1556 году: Idem. Amorum Libri V. Venice, 1549. F. 81r–82v: «Ad Aegidium Viterbien. Hermitarum Antistitem De Vero Amore». Издание: Hexametris, Odae et Epigrammata. Venice, 1550, содержит множество стихов, посвященных Льву X, а также стихотворение в честь Альберто Пио, князя Карпи (F. 21v–23r).

¹⁸⁶ Pierio Valeriano. Hieroglyphica. Lib. 6. P. 62; Idem. Les Hieroglyphiques. Lib. 6. P. 77; CGA. F. 183r–v, 441v–442r; Ramusio. P. 198–199, 439; Épaulard. P. 223–224, 554. В данном случае речь вновь идет о марабутах, магрибинских «святых», которых население считало носителями *бараки* (божественной благодати). По мнению большинства жителей Магриба, барака была физической субстанцией и могла передаваться от человека к человеку, в том числе и при сексуальном контакте. Как образованный факих ал-Хасан ал-Ваззан осуждает подобные практики «народного» магрибинского ислама (Прим. науч. ред.).

¹⁸⁷ Zimmerman T. C. P. Paolo Giovio: The Historian and the Crisis of Sixteenth-Century Italy. Princeton, 1995. P. 14–59. O

Когда бывший дипломат из Феса появился на римской сцене как слуга Эгидио да Витербо, Джовио, должно быть, ухватился за возможность расспросить его. Можно представить себе, как он засыпал североафриканца вопросами о людях: о побежденном султана Кансухе ал-Гаури, о торжествующем Селиме, о корсаре Арудже Барбаросса, и это лишь некоторые из будущих героев исторического сочинения Джовио, с кем Йуханна ал-Асад имел прямой контакт¹⁸⁸.

В таком разговоре с Джовио крещеному мусульманину, наверно, приходилось осторожнее выбирать слова, чем в беседе с мифографом Валериано. Султан Селим I умер от чумы в сентябре 1520 году, и ему наследовал его сын Сулейман I Великолепный. Христианские правители на мгновение обрадовались, полагая, как выразился Джовио, что «свирепый лев оставил преемником кроткого ягненка». Но взятие Белграда турецкой армией в 1521 году и захват Родоса турецким флотом и сухопутными войсками в 1522 году быстро вывели их из заблуждения. Йуханна ал-Асад, вероятно, встретил эту новость с несколько иными чувствами, чем Джовио. Помимо всего прочего, будучи пленником пиратов, он был доставлен на Родос во время плавания, приведшего его в Рим, и, должно быть, уклончиво отвечал на его вопросы. Написанные впоследствии Джовио портреты Селима подчеркивали его свирепость и жестокость: «за восемь лет правления он пролил больше крови, чем Сулейман за тридцать», – но он учитывал также сообщения о его величии, искусстве военачальника, стараниях править справедливо. Что касается мамлюкских султанов, то Джовио интересовался гаремными интригами, связанными с престолонаследием. Система избрания преемника, по его мнению, напоминала выборы папы римского коллегией кардиналов. Он хотел услышать не только о Кансухе ал-Гаури, но и о его предшественнике и бывшем хозяине, великом Каит-бее. Знал ли Джованни Леоне, что Каит-бей подарил жирафа Лоренцо де Медичи и свирепого тигра – Джангалеаццо Сфорца? Он мог видеть прекрасное изображение этого тигра в миланском замке¹⁸⁹.

Если такие разговоры имели место – а я полагаю, что так и было, – мы тем не менее должны отметить, что ни Валериано, ни Джовио прямо не упоминали «Джованни Леоне» в своих стихах, письмах или произведениях. В статье о слоне Валериано рассказал о папском слоне Ганноне, однако в письме-посвящении кардиналу Эгидио он не упомянул его североафриканского крестника. Джовио же приписал часть своей информации о султанах Селиме венецианскому послу к «Великому турку», но не бывшему послу из Феса¹⁹⁰.

Что же означает такое молчание? Оно означает, что Йуханна ал-Асад находился на обочине элитарных гуманистических кругов. Он располагал полезными сведениями и мог рассказывать интересные истории, но не был достаточно важной персоной ни для того, чтобы его приняли в сердцевину этих сообществ, ни для того, чтобы уже в то время, то есть гораздо раньше,

подходе Джовио к работе над историческими и биографическими сочинениями и о датировке создания и публикации его трудов см.: Ibid. P. 24–227, 221–222, 268–274, 287–290; *Paolo Giovio. Commentario de le cose de' Turchi*. Roma, 1532. F. 25v–26r; *Turcarum rerum commentarius Pauli Iouii* / Trad. par Francesco Negri. Paris, 1539. P. 60–61; *Marino Sanuto. I Diarii*. Vol. 24. P. 290–291 (инструкции для Альвизи Мочениго и Бартоломео Контарини: «monstrando la vera amicitia e paxe è tra soa excelentia et lui»); Vol. 25. P. 142–158, 626–632 (на с. 142: письмо султана Селима венецианскому дожу об успехе посольства, 24 шаабана 923 года хиджры/10 сентября 1517 года).

¹⁸⁸ Например, Джовио писал о войнах Селима против шаха Исмоила и мамлюка Кансуха ал-Гаури в: *Turcarum rerum commentarius*. P. 41–61, а также в: *La Prima Parte delle Historie del suo tempo* / Trad. di Lodovico Domenichi. Venezia, 1555) lib. 17–18. F. 477r–540r (страницы, написанные к 1524 году: *Zimmerman T. C. P. Paolo Giovio*. P. 287). В свои панегирики знаменитым военным и политическим деятелям Джовио включил портреты Кансуха ал-Гаури, Селима, Сулеймана, Аруджа Барбароссы и его брата Хайрадина, а также еще нескольких мамлюкских и османских султанов, одного недавно правившего султана Туниса и саадитского шерифа Марокко (*Elogia virorum bellica virtute illustrium veris imaginibus supposita*. Firenze, 1551; *Gli elogi, vite brevemente scritti d'huomini illustri de guerra, antichi et moderni* / Transl. Lodovico Domenichi. Firenze, 1554).

¹⁸⁹ *Setton K. M. The Papacy*. Vol. 3, гл. 6; *Paolo Giovio. Commentario de le cose de' Turchi*. F. 18r–26r; *Turcarum rerum commentarius*. P. 41–61; Idem. *Elogia virorum bellica virtute*. P. 153–156, 218–219, 325–326; Idem. *Gli elogi, vite brevemente scritti d'huomini*. P. 197–201, 272–279, 419–421.

¹⁹⁰ *Pierio Valeriano. Hieroglyphica*. Lib. 2. P. 20, lib. 17, 167–168; Idem. *Les Hieroglyphiques*. Lib. 2. P. 24–25, lib. 17. P. 209–211; *Paolo Giovio. Commentario de le cose de' Turchi* Giovio. F. 25v–26r; *Turcarum rerum commentarius*. P. 60–61.

чем он стал самостоятельным автором, его публично упоминали бы за что-либо другое, кроме захвата в плен и обращения в христианство. Его владение итальянской и латинской речью все еще оставалось несовершенным; каково же было слушать его этим людям с утонченным литературным вкусом! (Они выступили даже против одного фламандского гуманиста, пытавшегося пробиться в папскую курию, за то, что он оказался слишком большим «варваром».) Крещение североафриканца – это победа христианства, но насколько надежен любой новообращенный? Йуханна ал-Асад не вызывал полного доверия¹⁹¹.

Как и в доме Альберто Пио, Йуханна ал-Асад чувствовал себя вполне уверенно среди других иностранцев и чужаков в составе свиты и слуг кардинала Эгидио. Маронит Элиас бар Абрахам тоже был здесь и переписывал сирийские тексты для Эгидио, а также для Альберто Пио и Карвахалы. Однако его последний подписанный текст датирован 1521 годом, и он, может быть, вернулся в свой монастырь в Антиохии¹⁹². Но главное, в окружении Эгидио находился и его учитель иврита Элия Левита. В разговорах на общем для них итальянском языке Элия мог делиться с Йуханной ал-Асадом воспоминаниями о своем детстве в Германии, о годах с 1496-го по 1515-й, прожитых с женой и детьми в Падуе и Венеции, где он преподавал, писал и издавал свои труды. А Йуханна ал-Асад, может быть, рассказывал о своем собственном детстве в Гранаде и Фесе и о многих евреях, которых он видел и с которыми разговаривал в Северной Африке. Они могли обсуждать, как идет у Элии копирование переведенного на древнееврейский язык трактата ал-Газали по аристотелевой логике, «Мийар ал-илм» («Стандартная мера знания»). Йуханна ал-Асад, несомненно, был знаком с этим произведением великого мусульманского богослова и философа; так разве не было ему любопытно узнать, что средневековый переводчик этого сочинения, Якоб бен Махир, происходил из семьи гранадских евреев? А что думает Йуханна ал-Асад об арабской рукописи суфия и мистика ал-Буни «Шарх ал-асма ал-хусна» – исследовании пророческих и магических свойств Девяноста девяти имен Аллаха? Позднее Йуханна ал-Асад написал, что эту рукопись показывал ему в Риме «еврей из Венеции», которым, надо полагать, и был сам Элия Левита¹⁹³.

¹⁹¹ Rowland I. The Culture of the High Renaissance. P. 250–253 (Гуманистом, о котором идет речь, был Христофорус Лонголиус (Christophe de Longueil, ок. 1490 – 1522). – *Прим. пер.*). По предположению Дитриха Раухенбергера (*Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner. S. 79–80*), Иоаннес Лео изображен на написанном около 1519–1520 года портрете венецианского художника Себастьяно дель Пьомбо («Портрет гуманиста», Национальная галерея искусств, Вашингтон; Samuel H. Kress Collection, 1961.9.38). Это весьма маловероятно. Во-первых, Майкл Херст, специалист по живописи Себастьяно, убедительно доказал, что изображенная фигура – это ученый-гуманист и поэт Маркантонио Фламинио. Фламинио многое связывало с Себастьяно. В это время он находился в Риме и, родившийся в 1498 году, был как раз в таком же молодом возрасте, как человек на картине. Лицо, волосы и борода человека на портрете в Национальной галерее сильно напоминают черты на медальоне с доказанным изображением Фламинио, см.: *Hirst M. Sebastiano del Piombo. Oxford, 1981. P. 101–102*. Во-вторых, ничего в облике этого человека, в его черной мантии ученого, в перчатках или в книге, глобусе и письменных принадлежностях на полке рядом с ним не напоминает о факихе из Северной Африки или о бывшем после фесского султана ко двору Великого Турка. Книга, лежащая возле руки ученого, не на арабском языке. Глобус, подобно карте, – частый атрибут на итальянском портрете ученого, и на нем, как кажется, Африка не видна. Здесь нет ни одного из традиционных указаний, обнаруживающихся на итальянских картинах начала XVI века и говорящих о том, что изображенный человек – не европейского, а мусульманского происхождения: ни характерного головного убора, ни мантии, ни усов. Нет даже турецкого ковра, покрывающего стол, на который опирается локтем ученый – этот мотив Себастьяно ранее ввел в итальянскую портретную живопись; нет и принадлежностей посла из мусульманского мира. О таких картинах см.: *Jardine L., Brotton J. Global Interests: Renaissance Art between East and West. Ithaca, 2000. P. 40–44*.

¹⁹² Martin F. X. Giles of Viterbo. P. 216–217: «Жиль из Витербо был одним из покровителей [христианина-маронита Элиаса бар Абрахама], как показывает Инсбрукская рукопись [Сирийская Псалтырь], и, вероятно, был также одним из его учеников». О его неизвестном местопребывании после 1521 года: *Levi Della Vida G. Ricerche sulla formazione. P. 134, n. 1*.

¹⁹³ Weil G. E. Élie Lévi. P. 37–38; Schwarz A. Z. Die hebräischen Handschriften der Nationalbibliothek in Wien. Vienna, 1925. № 152 (C8). P. 162–163; Jerusalem: Encyclopaedia Judaica, 1972. Vol. 15. P. 1323. Переводчиком был Якоб Бен Махир, врач из Монпелье и потомок ученого и переводчика Иуды ибн Тиббона из Гранады; Biblioteca Medicea Laurenziana (Florence). MS

Говоря о литературе, Левита мог бы рассказывать про свою эпическую поэму на идише, адаптированную с итальянского и повествующую о рыцарских и романтических подвигах герцога Буово. (В ней среди прочих событий мусульманская принцесса спасает Буово от казни, которой хочет его предать ее отец, султан Вавилона.) Он мог объяснять свое исследование тонкостей еврейской грамматики, лексикографии и стихосложения. Все это были темы, дорогие сердцу Йуханны ал-Асада, который мог бы отвечать рассказами о своих собственных стихах, об арабской рифмованной прозе и о стихотворных размерах.

А разве не было пересечений между их языками? В позднейшей работе о необычных словах в иврите и арамейском языке Левита привел несколько примеров, похожих на арабские: по поводу происхождения ивритского слова для обозначения скорописи, транскрибированного им как *маишкет*, он заметил: «Много лет назад мне указали, что это арабское слово, и означает оно тонкий, вытянутый». По всей вероятности, именно Йуханна ал-Асад назвал ему арабские прилагательные *мамишук*, *маишук* с подобными значениями¹⁹⁴.

В феврале 1524 года к дверям кардинала Эгидио явился еще один иностранец, одетый в шелковые одежды как араб, верхом на белом коне, в сопровождении толпы евреев: «маленький смуглый человек», называющий себя Давидом, сыном Соломона, братом царя Иосифа, который правит двумя с половиной потерянными коленами Израилевыми в библейской пустыне Хабор в Аравии¹⁹⁵. (Позднее в еврейских хрониках к его имени добавляют «Рувени» – Рувимлянин.) В качестве посланца своего брата Давид обещал, что большая армия еврейских воинов будет содействовать христианским войскам в последней битве против турок. Эсхатологические отзвуки этого проекта покорили кардинала Эгидио, который представил еврейского принца папе Клименту VII. Принц Давид предложил свои услуги в качестве примирителя императора Карла V с французским королем и попросил корабли и оружие. Папа благоразумно ответил, что этим делом лучше всего заняться королю Жуану III, новому правителю Португалии.

Несколько месяцев дожидаясь письма папы римского к португальскому монарху, Давид часто виделся с кардиналом Эгидио, и поскольку он утверждал, что говорит только на иврите и немного по-арабски, Элия Левита и Йуханна ал-Асад, должно быть, нередко служили переводчиками во время этих его бесед с их хозяином. Если Давид повторял Эгидио что-нибудь из того, что он написал в своем дневнике, то у Йуханны ал-Асада наверняка возникало множество вопросов о нем. Например, Давид писал, что переправился через Красное море из Аравии в «землю Куш» где-то на востоке Африки. Даже если бы он не бывал в «земле Куш», то Йуханна ал-Асад все равно удивился бы описанию этим евреем супруги и наложниц мусульманского короля «Амары» (Умара?) – ходивших обнаженными, за исключением золотых браслетов на запястьях, предплечьях и лодыжках и золотой цепи вокруг чресел. Или его рассказам о двух львях, подаренных ему юношами из потерянных колен Израилевых, живущих в земле Куш.

Plut. 36.35. Al-Hasan al-Wazzan. De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes. F. 42v; De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes, per Johannem Leonem Affricanum [sic] // Johann Heinrich Hottinger. Bibliothecarius Quadripartitus. Zurich, 1664. P. 263; CGA. F. 184v; Ramusio. P. 199; Épaulard. P. 225. Об ал-Буни (ум. 622/1225), его написании имен Аллаха и о других тайных науках см.: Fahd T. La divination arabe. Études religieuses, sociologiques et folkloriques sur le milieu natif de l'Islam. Paris, 1987. P. 230–238.

¹⁹⁴ Weil G. E. Élie Lévi. P. 39–43, 95–104, 175–183, 254–285; *Elijah Levita*. Sefer ha-Bahur и его же «Sefer ha-Harkabah» были напечатаны в Риме в 1518 году Джованни Джакомо Фаччотти и Исааком, Йом-товом и Якобом, сыновьями Абиغدора Леви; *Levita*. Sefer Ha-Buohur... Liber Electus complectens in Grammatica quatuor orationes. Basel, 1525; *Levita*. Opusculum Recens Hebraicum... cui titulum fecit... Thisbites, in quo 712 vocum quae sunt partim Hebraicae, Chaldaicae, Arabicae, Graecae et Latinae, quaeque in Dictionariis non facillè inveniuntur / Trad. di Paul Fagius. Isny, 1541. P. 2–4, 63–64, 131–132, 105–108 [sic для 205–208]; Wehr H. A Dictionary of Modern Written Arabic. P. 1068. Употребляемое Левитой слово на иврите XVI века, обозначающее курсивное письмо מִשְׁקֵט, слегка отличается от современного מִשְׁכָּר (Alcaly R. The Complete English Hebrew Dictionary. 3 vols. Massada, 1990. Vol. 1. P. 1527).

¹⁹⁵ Eliav-Feldon M. Invented Identities: Credulity in the Age of Prophecy and Exploration // Journal of Early Modern History. Vol. 3. 1999. P. 203–232; Secret F. Les Kabbalistes chrétiens. P. 115–118.

Он отвез львят вниз по Нилу в Каир в 1523 году и передал их в качестве «даров» таможенным чиновникам, которые затем отправили их султану Сулейману Великолепному в Стамбул¹⁹⁶.

Между тем в ряду прочих своих махинаций Давид в 1525–1526 годах вступил в переписку с султаном Феса и молодым эмиром династии Саадитов, шерифом Ахмадом ал-Араджем, чьего покойного отца, шерифа Мухаммада ал-Каима, ал-Ваззан хорошо знал в бытность свою дипломатом. Беседы с бывшим послом из Феса, возможно, питали грандиозные надежды Давида на установление контактов с евреями из Мекнеса, Феса и Страны черных¹⁹⁷.

Принц Хаборский был, наконец, разоблачен в 1530 году, когда его поймали в Мантуе на подделке писем от «его брата, царя Иосифа»¹⁹⁸. Но Йуханне ал-Асаду в 1524 году он, наверно, показался одним из целой череды североафриканских святых и политических авантюристов, чьи сомнительные заслуги он постоянно критически оценивал во время своих путешествий.

Таковы круги в Риме, присутствие в которых Йуханны ал-Асада мы можем документально подтвердить. Можно также порассуждать о некоторых других возможностях. Может быть, Франсиско де Кабрера-и-Бовадилья, епископ Саламанки, задавался вопросом, что стало с человеком, которого захватил его брат, пиратствовавший в Средиземном море. Сначала пленник содержался во дворце епископа в Риме, а затем был заключен в замок Святого Ангела; теперь же, как Джованни Леоне, его могли снова призвать в епископский дворец. Если так, то Йуханна ал-Асад, возможно, слышал про энергичного молодого ювелира Бенвенуто Челлини или даже встречался с ним. Бовадилья любил работы Челлини, хоть и ссорился с ним по поводу оплаты, и заказал ему в 1523–1525 годах подсвечники и серебряную чашу, которыми так восхищались папа, кардиналы и приезжие испанцы¹⁹⁹.

Более захватывающим и опасным предприятием для Йуханны ал-Асада было установление связи с другими мусульманами или крещеными мусульманами, которые жили в Риме или оказались там проездом. О некоторых из них он мог услышать довольно рано, например о чернокожем рабе-мусульманине, которому приказали задушить кардинала Петруччи в камере замка Святого Ангела в 1517 году. Большие домохозяйства в Риме были полны рабов и слуг, причем все рабы и часть прислуги происходили из нехристианских стран: «Это настоящий сераль, – писал Паоло Джовио о доме недавно назначенного кардинала Ипполито де Медичи, – нумидийцы, татары, эфиопы, индийцы, турки, которые в общей сложности говорят более чем на двадцати языках». Владельцы распоряжались рабами, как хотели, и детей, рожденных от рабынь, иногда признавали высокородными отпрысками. Йуханна ал-Асад наверняка слышал сплетни о родственнике кардинала Ипполито, Алессандро де Медичи, чья мать была *schiaiva mora* – черная рабыня в доме Медичи и чье лицо и волосы говорили об африканском происхождении. Отцом же Алессандро, как все говорили, на самом деле был не Лоренцо II де Медичи, а сам папа Климент VII²⁰⁰.

В отличие от галерных рабов, принадлежащих государству, домашних рабов в Италии владельцы часто понуждали перейти в христианство. Однако крещение не приносило автома-

¹⁹⁶ Hillelson S. David Reubeni, an Early Visitor to Sennar // Sudan Notes and Records. 1933. Vol. 16 (1). P. 56–65; Eliav-Feldon M. Invented Identities. P. 213, 216. Ж. Вейль также считает, что Элия Левита, познакомившись с Давидом Рувени, мог заподозрить в нем самозванца (Weil G. E. Élie Lévi. P. 210).

¹⁹⁷ David Reuveni. The Story of David Hareuveni (in Hebrew) / Ed. by A. Z. Aescoly. Jerusalem, 1993. P. 74–79: Давид рассказывает о письме, которое он получил, находясь при португальском дворе (то есть в период октября 1525 – июня 1526 года), от «короля Магриба, дальше чем Фес... мусульманина, потомка их пророка, а титул его Шериф» и о своем ответе на это письмо, см.: Eliav-Feldon M. Invented Identities. P. 210, 216; Abun-Nasr J. M. A History of the Maghrib. P. 211.

¹⁹⁸ Eliav-Feldon M. Invented Identities. P. 227.

¹⁹⁹ Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner. S. 60; Cellini B. La vita, кн. 1, гл. 19, 22–25; Idem. Autobiography. P. 32–33, 35–38. Епископ постепенно создавал также большое книжное собрание, которое намеревался подарить университету Саламанки по возвращении в свою епархию в Испании в 1529 году. Но Климент VII велел конфисковать эти книги в порту Неаполя и поместил их в библиотеку Ватикана (Estatutos de la Universidad de Salamanca. P. 48–49). Йуханне ал-Асаду, наверно, было бы интересно посетить это собрание.

²⁰⁰ Bono S. Schiavi musulmani. P. 305–306, 334–339; Cellini B. La vita, кн. 1, гл. 88; Idem. Autobiography. P. 158.

тического освобождения. Вопрос о том, законно ли держать новообращенного христианина в рабстве, только начинали поднимать в 1520-х годах – и то лишь в отношении побежденных коренных американцев в Новом Свете, а не захваченных мусульман в Италии. Хозяева, приводившие рабов к купели для крещения в Риме, не были обязаны отказываться от своей собственности²⁰¹. (Размышляя над этим вопросом, Йуханна ал-Асад мог бы вспомнить, что обращение в ислам ни в коем случае не приносило освобождения рабу мусульманина. Вера имела решающее значение исключительно в момент порабощения: только человек, который был немусульманином, когда его или ее взяли в плен или захватили, мог законно стать собственностью мусульманина. Йуханна ал-Асад, наверно, вспоминал, как североафриканский фанатик ал-Магили расширил это право для сонгайского императора, включив в него захват и порабощение «неистинных» мусульман.)²⁰²

Церемонии крещения рабов в Италии обычно были гораздо скромнее, чем из ряда вон выходящее крещение Джованни Леоне в соборе Святого Петра. (Точно так же рядовые рабы-христиане, принявшие ислам в Северной Африке, обычно просто произносили шахаду, исповедание веры, и поднимали указательный палец перед свидетелями в доме хозяина. Затем, разумеется, следовало обрезание мужчин.) Жившие в Риме в 1520-х годах домашние рабы, а также крещенные вольноотпущенники, редко обладали ученостью Йуханны ал-Асада или его прежним статусом. Вряд ли они читали эзотерические тексты ал-Газали. В районе Кампо Марцио, где некоторое время жил Йуханна ал-Асад, пять из 939 домашних хозяйств возглавляли цветные христианки, которые, вероятно, когда-то были рабынями. Интригующим исключением в другой части города была «Fillia del Gran Turcho», дочь Великого турка²⁰³. Возможно, Йуханна ал-Асад и не приближался к таким женщинам вскоре после своего освобождения из тюрьмы, но, по крайней мере, знал, что они существуют.

Во время короткого правления сурового голландца папы Адриана VI Йуханна ал-Асад, как и другие клиенты Медичи, предположительно, имел мало общего с папским двором. Но как только в конце 1523 года состоялось (весьма спорное) избрание кардинала Джулио де Медичи папой римским, услугами Йуханны ал-Асада, возможно, снова воспользовались. Папа Климент VII немедленно учредил две кардинальские комиссии, одна из которых должна была найти способы обуздать последователей Лютера, а другая – объединить христианских властителей против турок. Последнее оказалось еще труднее, чем во времена правления двоюродного брата Климента, папы Льва X. Конфликт между Францией и Священной Римской империей снова превращал Италию в поле битвы (Франциск I даже тайно уведомил султана Сулеймана о том, когда ему лучше напасть на их нынешнего общего врага, Карла V). Великий турок одерживал впечатляющие победы в Венгрии, а тунисские и другие мусульманские корсары захватывали папские галеоны прямо в устье Тибра. Знакомство Йуханны ал-Асада с политической ареной Магриба могло быть использовано, скажем, в связи с ожидаемыми нападениями принца-пирата²⁰⁴ Хайрадина Барбароссы на Сицилию²⁰⁵. Может быть, он опять переводил

²⁰¹ Bono S. Schiavi musulmani. P. 252–295.

²⁰² Hunwick J. Islamic Law and Polemics over Race and Slavery in North and West Africa (16th–19th Century) // Slavery in the Islamic Middle East / Ed. by S. Marmon. Princeton, 1999. P. 46–50; Hunwick J. O. Shari'a in Songhay. P. 77–79; ал-Магили – Аскиа Мухаммаду: «Что касается людей, которых вы описали, [мужчин и женщин, произнесших мусульманское исповедание веры, но продолжающих иметь идолов, приносить жертвы деревьям и так далее], то они, без сомнения, многобожники... так что ведите джихад против них, убивая их мужчин и порабощая женщин и детей... Каждого из них, кого вы отпустите, так как он уверяет, что он свободный мусульманин, а потом выяснится, что он неверный, обращайтесь снова в рабство и захватывайте его имущество, пока он не раскается и не станет хорошим мусульманином».

²⁰³ Bennassar B., Bennassar L. Les Chrétiens d'Allah. P. 309–314; Descriptio urbis o censimento della popolazione di Roma avanti il Sacco Borbonica / A cura di D. Gnoli // Archivio della R. Società Romana di Storia Patria. 1894. Vol. 17. P. 395, 420–422, 425.

²⁰⁴ Османский корсар Хайрадин Барбаросса в 1523 году носил титул султана Алжира и признавал себя вассалом османского султана. С точки зрения европейцев, было бы более правильно назвать его «вице-король», а не принц (Прим. науч. ред.).

²⁰⁵ Setton K. M. The Papacy. Vol. 3. P. 221–255.

арабские письма для папской канцелярии. По крайней мере, один из новых хранителей библиотеки Ватикана интересовался мусульманской доктриной и, возможно, обращался за советом к Йуханне ал-Асаду, правда, новая инвентаризация рукописей была начата только несколько лет спустя²⁰⁶.

Однако библиотекарь Ватикана Джироламо Алеандро, вернувшийся в Рим в 1525–1526 годах, был связан с Йуханной ал-Асадом в пересказе одного разговора, ходившего среди ученых-ориенталистов. По одной из версий, беседа шла между Эгидио да Витербо и неким еврейским каббалистом из Африки²⁰⁷. Согласно другой версии, беседовали Джироламо Алеандро и обращенный в христианство арабский факих, похожий на Йуханну ал-Асада. Последняя версия происходит из солидного источника: от двоюродного брата Джироламо по имени Пьетро Алеандро, молодого церковника, который жил тогда в Риме и выступал там как представитель Джироламо. Речь зашла о рыбе, обещанной праведникам на пиршестве в раю, и ученый араб спросил Алеандро, почему Христос отдавал такое предпочтение этой пище. Алеандро отвечал пространно, очевидно, имея в виду ту рыбу, которую Христос дал своим апостолам после воскресения (Ин. 21: 9–13). На это араб сказал «в шутку»: «Я вижу, что Мессия не хотел разочаровать своих учеников, ожидавших этого пира». Даже если Йуханна ал-Асад никогда не произносил таких слов, эта история показывает, какого рода разговоры современники находили для него уместными²⁰⁸.

В середине 1520-х годов Йуханна ал-Асад мог совмещать преподавание арабского языка, работу над переписыванием рукописей, переводами и сочинительством с путешествиями за

²⁰⁶ Новыми хранителями были Фаусто Сабео и Николо Маджорани. Сабео прочел рукопись сочинения «*Doctrina Machumet*» («Богословие Мухаммада») – переработанный христианский средневековый перевод некоего арабского текста (Bobzin H. *Der Koran im Zeitalter der Reformation*. Beirut; Stuttgart, 1995. S. 50, 217, 326, 332). Сабео и Маджорани начали составлять каталог ватиканских рукописей через некоторое время после разграбления Рима в 1527 году, а значит, после отъезда ал-Ваззана из Италии. Завершенный в 1533 году, этот каталог включал в себя арабские рукописи, но без того дополнительного вклада компетентного специалиста, который мог бы внести Йуханна ал-Асад. См.: *Levi Della Vida G. Ricerche sulla formazione*. P. 113–119.

²⁰⁷ Эту историю впервые рассказал в печати в 1543 году Иоганн Альбрехт Видманштадт в своих латинских аннотациях к «*Doctrina Machumet*», или «*Theologia Mahometis*», как он назвал этот труд (см. выше прим. 3 на с. 125). В комментарии по поводу гигантской рыбы (голова на востоке, хвост на западе), которую подадут по прибытии в мусульманский рай, Видманштадт заметил, что талмудисты и каббалисты могут многое сказать о такой рыбе, а далее привел беседу между Эгидио да Витербо и «его учителем М. Земато». Последнего в других источниках называют «ученым евреем родом из Африки». *Mahometis Abdallae Filii Theologia Dialogo explicata, Hermannо Nellingaunense interprete. Alcorani Epitome Roberto Ketense Anglo interprete... Iohannis Alberti Vuidmestadij... N. p. [Nuremberg], 1543. P. n4v–o1r; Secret F. Les Kabbalistes chrétiens. P. 109; Perles J. Beiträge zur Geschichte der hebräischen und aramäischen Studien. Munich, 1884. S. 186, n. 1; Bobzin H. Der Koran im Zeitalter. S. 298, n. 139, 331–332, 360, n. 444.*

²⁰⁸ Такая версия этой истории появилась в печатном виде в 1547 году в итальянском переводе «*Theologia Mahometis*», который, наряду с другими сочинениями об исламе, был присоединен к изданию первого перевода Корана на итальянский язык, опубликованного Андреа Арривабене в Венеции. Переводчик включил сделанные Видманштадтом пояснения на полях к «*La Dottrina di Macometto*», но изменил те, что относились к рассказу о рыбе, написав, что беседа происходила между кардиналом Алеандро (Джироламо стал кардиналом в 1538 году) и «*M. Zematto Rabi Arabo preso in Africa*», «М. Зематто, ученым арабом, захваченным в Африке». Далее он сообщил подробности о Зематто, рассказанные «моим собственным дядей Пьетро Алеандро»: этот араб был подарен папе Клименту VII, крещен, прожил три года в Риме, а затем при разграблении Рима бежал и «снова сделался турком». Как предполагает также Франсуа Секрэ, это несомненная версия истории ал-Хасана ал-Ваззана, в которую вплелось имя еврея Зематуса и произошла путаница по поводу причастного к ней папы римского. Никаких сообщений об ученом арабе, захваченном в Африке и крещенном Климентом VII, не существует. См.: *L'Alcorano di Macometto, nel qual si contiene la dottrina, la vita, i costumi, et le leggi sue. Tradotto nuovamente dall'arabo in lingua italiana. N. p. [Venezia], 1547. F. 22v–23r; Bobzin H. Der Koran im Zeitalter. S. 263–264; Secret F. Les Kabbalistes chrétiens. P. 126, n. 89; Frede C. de. La prima traduzione italiana del Corano. Napoli, 1967. P. 31–48, 63–73. Пьетро Алеандро, каноник церкви в Аквилее и сын кузена Джироламо, Луиджи, выполнял различные поручения Джироламо в Риме (*Pasquier J. Jérôme Aléandre. P. 10, n. 2, 225, n. 7, 352, n. 5; Mazzuchelli G. Gli Scrittori d'Italia. 3 vols. Brescia, 1753. P. 425, 431*). Таким образом, возможно, что один из племянников Пьетро Алеандро и есть неизвестный редактор/переводчик этого издания.*

пределы Рима и его окрестностей. Выезжая из Рима, он видел акведуки, которые наводили его на мысли о тех, что были построены за триста лет до этого великим альмохадским халифом ал-Мансуром для доставки пресной воды в Рабат. На севере он добрался до Венеции, водные пути которой напомнили ему Каир во время разлива Нила («в такие дни Каир становится Венецией»). Черные камни мостовой во Флоренции походили на те, что он видел в Гафсе, в Тунисском королевстве. В Неаполе Йуханна, хоть и чужеземец, разговорился с людьми, которые в 1520 году были свидетелями отвоевания мусульманами у испанцев острова Пеньон-де-Велес у берегов Рифа: христианского командира убил один из его собственных солдат, жену которого тот соблазнил, а затем армия, посланная султаном Феса, сделала остальное. Все это время Йуханна ал-Асад чутко улавливал своим ухом иностранца множество местных слов – те, что обозначали разные ткани, инструменты, сорта рыбы, виды продуктов сельского хозяйства²⁰⁹.

Самые значительные поездки за пределы Рима он совершил в Витербо и Болонью. Витербо, расположенный недалеко от Рима, был родным городом кардинала Эгидио, где тот вступил в орден августинцев и начал учиться. Эгидио часто возвращался туда на протяжении многих лет, но особенно важные обязанности приводили его туда, начиная с декабря 1523 года, когда папа Климент VII назначил его епископом²¹⁰. Во время одного такого визита крестник сопровождал его – именно в Витербо в 1525 году Йуханна ал-Асад закончил править перевод Корана на латынь, выполненный Иоаннесом Габриэлем.

В том же году Эгидио выступал с проповедями по всей своей епархии. Если Йуханна ал-Асад слышал, как его крестный отец произносил их, или читал его наброски, то его, должно быть, с одной стороны, ослепило мощное и притом доступное ораторское искусство Эгидио, очевидное даже для ушей и глаз иностранца, а с другой, встревожило отношение епископа к исламу. Так, прихожанам в Баньяе кардинал говорил, что Исмаил и его мусульманские потомки были ужасным орудием возмездия евреям и христианам за грех Авраама, изгнавшего Агарь, мать Исмаила²¹¹. Йуханне ал-Асаду была известна совсем иная, исламская традиция, гласившая, что Исмаил был, скорее всего, тем сыном, которого Авраам собирался принести в жертву, что поэтому Исаак стал наградой Аврааму за покорность Богу и что позднее Авраам посетил Исмаила в земле, которой предстояло стать Меккой, где они вместе построили Каабу. («Дом», – надписал Йуханна ал-Асад над этим стихом в принадлежавшем Эгидио экземпляре Корана, исправив написанное Иоаннесом Габриэлем слово «храм» на правильный мусульманский термин для обозначения Каабы.²¹²)

Коран объединяет Исмаила и его брата Исаака (2: 136):

Скажите: «Мы уверовали в Аллаха и в то, что ниспослано нам и что ниспослано Ибрахиму, Исмаилу, Исаху и Йакубу и коленам, и что было

²⁰⁹ CGA. F. 123r, 146v, 152r–v, 231r, 353v, 369v, 414r; Ramusio. P. 146, 168, 173, 241, 352, 366, 411; Épaulard. P. 165, 190, 196, 275–276, 424, 444, 513; Brignon J., Amine A., Boutaleb B. et al. Histoire du Maroc. P. 174. Он также отмечает сходство между черепицей, которую видел в Ассизи и Фабриано, и тонкими черными плитками, какие можно видеть в горных деревнях Атласа (CGA. F. 115r; Ramusio. P. 137; Épaulard. P. 153). Он сравнивает изразцы на медресе в Марракеше с теми, что в ходу в Испании (CGA. F. 71r–v; Ramusio. P. 97; Épaulard. P. 105). Вероятно, это детское воспоминание о Гранаде, подкрепленное пояснениями его родителей, так как нет никаких свидетельств того, что ал-Хасан ал-Вазан когда-либо возвращался в Испанию.

²¹⁰ Martin F. X. Friar, Reformer. P. 13–28, 183.

²¹¹ Monfasani J. Sermons of Giles of Viterbo. P. 184–185 (латинский текст проповеди Эгидио да Витербо: Vat. Lat. 6320); A Sermon Delivered by The Most Revered Giles of Viterbo, O. S. A. at Bagnaia (Balnearia) on 15 October of the Year of Salvation 1525 / Transl. by J. C. Schnaubelt // Martin F. X. Friar, Reformer. P. 331–332.

²¹² Glassé C. The Concise Encyclopaedia of Islam. P. 193: большинство мусульманских комментаторов отождествляет Исмаила с сыном, предназначенным в жертву, хотя в Коране не названо имя сына в соответствующем стихе (37: 102–103). Йуханна ал-Асад не добавил имени, просматривая эти стихи в латинском переводе Иоаннеса Габриэля, а только переправил написанное переводчиком «О, мой сын» на «О, мой сынок» (Biblioteca Ambrosiana. MS D100 inf. Al-Qur'an in Arabic and Latin. F. 444b, Sura «De Ordinibus», verses 93–94; Qur'an 2: 122–133; MS D100 inf. Al-Qur'an in Arabic and Latin. F. 18b, 21a–21b, Sura «Vacca», verses 120–134).

даровано Мусе и Исе, и что было даровано пророкам от Господа их. Мы не различаем между кем-либо из них, и Ему мы предаемся»²¹³.

Эгидио, напротив, подчеркивал различие, вопрошая своих слушателей в Баньяйе: «Кто владеет Азией? Мусульмане! Кто занимает Африку? Мусульмане! Кто завоевал прекрасную и значительную часть Европы? Мусульмане!.. Долго же Агарь и Исмаил царствуют повсюду»²¹⁴. Йуханна ал-Асад, наверно, покачал головой при этих возмущенных словах. Могло ли его понимание Корана когда-нибудь изменить взгляд Эгидио на наследие Исмаила?²¹⁵

Визит Йуханны ал-Асада в Болонью полутора годами раньше, пожалуй, был приятнее. В 1523 году Болонья, входившая тогда в состав Папского государства, процветала. Возможно, он заглянул в ее шелкоткацкие мастерские – это ремесло особенно интересовало его еще в Марокко, где его ввели в обиход беженцы из Гранады. Еще большее впечатление на него, наверно, произвел университет с его знаменитыми факультетами медицины и права. Он ходил посмотреть коллегия для учащихся из Испании, среди которых, возможно, были студенты из его родной Гранады, а может быть, прослушал несколько лекций²¹⁶. Философию в Болонье преподавал до своей смерти в 1524 году последователь Аристотеля Пьетро Помпонацци, который в 1516 году потряс ученый мир, заявив, что с помощью естественного разума невозможно доказать бессмертие души. В ходе возникшей полемики Помпонацци опубликовал еще два трактата, решительно отстаивая свою точку зрения аргументами разума и одновременно подтверждая свою искреннюю веру в учение церкви о воскресении и благодати, делающих бессмертие возможным. За много лет до этого Помпонацци преподавал философию Аристотеля Альберто Пио и с тех пор пользовался его покровительством и вниманием. Йуханна ал-Асад вполне мог узнать о Помпонацци, работая над рукописями Альберто Пио в Риме. В то же время он, возможно, слышал, как кардинал Эдигио критиковал нечестивые утверждения Помпонацци по поводу души и его «дерзкие» заявления, что человек не может установить при помощи разума, что Бог карает за грехи и вознаграждает добродетель в мире ином²¹⁷. Если Помпонацци произвел на Йуханну ал-Асада сколько-нибудь положительное впечатление, то последнему надлежало хранить это в тайне от своего крестного отца.

Самым важным из знакомств, завязанных в Болонье, оказалось знакомство с еврейским врачом и ученым переводчиком Якобом Мантино. Семья Якоба бен Самуэля бежала из Каталонии в Италию примерно тогда же, когда семья ал-Ваззана уехала из Гранады в Фес. После обучения медицине в Падуе (евреям разрешалось посещать лекции по медицине в итальянских университетах), Мантино открыл практику в Болонье, где имела крупная еврейская община: банкиры, торговцы, ученые, мастера шелкоткацкого производства, врачи и их семьи. Кроме

²¹³ The Koran Interpreted / Transl. by A. J. Arberry. 2 vols. New York, 1955. Vol. 1. P. 45.

²¹⁴ Monfasani J. Sermons of Giles of Viterbo. P. 185; Egidio da Viterbo. Sermon // Martin F. X. Friar, Reformer. P. 332.

²¹⁵ Вполне возможно, беседы с ал-Хасаном ал-Ваззаном повлияли на взгляды Эгидио в том отношении, что заставили его усилить критику в отношении Исмаила, сына Ибрагима. Дело в том, что Ибрагим и Исмаил – весьма важные персонажи в мусульманской доктрине. Коран объявляет их не только строителями Каабы, но и первыми мусульманами. В аяте 2: 131 в отношении Ибрагима употребляется глагол «покорился [Аллаху]» (*аслама*), а в аяте 2: 132 употребляется слово «покорившиеся [Аллаху]» (*муслимин*) в отношении его сыновей. Таким образом, ислам объявляется более древней религией по отношению к иудаизму и христианству, поскольку Ибрагим и Исмаил жили намного раньше Моисея и Иисуса (Муса и Иса в мусульманской традиции) (Прим. науч. ред.).

²¹⁶ CGA. F. 146v («el collegio di spagna che e in Bologna»); Ramusio. P. 168; Épaulard. P. 190; Malagola C. Monografie storiche sullo studio bolognese. Bologna, 1888. P. 182, 184, 190, 191: перечислено несколько испанских ректоров университета, причем все они были студентами Коллегии Испании в первые три десятилетия XVI века.

²¹⁷ Pietro Pomponazzi. On the Immortality of the Soul / Transl. by W. H. Hay II // Cassirer E., Kristeller P. O., Randall J. H. Jr. The Renaissance Philosophy of Man. Chicago, 1948. P. 257–381, см. там же: Randall J. H. Jr. Introduction; Schmitt Ch. Alberto Pio. P. 47–52, 59; O'Malley J. W. Giles of Viterbo. P. 41–48; Ruderman D. The World of a Renaissance Jew: The Life and Thought of Abraham ben Mordecai Farissol. Cincinnati, 1981, гл. 9. Якоб Мантино восхвалял Помпонацци в посвящении к своему латинскому переводу комментария Аверроэса в 1523 году и мог бы послужить еще одним источником, из которого Йуханна ал-Асад узнал об этом философе (Kaufmann D. Jacob Mantino. Une page de l'histoire de la Renaissance // Revue des études juives. 1893. Vol. 27. P. 223).

того, он начал переводить на латынь комментарии к Аристотелю, извлеченные из еврейских текстов, в особенности из переводов на иврит трудов знаменитого мусульманского философа и юриста Аверроэса (Ибн Рушда) из Кордовы. Как отметил Мантино в 1521 году в посвящении папе Льву X, многие труды Аристотеля сохранились только в переводах на иврит и в невнятных и «варварских» латинских переводах с арабского. А без хороших переводов Аверроэса на латынь невозможно постигать «божественный гений» Аристотеля²¹⁸. Йуханна ал-Асад, вероятно, согласился бы с этим, так как и сам считал комментарии Аверроэса к Аристотелю «превосходнейшими, выдающимися» (*praestantissimus, notissimus*) и взволнованно рассказывал Якобу бен Самуэлю, что посетил место первого захоронения Аверроэса (595/1198) в Марракеше²¹⁹.

Вероятно, именно по инициативе еврейского ученого установилась связь между ним и нашим факихом в Риме. Мантино уже давно мечтал научиться читать по-арабски, что проявилось в начале 1520-х годов в необычном проекте арабско-еврейско-латинского словаря, а также много лет спустя, во время путешествия в Дамаск. Его путь к знакомству с Йуханной ал-Асадом был краток: не только Лев X знал их обоих – а Мантино побывал в Риме в связи с изданием и представлением своей книги папе в 1521 году, – но и Альберто Пио довелось использовать один из переводов Мантино, а Эгидио да Витербо, хоть и не был согласен с еврейским ученым насчет ценности Аверроэса, считал его одним из «самых сведущих в древнееврейском языке» людей в Италии²²⁰.

Йуханна ал-Асад, по-видимому, обрадовался приглашению составить арабско-еврейско-латинский словарь вместе с Якобом бен Самуэлем. Переводческая практика долгое время была одним из его занятий в качестве дипломата, а также частью его повседневной жизни в Италии. Словарь должен был приобщить его к традициям научного перевода на арабский язык: они существовали во времена Аббасидского халифата в Багдаде IX века, когда переводили с греческого, о чем он писал с одобрением, а также, как он утверждал, с латыни в Кордовском халифате в X веке. Он вспоминал «с восхищением, какое множество сочинений видел переведенными с латыни [на арабский язык], сочинений, которых уже не найти нигде [в Европе] на латыни»²²¹.

²¹⁸ О евреях Болоньи см.: Ruderman D. Introduction // *Essential Papers on Jewish Culture in Renaissance and Baroque Italy* / Ed. by D. Ruderman. New York; London, 1992. P. 7, 8, 30; Banchi ebraici a Bologna nel XV secolo / A cura di M. G. Muzzarelli. Bologna, 1994; Kaufmann D. Jacob Mantino. P. 30–60, 207–238; на с. 220–223 см. посвящения Мантино к первым изданиям его латинских переводов Аверроэса с иврита, то есть к комментарию Аверроэса на труд Аристотеля «De Partibus et generatione animalium», посвященному Льву X (Рим, 1521), и к комментарию с резюме Аверроэса на «Метафизику» Аристотеля, посвященному Эрколе Гонзага, епископу Мантуи (Болонья, 1523). В целом о заслугах еврейских ученых в увековечении мысли Аверроэса см.: Iry A. L. Remnants of Jewish Averroism in the Renaissance // *Jewish Thought in the Sixteenth Century* / Ed. by B. D. Cooperman. Cambridge, 1983. P. 243–265; о роли Мантино см.: Burnett Ch. The Second Revelation of Arabic Philosophy and Science: 1492–1562 // *Islam and the Italian Renaissance* / Ed. by Ch. Burnett, A. Contadini. London, 1999. P. 192–198. О происхождении Мантино из Каталонии см.: Stow K. The Jews in Rome. 2 vols. Leiden, 1997. Vol. 1. P. 161, n. 415; Vol. 1. P. 162, n. 417.

²¹⁹ Biblioteca Medicea Laurenziana (Florence). MS Plut. 36.35. Al-Hasan al-Wazzan. De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes. F. 52v; De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes, per Johannem Leonem Afffricanum [sic] // Johann Heinrich Hottinger. Bibliothecarius Quadripartitus. P. 279. О погребении Ибн Рушда в Марракеше и последующем перезахоронении в Кордове см.: Hernández M. C. Abu-l-Walid ibn Rushd (Averroes): vida, obra, pensamiento, influencia. Córdoba, 1986. P. 37.

²²⁰ Kaufmann D. Jacob Mantino. P. 32–33, 56–57; O'Malley J. W. Giles of Viterbo 46–47; Schmitt Ch. Alberto Pio. P. 62, n. 66.

²²¹ Biblioteca Medicea Laurenziana. MS Plut. 36.35. Al-Hasan al-Wazzan. De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes. F. 31r–33r; De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes, per Johannem Leonem Afffricanum [sic] // Johann Heinrich Hottinger. Bibliothecarius Quadripartitus. P. 246–249; CGA. F. 36v; Ramusio. P. 59; Épaulard. P. 57. О переводах в арабском мире см.: Hitti Ph. K. History of the Arabs from the Earliest Times to the Present. 10th ed. New York, 1996. P. 310–315; Gutas D. Greek Thought, Arabic Culture: The Graeco-Arabic Translation Movement in Baghdad and Early Abbasid Society (2nd–4th/8th–10th Centuries). London, 1998. Переводы с латыни на арабский изучены гораздо слабее, но ученые обнаруживают все больше данных об этом в период Кордовского халифата и позднее: переводы римских хроник, сочинений Орозия и Исидора Севильского, древнеримских сочинений по сельскому хозяйству (Колумелла, Варрон), а также Библии и текстов по каноническому праву (последние в переводе мосарабов, арабизированных жителей Пиренейского полуострова, не перешедших в ислам). См.: Safran J. M. The Second Umayyad Caliphate. The Articulation of Caliphal Legitimacy in al-Andalus. Cambridge, 2000. P. 164–166; Bermejo J. V.

Участие в составлении межъязыкового словаря было бы для него увлекательным предприятием. В средневековой Испании христиане создали несколько арабско-латинских и арабско-испанских словарей, как, предположительно, и жившие там евреи составляли арабско-ивритские словари, но Мантино должен был бы сказать своему арабоязычному коллеге, какой редкостью были тогда такие рукописи в Италии²²². Йуханна ал-Асад хорошо знал о существовании в странах ислама многовековой традиция создания трудов по арабской лексикографии – в сущности, он как раз тогда знакомил Мантино с ал-Халилем ибн Ахмадом ал-Фарахиди, основавшим этот жанр в VIII веке. За то время, что он читал и странствовал, ему на глаза мог попасться также и арабско-персидский или арабско-турецкий словарь или список слов. Но вряд ли он когда-либо видел рукопись арабско-латинского или арабско-ивритско-латинского словаря²²³.

Получившаяся в результате рукопись представляет большой интерес, невзирая на то, что она не завершена. Йуханна ал-Асад написал все арабские колонки полностью: около 5500 слов – небольшое количество по сравнению с 60 тысячами слов в «Камусе», часто копируемом арабском словаре столетней давности, – но и оно требовало от неопытного составителя многих размышлений о том, что следует включить в словарь. Семантический охват значителен: предметы повседневности, институты, виды деятельности, глаголы действия, понятия, термины родства, названия животных и многое другое. Буквы были тщательно выписаны для удобства распознавания, арабские слова расположены в алфавитном порядке по начальной букве (не всегда по корню), а затем по порядку последующих букв. Это была не единственная система, принятая в арабских словарях, – например, в «Камусе» слова располагались по рифме, то есть по конечному звуку, – но Йуханна ал-Асад выбрал систему, лучше всего знакомую европейцам, следуя при этом особому порядку алфавита, который применялся в его время в Магрибе²²⁴.

Йуханна ал-Асад завершает рукопись арабским колофоном, подписанным обоими его именами, христианским и арабо-мусульманским. А вот колонки на иврите и на латыни обрываются рано: в словаре всего 170 словарных статей на иврите, написанных Мантино, и 438 записей на латыни, примерно половина из которых сделана Мантино, а остальные позднее другой рукой²²⁵. Я предполагаю, что Йуханну ал-Асада внезапно отозвали обратно в Рим – он подписал колофон в конце января 1524 года, – а принц Давид Рувимлянин прибыл в Рим в

Fuentes latinas de los geógrafos árabes // *Al-Andalus*. 1967. Vol. 32. P. 241–260; *Bolens L.* Agronomes andalous du Moyen-Âge. Genève, 1981. P. 34, 44–49; *Kassis H. E.* The Mozarabs // *The Literature of al-Andalus* / Ed. by M. R. Menocal, R. P. Scheindlin, M. Sells. Cambridge, 2000. P. 423–425. Йуханна ал-Асад рассказывает, что читал сочинение по сельскому хозяйству, «Сокровища земледельцев», переведенное с латинского языка на арабский в конце X в. (CGA. F. 36v).

²²² *Haywood J. A.* Arabic Lexicography. Its History, and its Place in the General History of Lexicography. Leiden, 1960. P. 128–129. Латинско-арабский глоссарий, составленный мосарабами в Испании в конце XII или начале XIII века, приобрел в XVI веке французский ориенталист Гийом Постель. См.: *Koningsveld P. van.* The Latin-Arabic Glossary of the Leiden University Library. Leiden, 1977. P. 1–6. Единственный арабско-латинский словарь, который встретился мне в итальянском собрании, – это рукопись рубежа XII–XIII веков из библиотеки Доминиканского монастыря во Флоренции. Две трети ее составляет латинско-арабский словарь и одну треть арабско-латинский (*Vocabulista in Arabico* / A cura di C. Schiaparelli. Firenze, 1871. P. XII–XXI). Очевидно, что ни одного такого словаря не было в библиотеке Ватикана во времена Мантино.

²²³ *Biblioteca Medicea Laurenziana.* MS Plut. 36.35: Al-Hasan al-Wazzan. De Arte Metrica Liber. F. 54r–55v: «El Chalil filius Hacmede el Farahidi»; *Codazzi A.* Il Trattato dell'Arte Metrica. P. 185–186. Об ал-Халиле см.: *Haywood J. A.* Arabic Lexicography, гл. 3–4; об арабско-персидских и арабско-турецких словарях см.: *Ibid.* P. 107, 118–119. Самым известным был арабско-персидский словарь аз-Замахшари (ум. 538/1144).

²²⁴ *Haywood J. A.* Arabic Lexicography, гл. 6–8. Аз-Замахшари составил свой арабский словарь в алфавитном порядке, но арабско-персидский словарь построил по тематическому принципу (*Ibid.* P. 105–106, 118–119). Словарь Йуханны ал-Асада начинается с буквы «алиф» и кончается буквой «йа», но между буквами «зай» и «ха» соблюдается порядок, принятый в Магрибе до XX века и отличный от существующего в восточной части исламского мира (я благодарю Хуари Туати за разъяснение по этому вопросу).

²²⁵ Словарные статьи на иврите заканчиваются на л. 6а. Латинские статьи написаны двумя разными почерками начала XVI века и кончаются на л. 13а. На листах, начиная с 12b до последнего листа 117b, встречается много записей на испанском языке несколькими более поздними почерками, вероятно, XVII века. О судьбе рукописи в 1540-х годах и в дальнейшем см. ниже в главе 9.

феврале, – и тогда у Мантино опустились руки, или он недостаточно знал арабский, чтобы продолжать. Тем не менее учтиво составленный колофон свидетельствует о хорошем настроении, с которым Йуханна ал-Асад выполнял свою часть работы для «учителя и умелого врача Якуба ибн Шамуна [так передано имя Самуил], достойного доверия израильянина, да сохранит его Бог в своей милости». Их словарь резко отличается от печатного испанско-арабского словаря, полностью набранного латиницей, составленного Педро де Алькала в 1505 году и посвященного первому архиепископу Гранады. Словарь Педро, вместе с его учебником арабской грамматики, призван был способствовать обращению тех, кто верил в «дьявольские заблуждения и ереси проклятых „Магома“»²²⁶. А «заслуживающий доверия израильянин» использовал бы словарь Йуханны ал-Асада для других целей – скажем, чтобы попытаться прочитать арабскую рукопись, если она попадет к нему в руки.

Есть и другие признаки обмена мыслями между этими двоими людьми. Оба интересовались великим персидским врачом и философом Авиценной или Ибн Синой. Йуханна ал-Асад писал о нем как о *raice* – «главе», или «предводителе», всех врачей и жаловался на латинских переводчиков, которые, «не зная грамматики арабского языка, не понимали его имен нарицательных». Мантино через несколько лет будет говорить об Авиценне точно так же – как о «первом по известности среди арабов в искусстве медицины» – и отмечать его «склонность к идиоматическим арабским выражениям, которые не так легко понимать людям латинского происхождения». Переводы трудов Авиценны на латынь были полны ошибок, и Мантино поспособствует их исправлению, переведя часть медицинского «Канона» Авиценны с иврита²²⁷.

В это время Мантино уже работал над латинским переводом «Восьми глав по этике» Моисея Бен Маймона (Маймонида) – этического трактата, опирающегося на Аристотеля и арабских философов, таких как ал-Фараби, а также на учения раввинов²²⁸. Йуханне ал-Асаду вскоре предстояло показать Моисея бен Маймона как великого еврейского врача, философа и богослова и составить рассказ – или, что более вероятно, почерпнуть его из какой-то смеси арабских и еврейских преданий – о Маймониде как ученике, а затем друге Аверроэса. Обвиненный в ереси в конце своей карьеры, как писал Йуханна ал-Асад, Аверроэс получил приказ альмохадского халифа ал-Мансура удалиться и жить с евреями Кордовы. После того как кордовские мальчишки забросали его камнями, когда он читал проповедь в мечети, Аверроэс бежал в Фес, где тогда укрывался его ученик Маймонид. Тот, опасаясь, что его станут допрашивать (поскольку они связаны друг с другом) и заставят открыть местопребывание Аверроэса, предпочел бежать со своей семьей и в конце концов добрался до Египта²²⁹.

²²⁶ Real Biblioteca del Escorial. Manuscritos árabes. MS 598. Al-Hasan al-Wazzan, Jacob Mantino et al. Arabic-Hebrew-Latin, Spanish dictionary. F. 117b–118a; *Pedro de Alcalá*. Arte para ligeramente saber la lengua araviga and Vocabulista aravigo en letra castellana. Granada, 1505. F. a 2r: «Prologo dirigido al reverendissimo señor don fray Hernando de Talavera primero arcobispo de Granada». Оценка этого текста лингвистом Ф. Коррьенте такова: «основной материал диалектный, хотя искажен многочисленными опечатками и плохим знанием языка у автора» (*Corriente F.* A Dictionary of Andalusí Arabic. Leiden, 1997. P. XIII).

²²⁷ Biblioteca Medicea Laurenziana. MS Plut. 36.35. Al-Hasan al-Wazzan. De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes. F. 37v; De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes, per Johannem Leonem Afffricanum [sic] // Johann Heinrich Hottinger. Bibliothecarius Quadripartitus. P. 256–257; Avicennae Arabis Medicorum... principis. Quarta fen, primi. De universali ratione medendi nunc primum M. Iacob. Mantini, medici hebraei, latinitate donata. Ettlingen, 1531 (первое изд.: Venezia, 1530). F. A 1r. Мантино одобрил исправленный перевод Андреа Альпаго, изданный в 1527 году, но отметил, что ошибки все же есть.

²²⁸ Kaufmann D. Jacob Mantino. P. 39, 223; Praefatio Rabi Moysis Maimonidis Cordubensis Hebraeorum doctissimi in aeditionem moralem seniorum massecheth Avot apud Hebraeos nuncupatam octoque amplectens capita eximio artium et medicinae doctore M. Jakob Mantino medico hebraeo interprete (1526); Ethical Writings of Maimonides / Ed. by R. L. Weiss, C. Butterworth. New York, 1975. P. 11–16, 59–104.

²²⁹ Эта история составлена из написанного Йуханной ал-Асадом портрета Аверроэса (Ибн Рушда) (Biblioteca Medicea Laurenziana. MS Plut. 36.35. Al-Hasan al-Wazzan. De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes. F. 50r–51r и De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes, per Johannem Leonem Afffricanum [sic] // Johann Heinrich Hottinger. Bibliothecarius Quadripartitus. P. 276–277) и его же портрета Маймонида (MS Plut. 36.35. F. 66v–67r; De quibusdam Viris Illustribus apud Hebraeos per Joannem Leonem Africanum // Johann Heinrich Hottinger. Bibliothecarius Quadripartitus. P. 288). Он называет два источника своей биографии Ибн

Современные нам ученые не обнаружили никакой личной связи между Маймонидом и Аверроэсом. Маймонид впервые упоминает Аверроэса только в 586/1190 году в письме из Каира. Он пишет, что недавно получил все книги Аверроэса об Аристотеле и нашел их «чрезвычайно правильными». Оба они страдали от преследований со стороны Альмохадов, но отец Маймонида перевез семью в Фес, а сам Маймонид уехал из этого города в Каир за несколько десятков лет до 590/1194 года, когда Аверроэс был на время отлучен от милости халифа ал-Мансура²³⁰. Тем не менее в мыслях этих двух философов, родившихся в Кордове с разницей в тридцать лет, так много параллелей и общих источников, что неудивительно, если средневековые читатели воображали, будто еврей учился непосредственно у мусульманина. Более того, дом в Фесе, в котором Маймонид прожил несколько лет в юности и написал свой первый труд, стал чем-то вроде святилища. Вокруг такого места легко могла возникнуть легенда, в которой пересекались жизни разных людей – особенно если кто-то имел смутное представление о хронологии²³¹. В непринужденной атмосфере дома Мантино, где не замышлялись никакие обращения и крестовые походы, Йуханна ал-Асад мог охотно представить хозяину эту связь между мусульманином и евреем.

Мантино предстояло также выполнить перевод комментария Аверроэса к «Поэтике» Аристотеля – текста, все сильнее интересовавшего итальянских риториков. И здесь Йуханне ал-Асаду было что ему предложить. В юности Аверроэс написал много стихотворений, некоторые из них были наполнены нравственными примерами, другие были о любви, но затем в старости он приказал их сжечь. К счастью, два стихотворения были спасены, и он, Йуханна ал-Асад, мог прочесть наизусть несколько строк: «Ибо юношей я не владел собой, а когда время наградило меня лысиной и старостью, я владел собой. О, если бы я родился старым!»²³²

Хотя в современной науке Аверроэс известен тем, что писал о стихах, а не сочинял их, рассказ Йуханны ал-Асада правдоподобен, особенно если вспомнить, с какой готовностью носители арабского языка в те столетия переходили от прозы к поэзии. В любом случае такая история, наверно, развлекла Мантино, когда он исследовал, как Аверроэс оценивал разнообразные жанры арабской поэзии: молодежь следует предостерегать от любовных стихов, склоняющих людей к греховным и запретным действиям, а слушать ей следует те стихи, которые примерами призывают к мужеству и славе²³³.

Подобные беседы вдохновили на создание книги и Йуханну ал-Асада – речь идет о трактате по арабской грамматике и арабской поэтической метрике. Уезжая из Болоньи в Рим, он либо отдал экземпляр этой рукописи Якобу Мантино, либо пообещал однажды прислать ее, что, несомненно, пригодились бы для всех дальнейших ученых занятий «достойного доверия

Рушда: Абд ал-Вахида ал-Марракаши из Марракеша и Ибн ал-Аббара (XIII век) из Валенсии, но не указывает, где именно он почерпнул эти неточные сведения о связи между Ибн Рушдом и Маймонидом.

²³⁰ Йакуб ал-Мансур (1184–1199) – халиф из династии Альмохадов, при котором их государство достигло вершины своего могущества (*Прим. науч. ред.*).

²³¹ Letter to Joseph // *Ethical Writings of Maimonides*. P. 123, 127, n. 71; *Munk S. Mélanges de philosophie juive et arabe*. Paris, 1927. P. 425, 487; *Hernández M. C. Abu-l-Walid ibn Rushd*. P. 251; *Fakhry M. Averroës (Ibn Rushd). His Life, Works and Influence*. Oxford, 2001. P. 132; *Mezzine M. Journée d'un Juif à Fes // Le Maroc andalou*. P. 136–137.

²³² Biblioteca Medicea Laurenziana. MS Plut. 36.35. Al-Hasan al-Wazzan. De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes. F. 51v–52r; De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes, per Johannem Leonem Afffricanum [*sic*] // Johann Heinrich Hottinger. *Bibliothecarius Quadripartitus*. P. 278–279; *Averois Cordubensis Paraphrasis in Librum Poeticae Aristotelis, Iacob Mantino Hispano Hebraeo, Medico interprete // Aristotle. Omnia quae extant Opera*. 11 vols. Venice, 1550–1552. Vol. 2. F. 89r–94r. О новом интересе к «Поэтике» среди итальянских ученых см.: *Cochrane E. Italy 1530–1630 / Ed. by J. Kirshner*. London; New York, 1988. P. 210–211.

²³³ *Averois Cordubensis Paraphrasis in Librum Poeticae*, гл. 2. F. 89v. В 1539 году Мантино опубликовал свой латинский перевод изложения и комментария Аристотеля к «Государству» Платона, сделанный, как всегда, с хорошего перевода на еврейский. Здесь Аверроэс также говорит о ценности поэзии для воспитания юношества, но предостерегает от «выражений, возбуждающих сладострастие... которые часты в арабских стихах» (*Averois Paraphrasis Super libros de Republica Platonis, nunc primum latinitate donata, Iacob Mantino Medico Hebraeo Interprete*. Rome, 1539. F. B5r, B8v).

израильянина»²³⁴. Эта книга к тому же представляла собой нечто новое в жизни Йуханны ал-Асада, некогда известного как ал-Хасан ибн Мухаммад ал-Ваззан. Пребывание в доме у еврейского врача утвердило североафриканского факиха в тяге к творчеству, проявившейся в его итальянские годы: стать не только переписчиком, не только комментатором, не только переводчиком, но и самостоятельным автором.

²³⁴ Йуханна ал-Асад упоминает текст по арабскому искусству метрики как часть своего труда по арабской грамматике («la Arte metrica arabica», «la grammatica arabica») в: CGA. F. 178r (Ramusio. P. 194; Épaulard. P. 219). Рамузио говорит в своем посвящении к итальянскому изданию, что рукопись находилась во владении Мантино: *Primo volume et Seconda editione delle Navigationi et Viaggi... nella quale si contengono La Descriptione dell'Africa / A cura di G. B. Ramusio. Venezia, 1554. F. *iiir; Ramusio. P. 6; Levi Della Vida G. Ricerche sulla formazione. P. 311, 313, 321. О том, насколько «заслуживают доверия» некоторые евреи и христиане, см.: Коран 3: 75.*

Глава 3

Сочинительство в Италии

Через два года после того, как Йуханна ал-Асад пообещал Якобу Мантино копию своего трактата по арабской грамматике и просодии, он мог назвать себя автором еще четырех произведений. Он заканчивал большую книгу по географии и космографии Африки и на ее страницах часто находил повод, чтобы отослать читателей к другим своим сочинениям. Уже была написана его книга по истории, «Сокращение мусульманских хроник». Существовал также труд «Вера и закон Мухаммада в соответствии с маликитской школой права». И еще был готов сборник биографий – жизнеописания арабских ученых²³⁵.

В каждом из этих произведений отразилась жизнь Йуханны ал-Асада по обе стороны Средиземного моря. С одной стороны, каждое из них представляло один из традиционных, твердо установившихся жанров арабской литературы, включая сокращенное изложение (*muhtasar*) более ранних исторических сочинений²³⁶, и когда корсары схватили ал-Хасана ал-Ваззана, в его дорожных сумках, возможно, лежали заметки по некоторым из сюжетов будущих работ. Куда бы он ни направился, он всюду оставался поэтом и разборчивым слушателем стихов; так почему бы ему не набрасывать по пути заметки о стихосложении? Во время путешествий его дважды упростили выступить в роли кади; отчего бы ему не возить с собой для памяти какие-нибудь выписки по маликитскому законоведению?

С другой стороны, эти книги должны были служить европейским читателям первым знакомством с миром ислама. Взглянем на трактат об арабской метрике, который дошел до нас в копии «с оригинала», сделанной в 1527 году переписчиком с характерным почерком итальянского гуманиста²³⁷. Она написана на латыни, хотя и с некоторыми ошибками, показывающими, что ее автор еще не полностью овладел этим языком. (Переписчики копировали тексты буквально, вместе с ошибками и тому подобным.) Книга начинается с представления читателю «богобоязненного и набожного» ал-Халила ал-Фарахида, разработчика искусства арабского метрического стихосложения, а также основоположника арабской лексикографии. Йуханна ал-Асад рассказывает известное предание об ал-Халиле, гласящее, что однажды брат застал его у них дома бормочущим бессмысленные слоги и бросился на улицу, крича, что ал-Халил сошел с ума. На самом деле это были ритмические слова, с помощью которых ал-Халил кодировал свои модели стихотворных размеров, и Йуханна ал-Асад использует их далее на протяжении всего своего текста²³⁸.

²³⁵ «La brevità de le croniche mucametani», цит. по: CGA. F. 49r, 54v, 62v, 70v, 74v, 335r (Ramusio. P. 73, 80, 87, 96, 100, 333; Épaulard. P. 76, 82, 92, 103, 108, 396). «Operino in la fede et lege di Mucametto secondo la Religion di Malichi», цит. по: CGA. F. 27v, 418v (Ramusio. P. 50, 415; Épaulard. P. 47, 518). «Le Vite de li Philosophi arabi», цит. по: CGA. F. 186r (Ramusio. P. 201; Épaulard. P. 226). Кроме того, Йуханна ал-Асад, кажется, думал присоединить трактаты по грамматике и метрике, краткое изложение мусульманских хроник и жизнеописания выдающихся людей к своей рукописи об Африке, но в имеющейся рукописи MS V. E. 953 (Biblioteca Nazionale Centrale, Rome) это не было сделано.

²³⁶ Robinson C. F. *Islamic Historiography*. Cambridge, 2003. P. XII, 7, 178.

²³⁷ Четырнадцать страниц, составляющих сочинение «De Arte Metrica Liber», вплетены в рукопись MS. Plut. 36.35 (Biblioteca Medicea Laurenziana), где они внезапно вклиниваются в сочинение «De Viris quibusdam Illustribus». Колофон с датой 1527 год помещен в конце текста сочинения «De quibusdam Viris Illustribus apud Hebraeos», но так как оно написано одной рукой с «De Arte Metrica Liber» и «De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes», то корректно предположить, что они переписаны в одно время.

²³⁸ De Arte Metrica Liber. F. 54r–v; Codazzi A. Il Trattato dell'Arte Metrica. P. 185–186. Йуханна ал-Асад вспоминал страницы, посвященные ал-Халилу в хорошо известном биографическом словаре грамматистов аз-Зубайди (ум. 378–79/989). Аз-Зубайди и другие источники говорят, что ал-Халиля застал декламирующим бессмысленные, но размеренные слоги его сын, хотя Йуханне ал-Асаду запомнилось, что это был его брат (Haywood J. A. *Arabic Lexicography*. P. 21; Codazzi A. Il Trattato dell'Arte Metrica. P. 186, n. 1).

Йуханна ал-Асад перевел для читателей несколько стихов ал-Халила на латынь. «Я доволен своим небольшим наследством», — написал ученый, отказываясь покинуть родную Басру, чтобы поступить на службу к некоему важному правителю в Аравии. «Если вы гонитесь за удачей, вы не приблизитесь к ней; если вы повернетесь к ней спиной, удача погонится за вами»²³⁹. Возможно, Йуханна ал-Асад, вспоминая эти слова ал-Халила, думал о своих собственных, столь различных, вариантах жизненного выбора.

Далее Йуханна ал-Асад объясняет девять видов арабских метрических стоп, сравнивая их, когда это удобно, с латинскими спондеями и дактилями, и указывает на различие долгих и кратких слогов. Очевидно, что он добился больших успехов в изучении европейских форм стихосложения. Затем следуют семь метрических моделей, присущих разным видам стихотворений, начиная с одного из его любимых, длинного стихотворного размера *ат-тавил*. Он приводит примеры арабских метров в транскрипции латинскими буквами и цитирует стих Кааба ибн Зухайра. Он «наш арабский поэт» — объясняет Йуханна ал-Асад, умолчав, что Кааб был доисламским поэтом, который писал стихи, направленные против Пророка, а потом объявил, что склоняется перед ним, в знаменитой оде, из которой приведена одна строка — «лишь как сито держится на воде». Переписчик оставлял в рукописи место для вставки отдельных слов на арабском языке, но в этой копии Йуханна ал-Асад заполнил только два из них²⁴⁰.

Его сочинение, безусловно, могло дать европейскому читателю начальное представление о принципах арабской просодии — об этом предмете средневековым ученым была доступна лишь скудная информация. Но изложен он более сжато, чем автор написал бы для арабских читателей, которым он мог бы предложить рассмотрение альтернативных (и нередко весьма важных) подходов к просодии, отличных от взглядов ал-Халила. И он мог бы привести гораздо больше примеров, расширить рассмотрение вопросов метрики и затронуть ее связи с метафорой и жанром, как в арабском трактате Таалаба о поэзии (IX век), который Йуханна ал-Асад брал в Ватиканской библиотеке через некоторое время после своего крещения²⁴¹.

Рассмотрим также его биографии выдающихся ученых. Перед нами вновь рукопись на латыни, скопированная переписчиком «с оригинала» в 1527 года, под названием «De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes» («О мужах, считавшихся знаменитыми среди арабов»), с дополнительным разделом «De quibusdam Viris Illustribus apud Hebraeos» («О мужах, считавшихся знаменитыми среди евреев»). Судя по названию, автор перевел с арабского языка свое собственное сочинение («ex mea lingua maternam traductis»), которое относится к жанру *таба-кат*, биографических сборников, любимых арабскими и исламскими учеными на протяжении веков. В этих сборниках группировали их героев по какому-либо критерию — скажем, по роду занятий или месту происхождения — и оценивали, надежны ли они и достойны ли доверия как передатчики знаний из прошлого и как авторы, пополнившие эти знания своим вкладом. Поэтому каждая статья по возможности должна была содержать полное имя субъекта со всеми

²³⁹ De Arte Metrica Liber. F. 55r; Codazzi A. Il Trattato dell'Arte Metrica. P. 187.

²⁴⁰ De Arte Metrica Liber. P. 58r, 60r; Codazzi A. Il Trattato dell'Arte Metrica. P. 191, 195; Ka'b ibn Zuhayr. The Mantle Ode // Selections from Akhbar Majnun Banu 'Amr and Ka'b ibn Zuhair / Transl. by A. Wormhoudt. Oskaloosa, 1975. Li. 10. Пророк был так тронут стихами Ибн Зухайра, что набросил свой плащ на плечи поэта; отсюда название оды — «Касыда плаща». Йуханна ал-Асад цитирует также доисламского поэта ан-Набига ад-Дубайни, но эти строки также фактически принадлежат Ибн Зухайру. De Arte Metrica Liber. P. 60r; Codazzi A. Il Trattato dell'Arte Metrica. P. 195, n. 1.

²⁴¹ О знакомстве европейцев с арабской поэзией и просодией в позднем Средневековье см.: Burnett Ch. Learned Knowledge of Arabic Poetry, Rhymed Prose and Didactic Verse, from Petrus Alfonsi to Petrarch // In the Middle Ages: A Festschrift for Peter Dronke / Ed. by J. Marenbon. Leiden, 2001. P. 29–62; Levi Della Vida G. Ricerche sulla formazione. P. 102; Trabulsi A. La critique poétique, гл. 3–4, особенно: P. 171–177, о просодии. Текст рукописи «De Arte Metrica Liber» неполон, но, судя по нему, Йуханна ал-Асад, видимо, ограничился вопросами метрики, не переходя к рассмотрению жанров.

вытекающими из него данными о его предках и месте происхождения; имена тех, у кого он учился или приобретал достойные навыки; информацию о его путешествиях, контактах и степени известности его трудов, а также об источниках, на которых основаны данные, приведенные биографом. (В некоторые сборники также включались женщины, известные святостью или ученостью²⁴².)

«Знаменитые мужи» Йуханны ал-Асада обладают несколькими из характерных особенностей жанра табакат. Это собрание биографий невелико по сравнению со словарями сотен и даже тысяч имен, составлявшимися в мире ислама: в него попали только двадцать восемь человек из числа арабов, включая троих христиан – несториан и яковитов, а также пятеро из числа евреев²⁴³. При этом жизнеописания, расположенные в хронологическом порядке, охватывают некоторые традиционные аспекты: географическое и семейное происхождение, род занятий, труды, истории из жизни и цитаты; кроме того, в них часто приводятся имена и мнения предыдущих биографов. Большинство этих людей – врачи и философы, некоторые занимались богословием, астрономией, географией или юриспруденцией, и многие из них писали стихи, как и следует ожидать от людей с утонченным владением арабским языком. Так, из наследия философа ал-Фараби Йуханна ал-Асад вспоминает две стихотворные строки, которые написаны в рукописи по-арабски его собственной рукой, а также даны в латинском переводе:

Простой хлеб, колодезная вода и шерстяная одежда в спокойствии
Лучше чрезмерных удовольствий, кончающихся раскаянием²⁴⁴.

Повествуя о христианине-якобите Масавайхе ал-Маридини, враче, практиковавшем в Каире в XI веке, и авторе книг о лекарствах и целебных сиропах, он рассказывает историю про крестьянина, который пришел к нему с жалобой на боль в пенисе. Крестьянин признался, что применял свой мужской член нешаблонным образом, вставляя в задний проход осла. Ал-Маридини грубо ударил мужчину по пенису, заставив извергнуть какую-то странную жидкость, и отправил его домой, облегчив ему боль и предупредив: «Не суй свой член в отверстие собственного зада»²⁴⁵.

²⁴² Biblioteca Medicea Laurenziana. MS Plut. 36.35. Al-Hasan al-Wazzan. De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes. F. 31r; De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes, per Johannem Leonem Afffricanum [sic] // Johann Heinrich Hottinger. Bibliothecarius Quadripartitus. P. 246; MS Plut. 36.35. De quibusdam Viris Illustribus apud Hebraeos. F. 65v; De quibusdam Viris Illustribus apud Hebraeos per Joannem Leonem Africanum // Johann Heinrich Hottinger. Bibliothecarius Quadripartitus. P. 291. О жанре сборников биографий, или *табакат*, см.: Al-Qadi W. Biographical Dictionaries: Inner Structures and Cultural Significance // The Book in the Islamic World: The Written Word and Communication in the Middle East / Ed. by G. N. Atiyeh. Albany, 1995. P. 93–122; Robinson C. F. Islamic Historiography. P. 66–74; Interpreting the Self: Autobiography in the Arabic Literary Tradition / Ed. by D. F. Reynolds. Berkeley; Los Angeles, 2001. P. 40–43, 64–66. О включении жизнеописаний женщин в некоторые сборники биографий: Interpreting the Self. P. 40; Women in Islam and the Middle East. A Reader / Ed. by R. Roded. London; New York, 1999. P. 132–133.

²⁴³ Я пишу о двадцати восьми мужах среди арабов, хотя в рукописи присутствует всего двадцать пять биографических статей. Это потому, что конец одного жизнеописания и начало другого были вырезаны на том месте, где сочинение «De Arte Metrica Liber» вставили в «De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes» (F. 53v, 62r), а потом листы с этими двумя жизнеописаниями и вовсе потерялись, пока рукопись переплетали. На л. 53r Йуханна ал-Асад начинает биографию «Ibnu El Chathib Rasi», то есть исламского философа-вольномудца Фахр ад-Дина ар-Рази, известного также как Ибн ал-Хатиб и Хатиб ар-Райи (544/1149–606/1210). После разрыва в рукописи текст продолжается на л. 62r, где идет речь про последние годы и труды Лисан ад-Дина ибн ал-Хатиба (ум. 776/1374), выдающегося андалусского и магрибского эрудита и политика. Мы узнаём, кому принадлежат две недостающие биографии, из перечня в конце рукописи (л. 69r–v): это Ибн ал-Банна, математик XIII века, рожденный в Марракеше, и Ибн Худайл, придворный Насридских султанов Гранады XIV века, автор трактатов о военном деле, джихаде и верховой езде (Arié R. L'Espagne musulmane. P. 229, 245–252, 430, 437).

²⁴⁴ Biblioteca Medicea Laurenziana. MS Plut. 36.35. Al-Hasan al-Wazzan. De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes. F. 35v (есть вставка на арабском языке); De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes, per Johannem Leonem Afffricanum [sic] // Johann Heinrich Hottinger. Bibliothecarius Quadripartitus. P. 253 (арабский текст пропущен). См.: Abu Nasr al-Farabi. Aphorismes choisis / Trad. par S. Mestiri, G. Dye. Paris, 2003. P. 53–54. Арабский почерк, которым написаны эти стихи, очень напоминает руку Йуханны ал-Асада в арабско-еврейско-латинском словаре.

²⁴⁵ Biblioteca Medicea Laurenziana. MS Plut. 36.35. Al-Hasan al-Wazzan. De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes. F. 40v–

Появление столь нескромной истории в биографическом сборнике не было чем-то исключительным. Знаменитый биограф XIII века Ибн Халликан записал шуточный обмен стихами между багдадским врачом – ученым переводчиком и вазиром, состоявшийся ночью, когда последнему пришлось принять слабительное²⁴⁶.

В то же время сочинение «*De Viris Illustribus*» отмечено следами лет, прожитых Йуханной ал-Асадом в Италии, и показывает, что он рассчитывает на европейскую аудиторию. Так, учителя или ученики его арабских светил упоминаются лишь в нескольких случаях, а полный список приводится только для Ибн Рушда (Аверроэса). Дело в том, что у мусульман такая информация считалась необходимой для подтверждения надежности человека, передающего богословскую, юридическую или философскую традицию. В Северной Африке автор сделал бы все возможное, чтобы узнать или вспомнить *иснад* ученого, то есть поместить его, по возможности, в цепь передатчиков. В Европе он едва ли давал себе труд составить такую цепь: европейским читателям он мог просто объявить, что ученый был «*maximus Philosophus*» – великий философ, или «*singularissimus*» – редчайший – из медиков, или философов, или богословов, а то и «*doctus*» – сведущий во всех науках²⁴⁷. Далее, среди множества ценных и надежных данных о героях Йуханны ал-Асада встречаются ошибки в датах (всегда приводимых в мусульманской форме), местах, событиях и титулах, или, лучше сказать, это неточности, отступления от тех данных, которые он, вероятно, почерпнул из текстов и устной передачи в Северной Африке. Отчасти такие упущения объяснимы: что-то могло ускользнуть из памяти, а навести справки было негде, ведь арабские биографические словари, в которые он заглянул бы в библиотеке медресе, не удалось бы найти ни в библиотеке Ватикана, ни в собраниях Альберто Пио или Эгидио да Витербо²⁴⁸.

Однако отчасти эти отклонения от истины возникали в результате некоего хранимого в секрете изобретения, к которому не раз прибегал наш странник между мирами. Возьмем, к примеру, то, что он пишет о великом враче и философе Абу Бакре ар-Рази. Некоторые труды ар-Рази по медицине и алхимии стали к тому времени уже доступными в Европе в латинских переводах, но о его жизни было известно очень мало. Йуханна ал-Асад начинает с сообщения о том, что ар-Рази родился в Персии в IX веке, а учился и практиковал в Багдаде, как написано в общепризнанных биографиях Ибн Халликана и других авторов. Но из Багдада Йуханна ал-Асад отправляет ар-Рази в Каир, где внезапно, благодаря своей славе, тот получает при-

41v. Йуханна ал-Асад называет его именем, принятым в латинском варианте, – Месуа; Масавайх ал-Маридини был известен как Месуа Младший. Йуханна правильно вспомнил, что он практиковал при дворе фатимидского халифа ал-Хакима, но указал в качестве даты смерти 496/1102–1103 год вместо 406/1015 года (*Hitti Ph. K. History of the Arabs*. P. 311, n. 7). В издании: *De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes, per Johannem Leonem Affricanum [sic]* // Johann Heinrich Hottinger. *Bibliothecarius Quadripartitus*. P. 262 опущена история про пенис.

²⁴⁶ *Ibn Khallikan*. *Biographical Dictionary* / Transl. by Mac Guckin de Slane. 4 vols. 1842–1872; repr., New York; London, 1961. Vol. 1. P. 187–189: Исхак ибн Хунайн (IX век). В записи об Ибн Сине (Авиценне) Ибн Халликан откровенно высказывается о его «крайней приверженности к сексуальным наслаждениям», которым тот предавался, даже тяжело болев дизентерией (*Ibid*. Vol. 1. P. 440–446).

²⁴⁷ *Biblioteca Medicea Laurenziana*. MS Plut. 36.35. Al-Hasan al-Wazzan. *De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes*. F. 33r–33v, 35v, 41v, 47r, 48r–v; *De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes, per Johannem Leonem Affricanum [sic]* // Johann Heinrich Hottinger. *Bibliothecarius Quadripartitus*. P. 249, 251, 254, 262, 271–273. Об иснаде см.: *Interpreting the Self*. P. 3–4, 37–38, 41–43; *Robinson C. F. Islamic Historiography*. P. 15–16; более пространное рассмотрение ниже в главе 8.

²⁴⁸ В числе многих тому примеров у Йуханны ал-Асада географ ал-Идриси оказался при дворе Рожера I Сицилийского, то есть попал туда на пятьдесят с лишним лет раньше, чем в действительности, когда Рожер II поручил ему составить описание местностей и свойств известного тогда мира (548/1154). Ал-Идриси указал даты в прологе своего географического сочинения – книги, которой Йуханна ал-Асад восхищался и которую тщательно описал. См.: *Biblioteca Medicea Laurenziana*. MS Plut. 36.35. Al-Hasan al-Wazzan. *De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes*. F. 45r–v; *De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes, per Johannem Leonem Affricanum [sic]* // Johann Heinrich Hottinger. *Bibliothecarius Quadripartitus*. P. 267–268; *Al-Idrisi*. *La Première géographie*. P. 14–19, 62. В библиотеке Ватикана числится только один биографический словарь на арабском языке. Он посвящен тунисским суфиям и попал в ватиканское собрание лишь после 1569 года (*Levi Della Vida G. Ricerche sulla formazione*. P. 279). Бернхаймер не отмечает наличия какого-либо арабского биографического словаря в каталоге собрания Альберто Пио, а судя по тому, что нам известно о библиотеке Эгидио да Витербо, в ней тоже не было ничего подобного.

глашение от ал-Мансура, *хаджиба* (главы государственного аппарата) и фактического правителя Кордовского халифата Омейядов²⁴⁹. Ар-Рази переезжает на запад, чтобы занять видное и выгодное положение в центре мусульманского ал-Андалуса. Там он пишет свой обширный медицинский трактат «Китаб ал-Мансури» («Книга ал-Мансура») и проводит остаток жизни. Ссылаясь на хрониста XI века Ибн Хаййана, Йуханна ал-Асад сообщает об интересном разговоре между ал-Мансуром и ар-Рази: первый считает, будто этот врач воскресил из мертвых одного человека, а ар-Рази объясняет, что совершить такое может только Аллах, а его исцеления происходят благодаря опыту в медицине²⁵⁰.

Ученый из исламского мира был бы удивлен, прочитав это жизнеописание, ибо, согласно существующим биографиям ар-Рази, он никогда не бывал намного западнее Багдада, свою знаменитую книгу посвятил персидскому шаху Мансуру ас-Самани, а умер в своем родном городе Рей. К тому же, когда настоящий ал-Мансур Кордовский находился у власти, ученый врач ар-Рази уже лет пятьдесят лежал в могиле. Зато был еще «западный» ар-Рази – локальный историк, некий Иса ар-Рази, чьей работой было прославлять в своих сочинениях правителя Кордовы; в связи с этим упоминал его Ибн Хаййан. Безусловно, Ибн Халликан задавался вопросом, какому Мансуру посвящена «Книга ал-Мансура», но он выбирал из двоих персидских властителей (Имя ал-Мансур, что означает «победоносный [по милости Божьей]», было принято довольно многими правителями). В итоге Ибн Халликан закончил стандартной исламской формулой, применяемой, когда доказательства сомнительны: «А Аллах лучше знает, какое из этих утверждений истинно»²⁵¹.

Йуханна ал-Асад никогда не использует такую формулу в своих жизнеописаниях, которые представляет европейским читателям без колебаний по поводу их правильности. В случае с ар-Рази он или многое перезабыл, или изначально обладал скудной информацией, а потому просто свел жизни двух людей в одну интересную биографию и приписал ее настоящему историку. А может быть, если Якоб Мантино рассказывал ему о многочисленных изданиях «*Liber Almansoris*» – «Книги ал-Мансура», недавно вышедших в Венеции, Болонье и Павии, то Йуханна ал-Асад мог захотеть перенести часть медицинской славы ар-Рази в мусульманский ал-Андалус своих предков²⁵².

Йуханна ал-Асад создавал яркие портреты ученых людей, иногда хорошо обоснованные сведениями, сохраненными в памяти, и теми заметками, которые он привез с собой в Италию, а иногда импровизированные, приблизительные или просто выдуманные. Но хотя в жизнеописаниях смешивались сведения, в которые он верил как в факт, со сведениями, заведомо вымышленными, они открывали европейцам целый мир арабской гуманитарной науки, пополняя их

²⁴⁹ Н. Земон Дэвис переводит должность Мухаммада ибн Абдаллаха ибн Аби Амир, позже получившего титул ал-Мансура, как «камергер» (*chamberlain*). В Омейядском и Аббасидском халифате хаджибы действительно были в первую очередь придворными чинами, заведовавшими церемониалом. Первый министр, глава государственного аппарата, назывался *вазир*. Однако в Кордовском халифате хаджибы фактически стали первыми министрами, оттеснив на второй план вазиров (*Прим. науч. ред.*).

²⁵⁰ Biblioteca Medicea Laurenziana. MS Plut. 36.35. Al-Hasan al-Wazzan. De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes. F. 35v–36v; De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes, per Johannem Leonem Affricanum [*sic*] // Johann Heinrich Hottinger. Bibliothecarius Quadripartitus. P. 253–255.

²⁵¹ *Ibn Khallikan*. Biographical Dictionary. Vol. 3. P. 311–314; *Al-Nadim*. The Fihrist of al-Nadim: A Tenth-Century Survey of Muslim Culture / Transl. by B. Dodge. 2 vols. New York; London, 1970. P. 701–709, 704, n. 169; *Robinson C. F.* Islamic Historiography. P. 144. О Мухаммаде ибн Аби Амуре ал-Мансуре (ум. 392/1002), *хаджибе* Кордовы, правившем халифатом Омейядов, и о кордовских историках Исе ибн Ахмаде ар-Рази (ум. 379/989) и Ибн Хаййане (ум. 469/1076) см.: *Safran J. M.* The Second Umayyad Caliphate, гл. 3, 5. Ибн Хаййан почерпнул многое для своего сочинения из хроники Исы ар-Рази, и эта связь двух имен, наверно, стала причиной фантастического соединения людей у Йуханны ал-Асада.

²⁵² В Каталоге коротких названий Британской библиотеки значатся девять полных или частичных изданий «*Liber Almansoris*», напечатанных в Венеции с 1476 по 1508 год. Каталог Национальной медицинской библиотеки содержит еще двенадцать изданий либо отдельными книгами, либо в составе сборников медицинских трактатов, выходивших в Италии с 1508 по 1524 год – девять в Венеции, два в Павии и один в Болонье времен Якоба Мантино (*A Catalogue of Sixteenth Century Printed Books in the National Library of Medicine / Ed. by R. Durling. Bethesda, 1967. P. 422–430*).

скудные знания, скажем, о философе-богослове ал-Газали и знакомя с неизвестными учеными. Они могли теперь узнать об ат-Туграи, описанном в «Знаменитых мужах» как алхимик, поэт и историк Персии (ум. ок. 515/1121). Они могли прочитать о выдающемся Лисан ад-Дине ибн ал-Хатибе (ум. 776/1374), представленном здесь как историк, поэт, врач, философ и высокопоставленный политический деятель Гранадского эмирата. Письма Ибн ал-Хатиба, написанные рифмованной прозой, славились совершенным стилем и хранились во многих юридических библиотеках в Фесе и других местах²⁵³.

Далее, благодаря тому что «Знаменитые мужи» представляли европейским читателям незнакомый им исламский и арабский жанр *табакаат*, вместе с некоторыми, если не со всеми его литературными традициями, они могли видеть, как мусульманские ученые использовали цитаты и знакомились с именами биографов: «Ибн Джулджул, летописец, рассказывал в „Жизнеописаниях философов“, что многие принцы Азии посылали за [ал-Фараби], приглашая его приехать к их дворам, обещая деньги и стипендии»; «Ибн ал-Аббар... историк Испании... говорил, что Аверроэса спросили, как он чувствовал себя в период его преследований. Он ответил, что чувствовал себя вместе и довольным, и презираемым». Конечно, некоторые ссылки у Йуханны ал-Асада являются поддельными. Так, приписанного им Ибн Халликану предания об Авиценне (Ибн Сина), который якобы оправдывался в том, что у его мула серебряная упряжь, а не железная, нет на страницах Ибн Халликана²⁵⁴. Но формы *табакаат* соблюдаются, и европейские читатели могут узнать, как мусульманские ученые записывали разговоры и остроумные высказывания. И, подобно арабско-еврейско-латинскому словарю, жизнеописания были составлены без учета религиозных разногласий, так что мусульмане разных богословских школ, христиане и евреи сосуществовали здесь в единых научных рамках. Экземпляр рукописи, по-видимому, побывал в руках Эгидио да Витербо, и интересно, что думал о ней кардинал²⁵⁵.

Какую бы радость или разочарование ни испытывал Йуханна ал-Асад при написании этих небольших произведений, они меркнут по сравнению с тем, что он, должно быть, чувствовал, когда писал великую книгу своих итальянских лет: «Libro de la Cosmographia et Geographia de

²⁵³ Biblioteca Medicea Laurenziana. MS Plut. 36.35. Al-Hasan al-Wazzan. De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes. F. 43v–44v, 62r–63v; De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes, per Johannem Leonem Affricanum [sic] // Johann Heinrich Hottinger. Bibliothecarius Quadripartitus. P. 265–267, 281–284. Ибн ал-Хатиб провел два года в Фесе и в городе Сале на берегу Атлантики, изгнанный от двора Насридов в Гранаде. В конце жизни он нашел убежище в Фесе, так как был обвинен в ереси и приобрел множество врагов в Гранаде. В 776/1375 году он был задушен убийцами в фесской тюрьме (*Knysh A. Ibn al-Khatib // The Literature of al-Andalus*. P. 358–371). При всех связях и контактах Ибн ал-Хатиба в Марокко неудивительно, что ал-Ваззан сообщает о его письмах, хранящихся в библиотеках Феса. Ибн Халдун тоже был поклонником рифмованной прозы и поэзии Ибн ал-Хатиба (*Ibn Khaldun. Le voyage*. P. 87, 90–97, 104–111, 120–131), а для позднейшего историка мусульманской Испании Ахмада ал-Маккари Ибн ал-Хатиб был «князем поэтов и историков своего времени и эталоном вазиров» (*Al-Maqqari. The History of the Mohammedan Dynasties in Spain / Transl. by P. de Gayangos*. 2 vols. London, 1840–1843. Vol. 2. P. 367).

²⁵⁴ Biblioteca Medicea Laurenziana. MS Plut. 36.35. Al-Hasan al-Wazzan. De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes. F. 35r, 39v, 48r, 51v; De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes, per Johannem Leonem Affricanum [sic] // Johann Heinrich Hottinger. Bibliothecarius Quadripartitus. P. 253, 259–260, 272, 278. В рукописи содержатся упоминания по меньшей мере двенадцати различных авторитетных источников. Ср.: *Ibn Khallikan. Biographical Dictionary*. Vol. 1. P. 440–446. Йуханна ал-Асад ссылается на «Книгу врачей и философов» Ибн Джулджула (ум. ок. 384/994) как на источник информации о лицах, живших гораздо позже кончины Ибн Джулджула (MS Plut. 36.35. Al-Hasan al-Wazzan. De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes. F. 38r, 39r, 46v; De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes, per Johannem Leonem Affricanum [sic] // Johann Heinrich Hottinger. Bibliothecarius Quadripartitus. P. 257–259, 270).

²⁵⁵ Рукописи «De Arte Metrica Liber» (MS Plut. 36.35), «De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes» (Ibid.) и «De quibusdam Viris Illustribus apud Hebraeos» (Ibid.) со временем оказались в собственности ученого и библиофила Антонио Петреи (1498–1570). Петреи был близок к кардиналу Никколо Ридольфи, который купил то, что оставалось от библиотеки Эгидио да Витербо после смерти последнего в 1532 году. Следовательно, можно предполагать, что эти рукописи перешли от Эгидио к Ридольфи, а от него к Петреи (*Codazzi A. Il Trattato dell'Arte Metrica*. P. 181–182).

Affrica». Он дописал ее последние строки 10 марта 1526 года. Мы знаем эту книгу лучше и точнее всего по единственному сохранившемуся списку: 936-страничной рукописи, написанной итальянским почерком начала XVI века, которая сейчас находится в Центральной национальной библиотеке в Риме²⁵⁶. Она написана ясным и довольно выразительным итальянским языком, но синтаксис упрощен, а словоупотреблению иногда недостает точности и оттенков. Ее стиль отличается от тех оборотов речи, обширного словаря и богатой аллитерации, которые наш «оратор» и поэт, наверно, использовал бы на арабском языке.

Правописание в рукописи также несет некоторую информацию. В начале XVI века итальянская орфография была далека от единообразия, но варианты написания в этой рукописи, хотя и не выходящие за рамки принятого, указывают скорее не на носителя какого-то регионального диалекта, а на человека, привычного к гласным звукам арабского языка, для которого, кроме того, границы между итальянским, испанским и латынью не всегда были четкими. Именно таким и был Йуханна ал-Асад. Например, он пишет «el Re» вместо «il Re», «el patre» вместо «il padre», «el populo» вместо «il popolo», «el templo» вместо «il tempio», «el thesaurero» вместо «il thesoriere» и «la abundantia» вместо «l'abbondanza». Упоминая о финиках в городах-оазисах, он всегда называет их «dattoli», как именовали эти плоды в Венеции, но это слово ближе к испанскому «dátiles» или к латинскому «dactyli», чем к обычному итальянскому «datteri». Время от времени попадаются выражения, похожие на латинские – «dicto», «prefato» (имеется в виду «вышесказанное»)²⁵⁷. Все это пришлось изменить, наряду со многими другими поправками, венецианцу Джованни Баттиста Рамузио, когда он впервые опубликовал книгу под названием «La Descrittione dell'Africa» в Венеции в 1550 году: синтаксис стал сложнее, словарь разнообразнее, стиль цветистее и возвышеннее, а правописание ближе к требованиям реформаторов-гуманистов.

Как Йуханна ал-Асад готовил свою рукопись? Заключительная фраза, непосредственно перед колофоном, напоминает о древней традиции устного рассказа: «автор не может вспомнить больше из-за слабости своей памяти... поэтому он умолкает и прекращает свои речи». Фигуральное упоминание о «речах» восходит к важной литературной традиции, как и использование Йуханной ал-Асадом глагола «dicere» («говорить») всякий раз, когда он цитирует

²⁵⁶ Название приведено в: CGA. F. 465r; слово «космография» здесь написано как *Cosmographia*. Рукопись, обнаруженная Анджелой Кодаци примерно семьдесят пять лет назад, скоро может стать доступной в печатном виде: Умэльбанин Жири собирается опубликовать ее текст в буквальной транскрипции, а Дитрих Раухенбергер готовит критическое издание. (См. также: Giovanni Leone Africano. *Cosmographia de l'Africa* (Ms. V. E. 953 – Biblioteca nazionale centrale di Roma – 1526) / A cura di G. Amadori. Roma, 2014. *Прим. пер.*)

²⁵⁷ CGA. F. 44r: «el prefato compositore»; DAR. F. 11v (Ramusio. P. 67): фраза опущена; CGA. F. 44r: «ecco el Re de li Pesci»; DAR. F. 11v (Ramusio. P. 67): «In capo del quale il re de' pesci»; CGA. F. 74r: «tal che fu causa che intro el Popolo di Marin... et levosi el popolo di Abduluad»; DAR. F. 18v (Ramusio. P. 100): «che appresso il popolo di Marin entrasse... si solleva etiando il popolo di Habduluad»; CGA. F. 140r: «uno se chiama el templo del Carauien el quale e un templo grandissimo»; DAR. F. 32v (Ramusio. P. 162): «il quale è chiamato il tempio del Caruven, il qual è un grandissimo tempio»; CGA. F. 173r: «alhora el Patre e obligato de dare al Maestro... alhora el Patre fami convito a tutti le scolari»; DAR. F. 39r (Ramusio. P. 191): «è tenuto il padre di fargli... allora fa il suo padre a tutti gli scolari un molto solenne convito»; CGA. F. 212r: «per la abundantia del Paese»; DAR. F. 46v (Ramusio. P. 224): «per la molta abbondanza del paese»; CGA. F. 282r: «El terzio officale e el thesaurero»; DAR. F. 60r (Ramusio. P. 287): «il terzo è il thesoriere»; CGA. F. 417r: «como ipso compositore dice havere visto»; DAR. F. 86r (Ramusio. P. 413): «Et io viddi». Хотя «el» могло означать определенный артикль в итальянском языке начала XVI века и, конечно, употреблялось некоторыми писателями, Рамузио к нему прибегал редко. Согласно книге Альберто Аккарizio о правописании, вышедшей в 1543 году и отражавшей тосканский стиль, который считали предпочтительным, артикль «el» следовало применять только для замены слов «et il» («& il»), например «il duca el sacretario» (*Vocabolario, grammatica et orthographia de la lingua volgare*. Cento, 1543. Vol. 1). Йуханна ал-Асад, напротив, часто использует «el», причем в таких случаях, когда оно не заменяет «et il». См.: CGA. F. 354r, 361r–362r, многократно использовано слово «dattoli»; DAR. F. 73r, 74v (Ramusio. P. 352, 359): во всех случаях заменено на «datteri». См.: Boerio G. *Dizionario del dialetto veneziano*. Venezia, 1867. P. 220; Battisti C., Alessio G. *Dizionario Etimologico italiano*. Firenze, 1968. P. 1215–1216. О разное в правописании и о «смешении языков» в портовых городах и в других местах Италии см.: *Trovato P. Storia della lingua italiana*. P. 32–35, 61–64.

какого-нибудь автора в своих «Знаменитых мужах»: это напоминает о прямой устной передаче, хотя приводимое сообщение почерпнуто из солидной книги, написанной на бумаге²⁵⁸.

На протяжении веков в исламских обществах авторы не только прибегали к диктовке текста писцам, но и писали свои рукописи сами, а затем самостоятельно копировали их или поручали это переписчикам, ученикам или другим людям из своего окружения. Случалось, что устное изложение сочеталось с письменным, когда автор диктовал не только по памяти, но и по черновику. Можно не сомневаться, что в 757/1356 году в Фесе Ибн Баттута продиктовал свой длинный рассказ о путешествии талантливому писателю и юристу Ибн Джузайи, который отредактировал его и добавил некоторые собственные наблюдения. Султаны диктовали свои письма секретарям, а студенческие конспекты лекций ложились в основу некоторых книг. Но авторы во времена ал-Ваззана чаще всего сами готовили собственные рукописи для переписчиков. Ранний набросок книги ал-Макризи по топографии Каира, написанный в XV веке, показывает, как много он зачеркивал и правил, готовя свою книгу к копированию. Учитель ал-Ваззана, ал-Ваншариси, поручил одному ученику составить книгу, скопировав заметки, которые он написал на полях одного юридического сочинения²⁵⁹.

Именно так и действовал бы ал-Хасан ал-Ваззан, сам в молодости работавший нотариусом, если бы создавал свои труды в Северной Африке. Такому выбору способствовали и его итальянские впечатления, ведь здесь такие авторы, как Боккаччо и Петрарка, собственной рукой писали свои произведения. Конечно, столь важные фигуры, как Альберто Пио, диктовали свои дипломатические послания. Занятый делами кардинал Эгидио диктовал некоторые из своих сочинений и проповедей секретарю, но и он сначала набрасывал некоторые основные мысли, исписывая многие страницы изящным почерком²⁶⁰. Менее высокопоставленные ученые мужи сами писали труды в часы, свободные от преподавания, от подготовки церковной корреспонденции или от лечения пациентов, а затем отдавали рукописи переписчикам для дальнейшего копирования, если они не шли прямо в типографию²⁶¹.

Поскольку характер итальянского языка рукописи «Космографии и географии» так близко совпадает с лингвистическим опытом Йуханны ал-Асада, очевидно, что он сам писал окончательный вариант сочинения, потратив столько времени, сколько было ему необходимо, чтобы вывести все это латиницей слева направо. Затем он отдал рукопись переписчику, который скопировал ее курсивным почерком, сохранив все особенности орфографии и украсив некоторые буквы декоративными росчерками²⁶². В первой четверти рукописи обнаружено 27 мелких исправлений, большинство из которых сделаны рукой переписчика, а остальные, воз-

²⁵⁸ CGA. F. 464v: «ipso compositore per non recordarse piu per la label sua memoria... pero dunque pone silentio et fine al suo Parlare». Опущено в: Ramusio. P. 460; Épaulard. P. 579; Robinson C. F. *Islamic Historiography*. P. 174.

²⁵⁹ Ibid. 174–85; Pedersen J. *The Arabic Book* / Transl. by G. French. Princeton, 1984. P. 26–31; *Al-Qasim al-Hariri*. Le livre des Malins: séances d'un vagabond de génie / Trad. par R. R. Khawam. Paris, 1992. P. 477: «Я записал, а затем продиктовал эти слова»; *Ibn Battuta*. Voyages. Vol. 1. P. 65–75; Dunn R. *The Adventures of Ibn Battuta*. P. 310–315; *Fu'ad Sayyid A*. Early Methods of Book Composition: al-Maqrizi's Draft of the «Kitab al-Khitat» // *The Codicology of Islamic Manuscripts* / Ed. by Y. Dutton. London, 1995. P. 98–101; *Hajji M*. L'activité intellectuelle. P. 145, 160; *Schacht J*. On Some Manuscripts in the Libraries of Morocco // *Hespéris Tamuda*. 1968. Vol. 9. P. 45. Утверждение Раухенбергера, что в это время устная диктовка была «обычной практикой» авторов при сочинении книг, не подкрепляется данными источников (*Rauchenberger D*. *Johannes Leo der Afrikaner*. S. 128).

²⁶⁰ University of Pennsylvania Library. Special Collections. Letters of Alberto Pio. Lea MS 414, no. 1–56. Экземпляр рукописи, приписываемый руке Эгидио да Витербо: Biblioteca Angelica (Roma). MS Lat. 1253. Liber de Anima; *Monfasani J*. Sermons of Giles of Viterbo. P. 142–145; *Martin F. X*. Giles of Viterbo. P. 219.

²⁶¹ О возникновении «авторской книги» или рукописи-автографа в конце Средневековья см.: *Petrucci A*. Writers and Readers in Medieval Italy. *Studies in the History of Written Culture* / Ed. by C. M. Radding. New Haven; London, 1995, гл. 8–9.

²⁶² Раухенбергер допускает, что переписчиком рукописи Йуханны ал-Асада был маронит Элиас бар Абрахам (*Rauchenberger D*. *Johannes Leo der Afrikaner*. S. 132–133). Однако сравнение латинского почерка Элиаса – который я видела непосредственно в рукописи: BNF. MS Syriaque 44 и образцы которого воспроизведены в: *Levi Della Vida G*. Ricerche sulla formazione, plate 9, 1b (Biblioteca Apostolica Vaticana. Vat. Sir. 9) и приводит сам Раухенбергер (P. 113, Vat. Sir. 15) с итальянским почерком в CGA, – ясно показывает, что это невозможно. Сходные слова и буквы пишутся совершенно по-разному.

можно (но не безусловно), рукой автора²⁶³. Однако Йуханна ал-Асад не потрудился внимательно просмотреть копию до конца. Если бы он это сделал, то заметил бы две впечатляющие ошибки переписчика ближе к концу рукописи (каждая из них находится в середине страницы, а значит, дело не в оплошности переплетчика): рассказ о конце пребывания ал-Ваззана в алжирском городе Медеа, где он некоторое время служил кади, неуместным образом приставлен к описанию другого маленького городка неподалеку; а через несколько страниц, когда описываются события в Алжире, изложение внезапно переходит к двум другим городам, а затем снова возвращается к Алжиру посреди фразы²⁶⁴. Автор никогда не оставил бы этого неисправленным.

В изданной Рамузио книге об Африке все расставлено по порядку, и хотя издатель мог сделать это сам просто по смыслу, он почти наверняка руководствовался другой копией рукописи того человека, которого он называл Джованни Леоне Африкано. Йуханна ал-Асад, должно быть, заказал в 1526 году по крайней мере две копии своего сочинения²⁶⁵. Насколько я могу судить по совокупности свидетельств, две рукописи были очень схожи друг с другом за одним важным исключением: история соблазненной жены и доверчивого мужа присутствует в печатном издании Рамузио, но отсутствует в рукописи Национальной центральной библиотеки в Риме. (Мы рассмотрим эту историю подробнее в одной из следующих глав.)

Помимо этого, многочисленные изменения в печатном издании – использование более сложного литературного итальянского языка, небольшие купюры и дополнения, замена слов – практически все это работа Рамузио. Часто эти переделанные формулировки передают мысль автора, но некоторые из них изменяют заложенный им смысл и его самопрезентацию таким образом, который не совместим ни с арабо-мусульманскими представлениями, которые он вынес из Северной Африки, ни с теми взглядами и чувствами, которые развились у него за годы жизни в Италии²⁶⁶.

Высокородный венецианец Джованни Баттиста Рамузио в прежние годы был послом во Франции и в других странах Европы, а также служил секретарем венецианского Сената и

²⁶³ Например, исправления на полях в: CGA. F. 47r, 130v, 147r явно принадлежат переписчику, а исправления на л. 3r, 145r, 149r написаны другой рукой. Латинский почерк Йуханны ал-Асада известен лишь по четырем словам – «Jo. Leo servus medecis», в переписанных им в 1521 году Посланиях апостола Павла, и он не имеет сходства с почерком исправлений на указанных л. 3r, 145r и 149r. Впрочем, с 1521 по 1526 год латинский почерк Йуханны ал-Асада мог измениться.

²⁶⁴ CGA F. 294r–295v.

²⁶⁵ Ramusio. P. 296–299. То, как Рамузио изменил порядок размещения описаний Мазуны, Алжира, Тегдемта и Медеа, позволяет предположить, что он руководствовался некоей рукописью, а не редакторской интуицией. В CGA. F. 86r приведена неправдоподобная дата одного события: 950 год хиджры, соответствующий 1543 году христианского летоисчисления. Рамузио датировал это событие 920/1514 годом, видимо, располагая неким рукописным источником. Умэльбанин Жири убеждена, что рукопись Центральной национальной библиотеки в Риме V. E. 953 была не единственной рукописной копией текста Йуханны ал-Асада и что независимо от того, была ли ему доступна рукопись V. E. 953, Рамузио работал с другим списком (личная беседа 23 мая 2003 года и сообщение на электронную почту от 25 апреля 2005 года). В XVIII веке экземпляр рукописи находился в библиотеке бенедиктинского монастыря Сан-Микеле в Венеции (*Mittarelli G. B. Bibliotheca codicum manuscriptorum Monasterii S. Michaelis Venetiarum prope Murianum. Venezia, 1779. P. 681*). В колофоне, воспроизведенном Миттарелли, имеется пять расхождений в написании с колофоном рукописи CGA. F. 464v. Невзирая на различия, Раухенбергер предполагает, что это могла быть рукопись, хранящаяся ныне в Центральной национальной библиотеке в Риме, – V. E. 953 (*Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner. S. 138–139, 139, p. 622*), но возможно также, что это была совершенно другая рукопись, которой пользовался Рамузио.

²⁶⁶ Ниже приведены выдержки из рукописи и из печатной версии, иллюстрирующие изменения в синтаксисе, правописании и стиле, которые внес Рамузио, не исказив содержание. Йуханна ал-Асад сообщает, что по всей Берберии большинство людей доживает до шестидесяти пяти или семидесяти лет, но что в горах можно встретить людей, доживших до ста лет и более, хорошо сохранившись. См.: CGA. F. 38r: «Per tutta la Barbaria le cipta de li Homini sonno o vero vanno fine ad 65 o 70 et sonno pochi che passano quella, ma pure se trovano in li monti de la Barbaria Homini che hanno 100 anni anchi li passano et sonno galiardi». См.: DAR. F. 10r (Ramusio. P. 60): «Per tutte le città et terreni della Barberia le età de gli huomini aggiungono per insino a sessantacinque o a settanta anni, et v'hanno pochi che questo numero passino, ma pur si trovano ne monti della Barberia huomini che forniscono cento anni, et alcuni che ve gli passano. E sono questi d'una gagliarda e forte vecchiezza». К. Блэк указывает на несколько изменений текста, отразившихся на его содержании: *Black C. Leo Africanus's Description of Africa and its Sixteenth-Century Translations // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 2002. Vol. 65. P. 262–272*, так же как делает и Раухенбергер при воспроизведении листов рукописи Йуханны ал-Асада о субсахарской Африке и Сахаре (*Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner, app. 1–2*). Я рассмотрю несколько важных случаев такого рода на страницах этой книги.

Совета. (Рамузио руководил допросами Давида Рувени, когда тот прибыл в Венецию в 1530 году, все еще выдавая себя за еврейского принца Хабора и надеясь «привести рассеянный еврейский народ назад в Землю обетованную». Рамузио поверил Давиду на слово, найдя его «очень сведущим в еврейском законе и науке, называемой Каббала». Надо полагать, он был ошеломлен, узнав впоследствии, что этот принц – самозванец²⁶⁷.) Среди общегуманистических интересов Рамузио особой страстью была география и карты, и когда в последние годы жизни он обратился к публикации собранных им отчетов о различных путешествиях, рукопись Джованни Леоне об Африке заняла первое место²⁶⁸. После конфуза с разоблачением экзотического еврея из Аравии Рамузио, конечно же, не мог допустить, чтобы и этот захваченный в плен африканец произвел сомнительное впечатление на европейских читателей. Поэтому он соответственно отредактировал и переработал текст.

Итак, «*Libro de la Cosmographia et Geographia de Affrica*» является бесценным путеводителем. Тут и там изменения, которые вносил Рамузио или его сотрудники в процессе публикации книги, пока он печатал ее, покажут нам, под каким давлением Йуханна ал-Асад жил в Италии и каким образом европейские толкователи хотели переделать его.

«Космография и география Африки» разделена на девять «частей»: общее введение о географии, климате, обычаях, экономике и культуре; семь частей, каждая из которых посвящена описанию городов, деревень, гор и пустынь определенного региона Африки и людей, живущих там; заключение о реках, минералах, растениях, птицах и животных. Интересно, что в книге смешано несколько жанров, которые испокон веков ценились в исламских культурах.

География долгое время была центральным направлением, которое разрабатывали с различными целями и под разным углом зрения²⁶⁹. Влиятельный ал-Масуди (ум. 346/957), историк и географ с энциклопедическими интересами, в своем описании вышел далеко за рамки *Дар ал-ислам*²⁷⁰, охватив множество типов земной поверхности, сведений о населяющих ее народах и об их прошлом. Он настаивал, что, наряду с критическим использованием известной информации и устных преданий, географу необходимо путешествовать, и упрекал ученых, которые никогда не видели мест, о которых писали. Что касается самого ал-Масуди, то он проехал от родного Багдада до Индии, ал-Андалуса и Занзибара. «Ко мне можно применить, – писал он, – слова поэта: „Он объездил мир во всех направлениях... в страны, столь отдаленные, что ни один караван никогда не заходил туда“»²⁷¹.

Несколько десятилетий спустя почти так же много путешествовал географ ал-Мукаддаси, отправляясь в путь из своего родного Иерусалима, – торговал, искал справки в библиотеках и встречался со всякими людьми, от ученых и суфиев до сказителей: «Я изучал налоги... Я

²⁶⁷ Milanesi M. Introduzione // Ramusio. P. XIII–XXI; Marino Sanuto. I Diarii. Vol. 54. P. 144–148; Karrow R. W. Jr. Mapmakers of the Sixteenth Century and Their Maps. Chicago, 1993. P. 216–217, 220–228.

²⁶⁸ Первый том трехтомного издания Рамузио «*Navigazioni et Viaggi*» вышел в свет в 1550 году. Второе издание последовало в 1554 году, в 1563 году опубликовано посмертное издание (Рамузио умер в 1557 году), а последующие издания выходили в 1588, 1606 и 1613 годах. Описание Африки «Джиованни Лиони Африкано» открывает первый том, а за ним идут описания других путешествий, в том числе одного плавания вдоль западного берега Африки, но все они принадлежат перу европейцев. В те же годы, когда издательская фирма Giunta начала выпуск томов «Плаваний и путешествий» Рамузио, она публиковала свое большое издание Аристотеля с комментариями Аверроэса в переводе Якоба Мантино.

²⁶⁹ Основные труды по этим вопросам см.: Miquel A. La géographie humaine du monde musulman jusqu'au milieu du XIe siècle. 4 vols. Paris; The Hague. 1973–1988, особенно: Vol. 1; The History of Cartography / Ed. by J. B. Harley, D. Woodward. Vol. 2, bk. 1 (Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies / Ass. eds. A. T. Karamustafa, J. E. Schwartzberg, G. Tibbetts). Chicago; London, 1987, гл. 1–14.

²⁷⁰ Дар ал-ислам – территория, находящаяся под властью мусульманских правителей (Прим. науч. ред.).

²⁷¹ The History of Cartography. Vol. 1. P. 202–212; Touati H. Islam et voyage. P. 143–154; Al-Mas'udi. Les prairies d'or / Trad. par B. de Meynard, P. de Courteille. 5 vols. Paris, 1965–1997. Vol. 1. P. 2–3, 84–85.

пробовал воздух на вкус, я оценивал воду». Его труд «Лучшее разделение для познания климатов» имеет более узкий охват пространства и времени, чем работа ал-Масуди: он ограничен народами, языками и землями Дар ал-ислам, от ал-Андалуса до низовий долины Инда, причем Мукаддаси фиксирует, прежде всего, современное ему состояние описываемых объектов. Но его наблюдения богаты подробностями и свежи, а организация книги столь же ясна, как и обещает ее название²⁷².

Ал-Мукаддаси мало хорошего сказал о Фесе своего времени («грубые и невежественные люди, ученых мало, часты беспорядки»²⁷³), но зато следующие два столетия станут временем выдающихся географов, родившихся в западных землях ислама. Ал-Бакри (ум. 487/1094), придворный поэт и дипломат эмира Севильи, составил подробное описание всех государств, известных его мусульманским современникам. Обширный раздел, посвященный Северной Африке, охватывает примерно те же темы, что и «Космография и география» Йуханны ал-Асада, но написан он в соответствии со старой традицией обращения к книгам и документам, их критической оценки и цитирования. Ал-Бакри никогда не покидал ал-Андалус, однако структура его книги основана не на том или ином разделении на области, а на маршрутах путешествий – например, за сколько дней можно добраться из Феса в Сиджилмасу²⁷⁴.

В середине XII века знаменитый ал-Идриси назвал свою географию «Отрада страстно желающего пересечь мир». Некоторые ученые говорят, что в странствиях из родного ал-Андалуса ал-Идриси доходил на востоке до Малой Азии, а на западе и севере до Англии; другие, что он, скорее всего, не выбирался далеко за пределы Западного Средиземноморья, дальше тогдашнего христианского Нормандского королевства Сицилии и Северной Африки, где медицинское образование позволило ему хорошо изучить растения и их фармацевтическое применение. Остальная часть его обширной информации была получена из географических сочинений и королевских архивов.

Ал-Идриси посвятил свою книгу Рожеру II, сыну нормандского завоевателя мусульманской Сицилии, покровителю арабской культуры и, по мнению ал-Идриси, королю-философу. В его географии содержались сведения обо всех частях света, известных писателю, иногда весьма подробные, о городах и их памятниках. Методично указывалось, сколько дней необходимо для путешествия, описывались маршруты, причем географический материал был организован в соответствии с традиционными семью климатическими поясами, которые охватывали все области от востока до запада. Эти *акалим*, называемые по-гречески *климата*, представляли собой широтные зоны, которые рассчитал Птолемей в зависимости от высоты полуденного солнца в день солнцестояния. Одна из восточных школ арабских географов приняла этот астрономический подход, пересчитав заново цифры Птолемея и присвоив уточненные показатели широты и долготы пунктам на поверхности Земли²⁷⁵. Но ал-Идриси иначе подходил к проблеме: в прологе к своему труду он объяснил, что, хотя климатические зоны установлены на основе астрономических наблюдений, он определяет их по природным особенностям и населенным пунктам – «первый климат начинается на западе, с западного моря, называемого Туманным океаном [Атлантический океан]». К своему письменному тексту он приложил карту

²⁷² Miquel A. La géographie humaine. Vol. 1. P. 313–330; Touati H. Islam et voyage. P. 161–170; *Al-Muqaddasi*. The Best Divisions for Knowledge of the Regions / Transl. by B. A. Collins, M. H. al-Tai. London, 1994. P. 2–8.

²⁷³ Ibid. P. 206.

²⁷⁴ <Abu-'Ubayd al-Bakri>. Description de l'Afrique septentrionale par El-Bekri / Trad. par Mac Guckin de Slane (Alger, 1913; repr.: Paris, 1965); Mac Guckin de Slane. Préface // Description de l'Afrique septentrionale par Abou-Obeïd-el-Bekri. Texte arabe. Paris, 1965. P. 7–20; Corpus of Early Arabic Sources for West African History / Transl. by J. F. P. Hopkins; ed. by N. Levzion, J. F. P. Hopkins. Princeton, 2000. P. 62–87, 384–387. Сочинение ал-Бакри было выдержано в традиционном для арабской географии жанре «книга путей и стран». Далеко не все авторы этого жанра сами были путешественниками. Число дней в пути от одного пункта до другого ал-Бакри мог заимствовать из трудов предшественников или оценить умозрительно (*Прим. науч. ред.*).

²⁷⁵ Introduction, гл. 4–5 в: The History of Cartography / Ed. by J. B. Harley, D. Woodward. Vol. 2, bk. 1; Berggren J. L., Jones A. Introduction // Ptolemy's Geography / Transl. by J. L. Berggren, A. Jones. Princeton, 2000. P. 10–14.

мира и множество карт отдельных его частей, с помощью которых можно было представить себе пространственные соотношения и сами «климаты»²⁷⁶.

Карты были важным инструментом для многих арабских географов, независимо от того, сочетали они их с астрономическими расчетами или нет. Ал-Мукаддаси в своем «Лучшем разделении» разработал цветовой код для карт отдельных регионов: красный цвет для изображения маршрутов, желтый для песков, зеленый для моря, синий для рек и коричневый для гор. В дальнейшем карты к труду ал-Идриси следовали этой или какой-нибудь аналогичной системе²⁷⁷.

Йуханна ал-Асад упоминал троих из названных авторов – ал-Масуди, ал-Бакри и ал-Идриси. (Последнему он посвятил хвалебный раздел в своем сочинении «О мужах, считавшихся знаменитыми у арабов»²⁷⁸.) Вероятно, он также знал великий труд ал-Мукаддаси. В своей собственной книге он мог поставить себя в ряд тех, кто считал путешествия необходимыми для географического описания, наряду с устными расспросами и обращением к текстам. Его географическое сочинение было ограничено одной пространственной единицей, хотя и очень большой, а не охватывало все страны Дар ал-ислам или известного мира, но при этом – возможно, ориентируясь на других географов – он отметил, что надеется когда-нибудь написать также об Азии и Европе.

Хотя Йуханна ал-Асад назвал свою книгу одновременно и космографией, и географией – эти слова встречались в названиях выходивших тогда латинских изданий Птолемея²⁷⁹, – он не использовал широты и долготы Птолемея для локализации географических объектов и даже не упоминал об астрономических способах определения места (далее мне удобнее всего будет сокращенно именовать его книгу «География»). Он не определял местоположение пунктов по числу дней пути между ними, как это делали ал-Бакри и ал-Идриси, а предпочитал оценивать расстояния в милях (по-арабски *mil*, мн. *amyal*)²⁸⁰: «Айт-Дауд – это древнее поселение, построенное африканцами на высокой горе... В нем около 700 домохозяйств, и он находится почти в пятнадцати милях к югу от Тагтессы», – пишет он о городе в области Хаха в Марокко. «Асьют – очень древний город, построенный египтянами на Ниле примерно в 250 милях от Каира»²⁸¹.

Никаких карт к рукописи Йуханны ал-Асада не прилагалось. Он мог бы включить их, если бы работал над книгой в Северной Африке, – не карту мира, подобную той, что приведена в «Мукаддиме» Ибн Халдуна, и не карту средиземноморских гаваней, отмелей и заливов,

²⁷⁶ Bresc H., *Nef A.* Presentation // Al-Idrisi. La première géographie. P. 13–53; *Al-Idrisi*. Prologue // Ibid. P. 62–64; Premier climat // Ibid. P. 69; *Sadok M. H.* Introduction. Vie et oeuvres d'al-Idrisi // Al-Idrisi. Le Maghrib au XIIe siècle / Trad. par M. H. Sadok. Paris, 1983. P. 11–56; *Ahmad S. M.* Cartography of al-Sharif al-Idrisi // The History of Cartography. Vol. 2, bk. 1, gl. 7. В арабо-мусульманской традиции довольно рано осознали разницу между данными теоретической географии, заимствованной у античных авторов (в том числе у Птолемея), и накопленными эмпирическими знаниями. Однако собрав большой объем географической информации, арабо-мусульманские авторы не сделали никаких принципиально новых выводов и теоретических обобщений. С этим связаны и упомянутые расхождения между «теоретической» и «практической» географией в труде ал-Идриси (Прим. науч. ред.).

²⁷⁷ В издание Ибн Хаукаля (кон. X века): *Ibn Hawqal*. La configuration de la terre (Kitab Surat al-Ard) / Trad. par J. H. Kramers, G. Wiet. Paris, 2001, включено не менее 21 карты различных областей, описанных автором. Издание труда ал-Мукаддаси: *Al-Muqaddasi*. The Best Divisions for Knowledge, содержит 20 карт. См.: *Miquel A.* La géographie humaine. Vol. 1. P. 69–85; The History of Cartography. Vol. 2, bk. 1, 7. P. 123–124.

²⁷⁸ CGA. F. 114r, 316v, 440r, 441r–v, 453r; Ramusio. P. 137, 317, 437–438, 449; Épaulard. P. 152, 376, 552–553, 565; Biblioteca Medicea Laurenziana. MS Plut. 36.35. Al-Hasan al-Wazzan. De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes. F. 44v–45v; De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes, per Johannem Leonem Affricanum [sic] // Johann Heinrich Hottinger. Bibliothecarius Quadripartitus. P. 267–268. Сочинение ал-Идриси «Развлечение истомленного...» (Nuzhat al-mushtaq fi-khtiraq al-afaq) известно как «Книга Рожера» (Kitab Rujar), но Йуханна ал-Асад именует ее одним из вариантов оригинального названия (Nushat al absar).

²⁷⁹ Издания Птолемея в переводе Якопо д'Анджело, выходившие в Болонье в 1457 году и в Риме в 1478 году, носили название «Космография», а те, что публиковались в Риме в 1508 году и в Венеции в 1611 году, назывались «География».

²⁸⁰ Логично возникает вопрос, каким образом автор оценивал расстояния между пунктами. С учетом имеющейся информации можно предположить, что он делал это чисто умозрительно (Прим. науч. ред.).

²⁸¹ CGA. F. 52v, 429r; Ramusio. P. 78, 425; Épaulard. P. 80, 532.

как те, которыми адмирал Пири Реис в 931/1525 году сопровождал свою «Книгу морей» для султана Сулеймана, но карты отдельных территорий, полезные для путешественников и правителей, которые показывали бы положение пунктов относительно друг друга, как на картах ал-Мукаддаси в «Лучших разделах»²⁸². В Италии же Йуханна ал-Асад, вероятно, задавался вопросом, для чего его читателям такие карты: европейские купцы держались поближе к своим городским поселениям на севере Африки; европейские пленники были закованы в цепи или иным образом ограничены в передвижении. Что касается европейских солдат, то зачем облегчать им передвижение по территории ислама?

Кроме того, ему было бы трудно заказать карты в Италии, выполненные в незнакомом ему европейском стиле. Даже опытный географ, немец Якоб Циглер, побывавший в Риме в начале 1520-х годов, брал с собой в путешествия художника, чтобы рисовать карты. Йуханне ал-Асаду пришлось бы искать такого картографа, как венецианец Джакомо Гастальди, который сорок лет спустя нарисовал замечательную карту Африки, появившуюся в издании Рамузио «О плаваниях и путешествиях». Но как было Йуханне ал-Асаду отыскать такого человека и кто бы ему заплатил? При всех обширных познаниях Альберто Пио и Эгидио да Витербо карты не были в центре их интересов. Историк Паоло Джовио сам составлял карты и знал других, кто это делал, но он был занятым человеком и не покровительствовал нашему новообращенному христианину. Климент VII просил Джовио получить информацию о России, включая географические сведения, но, похоже, что папа не просил Джованни Леоне представить визуальные изображения Африки²⁸³. Так что Йуханна ал-Асад ограничился ее словесным описанием на иностранном языке.

Путешествия предстают в «Географии» не только как форма доказательства истинности сообщаемых сведений, но и как форма жизни ее автора. Начиная с IX века путешествия стали для мусульманских ученых путем открытий, причем не открытий чего-то чуждого и экзотического, а постижения характера и смысла самого ислама. Путешествие также являлось испытанием, трудности приветствовались как аскетический вызов: горы и пустыни были местами, где можно ожидать встречи с божественным. Наконец, ученые начали писать о своих путешествиях; полный их рассказ назывался *рихла*²⁸⁴. Высоко ценилась рихла андалузца Ибн Джубайра (ум. 614/1217), чье паломничество в Мекку вело его из Гранады в Египет, Сирию, Ирак, с возвращением через Латинское королевство Иерусалима и Нормандское королевство Сицилии. Даже описывая последние два с поразительными подробностями, он восклицал:

В глазах Аллаха не может быть оправдания мусульманину, пребывающему в какой-либо стране неверных, кроме как проезжая ее насквозь, когда путь ведет прямо в мусульманские земли... Сердце будет терзаться оскорблением того, чью память освятил Аллах [Пророка Мухаммада]... да еще отсутствием чистоты, соприкосновением со свиньями и всеми прочими запретными вещами²⁸⁵.

²⁸² *Ibn Khaldun*. The Muqaddimah. An Introduction to History / Transl. by F. Rosenthal. 2nd ed. 3 vols. Princeton, 1967. Vol. 1 (frontispiece). P. 109; *Ahmad S. M.* Cartography of al-Sharif al-Idrisi. P. 170; *Piri Reis*. Kitab-I Bahriye (Book of Navigation). Ankara, 2002.

²⁸³ Cartographic Treasures of the Newberry Library. Chicago, 2001, n. 7; *Buisseret D.* The Mapmakers' Quest. Depicting New Worlds in Renaissance Europe. Oxford, 2003. P. 50–51; *Karrow R. W. Jr.* Mapmakers of the Sixteenth Century. P. 216–228, 266–274, 604–605. Ни Альберто Пио, ни Эгидио да Витербо не присутствуют в обширном исследовании Кэрроу в качестве покровителей картографии или лиц, которым посвящались труды по географии. *Paolo Giovio*. De Legatione Basilii magni Principis Moscoviae ad Clementum VII Pontificem Max. Liber, in *Rerum Moscoviticarum Commentarii*. Basel, 1551. P. 159–175.

²⁸⁴ О смысле, который придавался путешествиям мусульман, и об описании путешествий см. отличную работу: *Touati H.* Islam et voyage, гл. 1–2, 5–7.

²⁸⁵ *Ibn Jubayr*. The Travels of Ibn Jubayr / Transl. by R. J. C. Broadhurst. London, 1952. P. 321–322.

Мы уже кое-что слышали о рихле Ибн Баттуты, который ездил из своего родного Танжера на восток до Китая и на юг до Могадишо. Он искал достойных мусульман везде, где мог, и, хотя не спешил покидать земли неверных, но писал об одной из них так:

Китай был прекрасен, но мне он не нравился. Напротив, мне было очень не по себе, когда я думал о том, как язычество властвует над этой страной. Всякий раз, когда я выходил из своего жилища, я видел многое, достойное порицания. Это так беспокоило меня, что большую часть времени я оставался дома и выходил только по необходимости. Во время моего пребывания в Китае всякий раз, когда я видел кого-нибудь из мусульман, мне всегда казалось, что я встретил собственных близких и кровных родственников²⁸⁶.

Приключения Йуханны ал-Асада описаны в его «Географии» не последовательно, в отличие от того, как полагалось в рихле. Они то вплетаются в его повествование, то исчезают из него; иногда читатель следует по пройденному им пути, а иногда нет. Но дух исламского путешествия и литературные возможности жанра рихлы помогали ему излагать и описывать собственные путешествия, столь удивительно прерванные и направленные в страну неверных.

В книге Йуханны ал-Асада об Африке речь шла также и об истории, как в географических трудах ал-Масуди и ал-Бакри. Его описание Марракеша, например, сопровождает очерк правления Альморавидов и Альмохадов в былые века. Описание Туниса начинается с краткого изложения его истории со времен падения Карфагена. Сведения о местной и недавней истории марокканских земель он часто добывал из расспросов во время своих путешествий, как мы уже видели. Среди его письменных источников самым важным был великий труд Ибн Халдуна «Китаб ал-Ибар» («Книга примеров»), всеобщая история, начиная от обзора цивилизации в широком смысле и до подробного описания берберов и арабов и автобиографии. Ее многочисленные тома были доступны в мечети ал-Каравийин в Фесе – подарок автора с его автографом. («Китаб ал-Ибар», несомненно, входила в число исторических сочинений, которые Йуханна ал-Асад резюмировал в не дошедшей до нас работе «Краткое изложение мусульманских хроник».) Его «География» в определенных отношениях перекликается с социальными воззрениями Ибн Халдуна, особенно в оценке городского образа жизни²⁸⁷.

Помимо этой смеси географии, описания путешествий и истории, в тексте Йуханны ал-Асада то возникают, то исчезают и другие темы. Повсюду разбросаны крупинки автобиографического материала. Есть отступления о суфизме, о четырех богословско-правовых школах у суннитов, о различных мусульманских сектах. Рассказывая об остановке в одном негостеприимном городе в королевстве Тунис, автор вспоминает и приводит оскорбительные стихи об этом городе ал-Даббага, «чудесного» поэта из Малаги, который, как и он сам, встретил там скверный прием. Далее Йуханна ал-Асад объясняет некоторые условности подобной инвективной поэзии (*хиджаа*)

²⁸⁶ Цит. по: Dunn R. The Adventures of Ibn Battuta. P. 258–259. О сочинениях в жанре *рихла* в Марокко XV–XVI веков см.: Bencheikroun M. B. A. La vie intellectuelle. P. 9–11; Hajji M. L'activité intellectuelle. P. 182.

²⁸⁷ CGA. F. 19r («e meglio se ponno vedere le Hystorie de li Arabi di Ibnu Calden el quale fece quasi un grosso volume de li arbori et de le generatione de li Arabi imbarbarati»), 67r–74v, 178v («opera de Ibnu Chaldun cronechista»), 317v–320v; Ramusio. P. 39 (в DAR. F. 5v опущено упоминание Ибн Халдуна), 93–100, 195, 319–321; Épaulard. P. 34–35, 99–107, 219, 378–382; Ibn Khaldun. The Muqaddimah. An Introduction to History. Vol. 1. P. LXXVII, XCI–XCII; Robinson C. F. Islamic Historiography. P. 185. Недавние крупные исследования Ибн Халдуна: Al-Azmeh A. Ibn Khaldun. An Essay in Reinterpretation. 2nd ed. Budapest, 2003; Cheddadi A. Introduction // Ibn Khaldun. Le Livre des Exemples / Trad. par A. Cheddadi. Vol. 1: Autobiographie. Muqaddima. Paris, 2002. P. IX–LIV; Zhiri O. Jean Léon l'Africain lecteur de Ibn Khaldun: Les savants contre les charlatans // Léon l'Africain / Sous la dir. de Fr. Pouillon, O. Zhiri. P. 211–236. Еще одним источником исторических сведений для Йуханны ал-Асада был Абд ал-Вахид ал-Марракуши (XIII век), уроженец Марракеша и автор монументального труда о биографиях ученых ал-Андалуса и Магриба (CGA. F. 74r–v; Ramusio. P. 100; Épaulard. P. 109; Biblioteca Medicea Laurenziana. MS Plut. 36.35. Al-Hasan al-Wazzan. De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes. F. 48r; De Viris quibusdam Illustribus apud Arabes, per Johannem Leonem Afffricanum [sic] // Johann Heinrich Hottinger. Bibliothecarius Quadripartitus. P. 272; Bencheikroun M. B. A. La vie intellectuelle. P. 147–155; Al-Qadi W. Biographical Dictionaries. P. 103–104).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.